

№ 1(19). 2017

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

Цитата номера:

То, что я любил и чтил больше всего в жизни своей, некричащую, благородную скромность и правду, высшую красоту и благородство целомудрия, – всё это мне было дано в восприятии родины. И ей свойственна также такая тихость и ласковость, как матери. Она задушевна, как русская песня, и, как она, исполнена поэзии музыки. Только её надо слышать самому, внутренним слухом, потому что она не насилует и не потрясает, не гремит и не кричит, но тихим шепотом нащёптывает свои небесные сны. Она робко напоминает лишь о потерянном рае, о той надмирной обители, откуда мы пришли сюда. И теперь, когда я пишу эти строки и собираю свои чувства и свою любовь к ней, в душе моей звенит этот голос вечности. И поистине родину можно — и должно — любить вечною любовью.

С. Н. Булгаков

Февраль 2017 № 1 (19)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционная коллегия:

Григорий Блехман — член Союза писателей России
Игорь Ерофеев — член Союза писателей России
Николай Иванов — член Союза писателей России, сопредседатель Правления
Союза писателей России
Александр Казинцев — член Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Сергей Кириллов — писатель, поэт, публицист
Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета
по культуре при Президенте РФ
Александр Новосельцев — член Союза писателей России
Сергей Пылев — член Союза писателей России
Андрей Растворцев — член Союза писателей России
Геннадий Сазонов — член Союза писателей России
Вадим Салеев — доктор философских наук, профессор, главный редактор
журнала «Артефакт» Белорусской государственной академии искусств
Владимир Шемшученко — член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014
Дата выхода номера в свет: 16 февраля 2017 года
Тираж: 1000 экз.
Адрес редакции, издателя: 236010, Калининград, ул. Белинского, 44-58
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна, адрес:
236010, Калининград, ул. Белинского, д. 44, кв. 58
Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки — Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка — Елена Балантаева
Отпечатано в типографии ООО «График Артс»
г. Калининград, проспект Мира, 5, тел. 92-14-90, e-mail: 921490@mail.ru
При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.
Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.
Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи должны быть сохранены документом Word (шрифт — Roman, кегль 14, межстрочный интервал — 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста — краткие сведения об авторе — *курсивом*. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Приглашаем к дискуссии	
Сэда Вермишева. Писатели в роли коллективного Чацкого	4
Проза	
Олег Куимов. «И явлю ему спасение Мое». <i>Рассказ</i>	8
Александр Ломтев. Разглядеть зимородка. <i>Ностальгическая повесть</i>	18
Евгений Фёдоров. Чоботы. <i>Рассказ-быль</i>	31
Александр Чумиков. Москва-400: едем мы из Жанжибая. Часть 3. <i>Окончание.</i> <i>Начало см. в №№ 5 (17) и 6 (18) 2016</i>	42
Татьяна Тарковская. Бог знает почему. <i>Очерк</i>	55
Наталья Советная. Подранда. <i>Отрывок из книги «Пучок травы»</i>	62
Поэзия	
Анатолий Аврутин. Сквозь глухую летопись времен... <i>Стихи</i>	69
Людмила Ашеко. Кто ты? <i>Стихи</i>	74
Ольга Старушко. <i>Стихи</i>	78
Берега Новороссии	
Андрей Чернов. Жертвенное стояние Донбасса. <i>Интервью с писателем Николаем Ивановым</i>	82
Елена Родченкова. Рождение Новороссии. <i>Поэма</i>	84
Владислав Русанов. <i>Стихи</i>	88
Валентина Беляева. Дух Новороссии. <i>Стихи</i>	91
Андрей Авраменков. Оля и снаряд. <i>Рассказ</i>	93
Елена Настоящая. <i>Стихи</i>	97
Алексей Шорохов. Гробы для диктатуры олигархата	99
Рязанские берега	
Вячеслав Егоров. Янтарная баллада	100
Марина Бондарева. <i>Стихи</i>	102
Наталья Кострикова. <i>Стихи</i>	103
Переводы	
Саир Зайнеддин. Песни на аль-манси. Сирия. Дамаск. <i>Перевод Светланы Савицкой</i>	110
Салам Сарван. Любовь. <i>Стихи. Перевод Ниджата Мамедова</i>	115
Молодые берега	
Виталий Савров. <i>Стихи</i>	104
Алина Лысикова. <i>Стихи</i>	106
Дарья Фао. Я буду всем. <i>Стихи</i>	108
Берега памяти	
Людмила Голенищева-Кутузова. Пять поколений на службе Отечеству	117
Тамара Спицына. Кёнигсберг – Калининград. <i>Отрывок из документальной повести «Дети войны»</i>	122
Берега культуры и искусства	
Оксана Карнович. Майя Плисецкая.....	131
Берега любомудрия	
Сергей Корнилов. Тема Родины в творчестве русских мыслителей XX века	152
Алина Чадаева. «В поисках Вечной Истины». <i>Отрывок из книги «Нет ни эллина, ни иудея»</i>	157
Русский мир без границ	
Берега Франции.	
Елена Лебедева. Русский очаг в восточных пригородах Парижа	139
Берега Литвы.	
Владимир Вахрамеев. Верный рыцарь русского романса. <i>К 75-летию со дня рождения Валерия Агафонова</i>	143
Критика	
Сэда Вермишева. Послание Блока	162
Наталья Шунина. О чём молчат петроглифы. <i>О книге А. Чадаевой «Нет ни эллина, ни иудея»</i>	167
Лидия Довыденко. Экология Земли и души. <i>Размышления над книгой Евгения Журавли «Озеро забвений»</i> .	168
Наши друзья	
Советуем почитать. Подписка и приобретение журнала	171

Приглашаем к дискуссии

Сэда Вермишева

Сэда Вермишева – поэт, публицист, ученый, общественный деятель. Член Союза писателей СССР, председатель российского культурно-исторического общества им. Грибоедова, сопредседатель Московского общества дружбы с Арменией, сопредседатель русскоязычной секции СП Армении, член правления Международной ассоциации содействия культуре, член правления Союза армян России. Автор более 10 поэтических сборников. Стихи переводились на армянский, французский, словацкий, польский и английский языки. Сэда Вермишева удостоена множества государственных и литературных наград. Живет и работает в Москве и Ереване

Писатели в роли коллективного Чацкого

Уже два с половиной десятилетия, если не более, длится в стране, теперь уже в независимых государствах постсоветского пространства, пора реформ и трансформаций. Давно закончилась время надежд на лучшее, с каждым днем нарастает ностальгия по прошлому, растет страх перед грядущим и растерянность от смутности его контуров и очертаний. И с каждым прожитым днем все пасмурнее на душе от чувства бесперспективности настоящего и отсутствия будущего. У кого? У страны, у ряда стран, у человека или всего человечества? И это последнее – всего вероятнее. И от того так неуютно стало жить, так обрывается день, не становясь ступенькой к Храму... И от того, что не на преодоление трудностей настоящего и будущего тратятся силы и разум человека, не на объединение усилий перед возможными, а может и неизбежными катастрофами, а на усугубление царящего в мире хаоса, становится смутно на душе, и растет ощущение того, что человечество слепо вступило в фазу самоуничтожения...

И в условиях нарастания этой проблематики, разрешение которой требует сил и способностей, которыми я, априори, не располагаю, я остановлюсь только на одном моменте, а именно – на отсутствии в современном мире какой либо позитивной, в интересах человека и человечества, программы, заходящей за рубежи сегодняшнего дня.... Возможно, я сгущаю краски, – дай Бог.... А если нет?... И я вспоминаю А. Грибоедова и его бессмертное произведение, комедию «Горе от ума.» Почему? Чем оно мне напомнило переживаемые сегодня трагедии, какие аналогии вызвало в памяти, какие выводы сформулировало безотносительно к времени происходящих событий?

Отвечая на этот вопрос, укажу на главного героя комедии А. Грибоедова, – «Горе от ума» – Чацкого. Кто он? Советское литературоведение трактовало этот образ, как безусловно положительный. А так ли это? Проследим поведение Чацкого по ходу комедии. Вот он явился.... Приведу цитату другого классика. Из другого произведения: и « все смешалось в доме Облонских». Но наш случай произошел раньше. И с появлением Чацкого все смешалось в другом доме, в доме Фамусова.

Мое первое знакомство с произведением А. Грибоедова приходится на годы, когда фигура Чацкого в советской учебной литературе рассматривалась как положительная – революционная, героическая и страдальческая одновременно. И для этого были основания, заложенные в самом произведении. Сегодня, по прошествии многих лет, в иной, постсоветской реальности, частью представителей литературного сообщества (Б. Н. Тарасов и др.), Чацкий рассматривается в качестве персонажа, наделенного умом скорее разрушительным, чем созидательным. Согласимся, что и для такой оценки есть основания, вытекающие из явленного нам автором образа героя, и новый взгляд продиктован накопленным в обществе опытом и осмыслением образа Чацкого в преломлении к нашему времени.

Если в прошлом критика правомерно находила в Чацком черты, отличающие декабристов и декабризм в целом, то в нынешних реалиях он ассоциируется с представителями либеральной общественности нашего времени, которые, избобличая пороки строя, не имели перед глазами какой-либо конструктивной, реальной модели следующей социально– экономической формации. Какая формация сменяет социализм? Нет ответа «Новый курс Рузвельта», Шведская или Китайская модель»? – но это только некоторые промежуточные решения, а главное, фундаментальное знание, определяющее архитектуру будущего здания планеты, и шире – мироздания, – ускользает...

Проецируя образ Чацкого на нашу реальность, на первый план выступает отсутствие в его характере конструктивности, что в свою очередь может смотреться как деструктивность, перерастая в провакативность характера героя. Чацкого можно назвать и разрушителем. Сам факт разрушения, если он направлен против чего– то негативного, будь то общество, ситуация, событие – явление позитивного характера. Однако наше время жестко поставило вопрос о наличии или отсутствии следующей за разрушением фазы – фазы позитивного действия, фазы системного утверждения определенной шкалы ценностей, исходя из современных реалий, современных условий, желательного и разработанной программы достижения желаемого результата.

Обращаясь же к Чацкому, мы имеем пример героя, действия которого в конечном итоге не только не создают позитива, но и приводят к утратам, потере основ, что свидетельствует о несостоятельности прежде всего субъекта отрицания – в данном случае – Чацкого.

В подтверждение коротко обратимся к самому произведению, в котором Чацкий выглядит достаточно вздорным человеком.

И так, Чацкий, без какой –либо убедительной причины на три года уезжает за границу, не обременяя себя какими-либо обязательствами или проявлениями памяти и чувства, не говоря о служебном долге. И вдруг, наскучив дальними краями, « сорок пять часов, глаз мигом не прищура, верст больше седьмисот пронесся – ветер, буря...» Но сорок пять часов – это ведь всего почти двое суток! Что они, эти двое суток приближения, по сравнению с тремя годами отдаления?! Но Чацкий в своем эгоцентризме вполне искренне не замечает этого. Софья же ему прямо говорит: «не можете мне сделать вы упрека, кто промелькнет, отворит дверь проездом, случаем, из чУжа, из далека – с вопросом я, хоть будь моряк: не повстречал ли где в почтовой вас карете». Обратим внимание – «хоть будь моряк: не повстречал ли где в почтовой вас карете». Моряк и почтовая карета – не очень вяжутся логически, но на уровне эмоций достаточно впечатляюще говорят о чувствах Софьи, у моряка спрашивающей о путешествующем в карете Чацком. Но Чацкий не дает себе труда вдуматься в слова Софьи и продолжает бурное излияние спонтанно нахлынувших на него чувств. Что они спонтанны – говорит весь предыдущий монолог...

И далее – бесцеремонные, с точки зрения этики, и понятные, если взять во внимание повышенную самооценку героя («вот о себе задумал он высоко») вопросы к Софье: «Не влюблены ли Вы? Прошу мне дать ответ без думы. Полноте смущаться.» И далее по тексту идет осмеяние Чацким родни Софьи, без оглядки на то, на сколько это может оскорбить, задеть ее чувства: «Ну что Ваш батюшка? Английского клоба старинный верный член до гроба? Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?... А тот, чахоточный, родня Вам, книгам враг... » Вряд ли в этих едких определениях присутствует хоть толика такта или просто приличия. Ведь он высмеивает без видимой причины отца Софьи, и других, близких ей людей...

Но отвлечемся от цитат, которых можно было бы по тексту привести великое множество, и, зная ход развития ситуации в комедии, избобилующей аналогичными проявлениями характера Чацкого, констатируем, что только за пару суток действия и высказывания Чацкого привели к тому, что:

Софье (цитируем Фамусова): «не быть ... в Москве, не жить С людьми, подалее от этих хватов, в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов, там будешь горе горевать, за пяльцами сидеть, за святами зевать.»

Лизу отправят «В избу за птицами ходить»,

Молчалина Софья прогонит в ночь на улицу, «чтоб в доме здесь заря Вас не застала». Прислугу Фамусов сошлет «на поселение».

Чацкий пойдет искать по свету, «где оскорбленному есть чувству уголок»!

После всего случившегося Фамусов назовет свою судьбу «плачевной».

Итак – все разрушено. Что далее? Чацкий, на фоне этого краха, оправляется «Искать по свету...»

То есть демонстрирует безответственность, бегство. И еще подобное действие называется «Умыть руки»... Чем оно оборачивается, напоминать излишне...

Комедия «Горе от ума» А. Грибоедова является необыкновенно ёмким произведением, которое, как всякая великая литература, остается актуальным для каждого нового поколения, в котором каждая новая эпоха открывает новые грани, новое видение и оценки современных событий и персонажей. Вот и я для ориентации в современных реалиях перечитываю это произведение, и преломляю его и действия его героев применительно к нашему времени...

Но вернемся к произведению и отметим: каждый из персонажей комедии Грибоедова возможно и был несовершенен, но все вместе они составляли нечто, хоть и далекое от совершенства, тем не менее функциональное, живое. Появление же и действия Чацкого не реконструировали эту систему, а разрушили ее, ничего не предложив и не создав взамен, потому что Чацкий, ничего, кроме отрицания существующей реальности изначально не нёс никакой альтернативной идеи, на которую реально можно было бы опереться.

Главным орудием разрушения существующей системы для Чацкого было её высмеивание. Оно, это высмеивание, идет на протяжении всего произведения «Горе от ума». (Ведь недаром же драматическое произведение названо комедией, и откликается карнавалом М. Бахтина...) Смех же изначально не предполагает предложения альтернативных вариантов. Его функция коротка и однофазна. Он направлен на разрушение действующей конструкции, а не на создание новой. Но свято место пусто не бывает. Во всяком случае, долго. Его занимают те, кто идет след в след за отрицателем. Так произошло и в нашем обществе, когда на излете двадцатого века назревшее в обществе отрицание и потребность в совершенствовании существующей модели не удалось, ограничившись анекдотами, перевести в какую-либо конструктивную плоскость, не удалось или и не предполагалось, и освободившееся место заняло мировоззрение пустоты, или идеалы, глубоко чуждые и враждебные народу.

Ведь теоретической базой революции 1917 года был марксизм, фундаментальное, детально разработанное учение, а не набор деклараций. Марксизм – последовательное учение, и потому оно и стало основанием для практического построения и воплощения социалистических идей в России. Теории, которая определяла бы возможность перехода от социализма к капитализму и построения при этом дееспособного строя, а не воровского общага под красивым именем «приватизация», эффективной экономической модели, нет и по сей день не существует. Мы оказались в регрессе, выхода из которого и четких очертаний нового пока не просматривается. И в этом – трагедия. Налицо только практика последовательного, дикого разрушения, без замещения разрушенного каким-либо другим продуктом созидания даже на понятийном уровне. Не говоря о теории... Теория отсутствует... Конечная остановка нынешнего нашего политического и экономического маршрута – «Разруха», так как критика и только критика не содержит в себе элементов созидания... Что и блестяще продемонстрировал А. Грибоедов в своей бессмертной комедии «Горе от ума», написанной задолго до вырисовывающихся контуров сегодняшнего дня и его трагедии.

Значит ли это, что пороки общества не должны изобличаться? Отнюдь! Но это означает, что изобличение пороков изначально должно подразумевать наличие альтернативных проектов, и, что особенно важно, реальных способов их реализации и получения соответствующих результатов. Но такой картины в произведении А. Грибоедова не возникло. Не возникло её и в нашем обществе. И после первых разрушительных шагов оно неукоснительно продолжается в конкретных сферах, в конкретных действиях конкретных лиц, дополняя общую картину этого разрушения.

Алгоритм и методика разрушения одна и та же: манифестация, гиперболизация, демонизация недостатков. Игнорирование или отрицание достижений и заслуг. Уничтожение материальной базы и, таким образом, самой возможности восстановления и функционирования в дальнейшем дееспособных структур.

Разрушена наука, образование, медицина, культура. Дело дошло до литературы.

Вокруг Союза писателей России начаты действия, имеющие своей целью в скором времени его ликвидацию или же трансформацию в нечто, отвечающее далеко не лучшим тенденциям современного мира, потому что согласно закону общей теории систем: «один элемент не может быть в состоянии качественно ином, чем вся система». А система находится в состоянии перерождения и деградации. А это, даже на теоретическом уровне, предвещает таким образом то же и для Союза

писателей России. И становится угрожающей ситуация, складывающаяся вокруг дома на Комсомольском 13, Союза писателей России, и тех, чьими усилиями это организация функциональна, действенна и уникальна.

И ролью разрушителей, Иуд, как и Понтиев Пилатов, прельстились некоторые писатели и писательские СМИ (Литературная газета), исходя из собственных интересов ли, недомыслия или тщеславия (не стоит труда разбираться!) и выступили (такие же пустоцветы) в роли коллективного Чацкого... Так же безответственно. Так же без думы – кто и что взрастит, что взрастёт на вытоптанном их ногами участке?... Ведь «потеряешь – не найдешь, что посеешь – не отыщешь. Ветер, вот он, в поле свищет. Ветер... Что с него возьмешь?» (С. В.)

Но писатели – все-таки, надеюсь, не ветер. И понимают (есть богатый опыт!), что потом поздно будет сожалеть и сетовать... Тем более, что сами писатели разбросаны и размётаны по разным писательским организациям, которым уже нет числа. А фрагментация целого, в данном случае писательского сообщества, гарантирует власти возможность реализовать, с выгодой для себя, возможность подчинения и управления писательским сообществом в своих интересах, на практике реализуя древнюю и всегда актуальную римскую максиму – «Разделяй и властвуй»! Вот она и разделяет, уничтожает (руками самих писателей) писательское сообщество. И нынешняя ситуация в писательском сообществе России – тому подтверждение. И это в стране, где всегда «в начале было Слово». Хотя можно было бы совместными усилиями против системы выстроить контрсистему. Ведь если даже подойти прагматически – все писательские сообщества ожидает одна и та же участь. Быть под сапогом власти. Или не быть. И поодиночке от нее не уйти. И вместо того, чтоб перед общей угрозой объединиться, писатели подписывают и «Лит. Газета» публикует кликушеские письма. Опомнитесь...

Стыдно жить на этом свете, Господа...

Проза

Олег Куимов

Родился 13 ноября 1967 г. в семье офицера Советской армии в городе Кирово-Акане Армянской ССР. Обучался в Томском университете по специальности «Гидрология суши». Окончил Литературный институт. Золотой дипломант премии «Золотой витязь» и лауреат различных конкурсов.

«И явлю ему спасение Мое»

Рассказ

Солнце садилось, окрашивая горы золотом. Бездомная рыжая дворняга, привлеченная запахом каши, подтрусилась к группе людей, сидевших за сколоченным из досок столом, остановилась неподалеку и осторожно, готовая сорваться с места при любом резком движении, стала пристально смотреть за тем, как те достают из мисок какими-то железными штучками вкусно пахнущую еду и быстро, с явным удовольствием жуют ее. Один из них поднялся, медленно подошел поближе к псу и положил на землю немного каши.

– На, ешь, дурачок, – ласково, чтобы не испугать, поманил он собаку.

Та осторожно подошла, поджимая хвост и стала быстро глотать пищу. Люди добродушно рассмеялись. Тогда человек вывалил из миски всю оставшуюся кашу.

Наевшись, пес слегка осмелел и подошел ближе, прислушиваясь к неспешному разговору военных. (Он уже научился отличать их по запаху от гражданских, даже если сейчас они были в обычных футболках).

Все внимательно слушали сидевшего в центре невысокого крепко сбитого молодого еще, но уже начинающего сесть круглолицего мужчину. Собака пожалела, что не понимает человеческого языка, ведь говорили они явно о чём-то интересном и часто посмеивались.

Внезапно круглолицый мужчина сосредоточенно нахмурился и сказал:

– Я тут недавно про одного парнишку читал, как там его?.. Ну, этого... как же его... который крестик не снял.

– А... который крестик не снял, – поспешил вставить, пока не опередили, молодой парень, – так это Женя... Евгений Родионов.

– Точно! – обрадовался рассказчик. – Родионов. Молодец, младший сержант Зелепукин! Объявляю благодарность с занесением в грудную клетку.

– Не-не, товарищ старший лейтенант, вы лучше чехам заносите, у меня здоровья не хватит.

– Да уж, товарищ старший лейтенант, Зелёный нам еще сгодится.

Когда смех стих, рассказчик продолжил:

– Я, как прочел, сразу Зою Космодемьянскую и Веру Волошину вспомнил, ну, там, мальчишек-героев, о которых нам в школе рассказывали, – Марата Казея, Портнову, ну и генерала Карбышева, которого заживо ледяной водой заморозили.

Слушатели уважительно потупились.

– Знаете, хлопцы, аж всего перевернуло... Вот были же люди! – старший лейтенант задумчиво замолчал.

– Да, это точно...

– Может, чифирнём, – предложил кто-то, нарушив неожиданно повисшую тишину.

– Давай.

Быстренько заварили крепкого чаю на костерке.

– Ну что, товарищ старший лейтенант, расскажите ещё что-нибудь интересного. У вас это как

по маслу получается. Прямо политрук, – обратились к командиру товарищи. – А там и мы чего расскажем.

Старший лейтенант неторопливо отхлебнул из алюминиевой кружки и отставил её на стол.

– Я, знаете, что, хлопцы, хочу сказать. Вот читаю газеты, смотрю телевизор, и такое впечатление, будто весь мир ополчился на нас. Я понимаю, если бы нас турки ненавидели: как-никак тринадцать войн, если правильно помню, нам проиграли. Крымская война не в счёт, потому что, не вступись Европа, вылетели бы они в трубу: все-таки при Синопе наши весь флот их уничтожили. И один раз в этих русско-турецких войнах мы из похода несолоно хлебавши вернулись – это еще при Софье Михайловне было, сестре Петра первого. Пол-армии тогда за просто так от жары, недостатка воды и болезней сгнуло по дороге к Азову. Так что в целом получается, мы всё ж таки на коне, а турки, как говорится, на щите. Но вот почему прочие к нам так неровно дышат? Им-то какое дело до нас?

– А это, товарищ старший лейтенант, как у нас в деревне, – вмешался высокий рыжеволосый старшина-сверхсрочник Серёгин, а меж своих попросту Серьга, скуластый голубоглазый красавец с Урала. – Был у нас в поселке один здоровый парняга, Сашка Хромых. Побаивались его поначалу. А потом, как начали в силушку входить, так всё норовили ему морду набить. И пока не получают по зубам, не могут успокоиться. Подопьют в клубе и лезут в драку. Авторитет заработать хотели. В итоге так достали Сашку, что он предупредил, что если ещё кто нарываться будет, то он уже не будет драться, а станет калечить, чтобы всякое желание отбить. Отстали. Один, правда, рискнул на свое здоровье проверить – два сломанных ребра, да так, по мелочи на три недели больничных набралось.

– И что, не посадили? – удивился Зелёный.

– Не, у нас всё по-честному, сам напросился. И его по-честному предупредили. Ну ладно, товарищ старший лейтенант, давайте дальше, а то я вас тут перебил чуток.

– А ты, старшина, правильно всё сказал. Так оно и есть. По большому счету, Европа ни разу нам морду не била, а сейчас она правит бал. Вот и не может стерпеть, что есть хоть один народ, который духом крепок и не прогибался так, как они прогибались. У них как было? Пришёл сильный и говорит: так верь. – А почему? – Я так говорю, я лучше знаю. – А что будет, если не буду. – По морде получишь.

Начинают верить, как приказали. А опосля учухали, что есть, оказывается, народ, который не прогнулся, защищал свою веру, а не подстраивал её под изменчивый мир – к небу стремился, себя вверх подтягивал, а не небо до себя опускал. У Европы сразу жлоба: ничего себе, есть кто-то круче нас, давай их в свою веру тоже обратим, чтобы не одни мы мазаными были. Ну и опять по новой, опять кулаками махать, силу демонстрировать.

А простого понять не могут, что ничем мы не круче их и что нет на земле самого крутого народа, потому что все и всё от Бога. А побеждаем мы потому, что Бог нас вознаграждает крепостью духа за веру, за преданность. И все наши победы только и только поэтому. А так чем мы от той же Европы отличаемся? У них тоже настоящие казаки есть. В спорте же мы не самые лучшие. А в войнах побеждаем мы, как в футболе немцы. И почему так? А потому, что сила в правде, и с нею Бог. Потому и с казаками.

– Ну, вы и загнули, товарищ старший лейтенант, – засмеялся весельчак Серьга, – начали о России, а теперь у вас побеждают одни казаки.

Бойцы весело рассмеялись вслед за всеобщим своим любимцем. Сам командир смеялся едва ли не громче всех.

– Ну, жук, ну, подловил. Голый о рубахе, а казак о казаках. Это ты в десятку. Но у нас ведь казачество и Россия неразрывно, рука об руку. И если я говорю о казаках, то это и к России применимо. Вера одна и суть одна: брат за брата. И никак они там у себя за бугром понять не могут, что не на Русь зуб точат, а на Бога, потому что с нами Он. А как с Богом воевать? А все эти англосаксы если хотят крутыми стать, то пожалуйста, верьте, как мы – по-настоящему, а не как в кукольном театре. А придут к вере по-серьёзному, так, глядишь, и сами одумаются: зачем с русскими воевать, ничего плохого мы от них не видели. А по морде получали потому, что сами просили. Дружить будем! – со смехом заключил старший лейтенант.

– Ну, вы даёте, товарищ старший лейтенант! – загалдели бойцы. – Вам бы с такой головой не с нами в окопе вшей кормить, а где-нибудь в генштабе командовать.

– Не, я для этого ленив. Учился в универе на истфаке два года, надоело.
– Да ну! В университете???
– Ну да, а что тут такого?! Гарвард, что ли! – пожал плечами командир.
– А я думал, что все казаки в офицеры идут, – подключился к разговору прежде молчавший рядовой Дмитриев, по прозвищу Дон.

– Во, типично шаблонное представление.
– А чего вы на истфак-то пошли? Охота в этой книжной пыли копать?!
Командир повернулся к произнесшему эти слова Зелёному.
– А что, тебе история неинтересна? Не хочешь знать, что раньше было, как люди жили?
– А зачем? Ну, жили себе, работали. И сейчас живут и работают, ничего не изменилось.
– Да уж, вот тебе и ответ, почему мы докатились до такой жизни и в итоге превратились в иванов, не знающих родства. В этом плане стоит поучиться у кавказцев. – Ты вот, к примеру, хоть одного прапрадеда знаешь?

Зелёный задумался.

– Не-е, только двух прадедов. Одного Степаном звали, а второго – Иваном.
– Ну вот, что и следовало ожидать. А мне как-то один чеченец сказал, что знает своих предков до двенадцатого колена. А у нас спроси – не лучше тебя, Зелёный, ответят. У нас в станице такого не было. Я, конечно, двенадцать не назову, но вот до седьмого смогу. Последнего, до кого память дотягивается, звали Кузьмой. Он у нас в роду личность известная.

Командир вдруг замолчал и низко наклонился. Скинув с ноги шлепанец, он внимательно рассматривал при быстро слабеющем свете ногу.

– Чего вы там нашли? – наклонились вместе с ним остальные.
– Да погодите! – Командир сплюнул на большой палец на ступне и протёр его. – Вот же зараза! Не грязь... точно ноготь сбил. Скоро слазить будет. Вот же повезло! То-то саднит противно так.

Зелёный не утерпел:

– Товарищ старший лейтенант, так чем же он так известен?
– Кто? – недоуменно нахмурил брови командир и с досадой повторил: – вот же зараза!
– Да прапрадед ваш.
– Прапрадед?.. А... Кузьма. Ну да, точно. – Командир отхлебнул из кружки. – Так вот, известен он был, знаешь почему, Зелёный? А потому, что, дай Бог, тебе таким крепким быть, чтобы у самой смерти так же лихо из лап выскочить.

А дело было так. Кузьма, отчество я, опять же не в пример горцам, не знаю, в Кавказскую кампанию попал в плен к чеченцам. Двух товарищей его во время конного разъезда подстрелили. Прапрадед сам тоже успел в одного чеченца на скаку попасть, а потом коня у него убили и ему ногу придавило.

Короче, схватили Кузьму и в яму бросили. А тот чеченец, которого он убил, оказался сыном какого-то уважаемого местного аксакала. А у него до этого ещё одного сына убили. В общем, пришел аксакал в ярость, даже про выкуп забыл. Решили моего пращура не простой смерти предать. Знаете же такую казнь: всадник на коне волоком за верёвку таскает, пока не помрёт. Это в кино кажется, что не страшно. На самом деле каждый бугорок всем телом обобьёшь – мучительная смерть.

Связали деду Кузьме руки, а он давай молиться «Живьи в помощи...», да громко, во весь голос. Чеченцы злорадствуют, надсмехаются: как это, мол, тебе теперь твой русский Бог поможет. Зубы скалят, а дед Кузьма знай себе читает. И так воодушевился, что какая-то необъяснимая уверенность пришла, что не наступил ещё последний час. Вот как он так мог подумать – ума не приложу: уже привязан и джигиты все на конях наготове. Ну, какое тут может быть спасение? Тут смерть остаётся готовиться встречать, а дед Кузьма не верит, в который раз перечитывает: «...Не придет к тебе зло. И рана телеси твоему не приблизится, яко ангелом своим заповесть о тебе сохранили ты во всех путех твоих. На руках возьмут тя...»

Свистнули чеченцы – и в галоп, а дед, уже падая, как гаркнет во все горло: «Бог мой, и уповаю на нень!» Конь, на котором чеченец с веревкой скакал, то ли от крика резкого, то ли ещё отчего, споткнулся и вместе с наездником завалился, а веревка об острый камень и порвалась. А там к реке спуск крутой был. Ну, дед Кузьма бросился по нему, конник-то вскачь не спустится. Пока чеченцы опомнились да спешили, дед Кузьма уже далеко внизу был. Ему-то терять уже нечего, он жизнь

спасает, а тем-то не так надо, как ему, а то ведь и шею можно свернуть. Как только прадед не убился – и кувырком с кручи, и бегом. Бросился он в реку, вода ледяная, течение сильное, но перебрался на другой берег. А там уже лес близко. Стали чеченцы стрелять – да не попали. Бог казаков любит. Вот так и ушел прадед, упустили его чеченцы.

– А он вам как, товарищ старший лейтенант, по отцу или по матери приходится? – спросил кто-то.

– По отцу. Что, интересная история? – хитро прищурившись, хмыкнул командир.

– Интересная.

– Ну, тогда слушайте дальше. Вскоре один молодой джигит из того аула перешел к русским. Он не чеченцем был, а черкесом. Они к тому времени уже присягнули царю. А этот черкес не захотел замирился и ушел к Шамилю. Так вот, пришел он к нашим и говорит: хочу, мол, принять казачью веру; так и сказал: именно казачью, а не христианство. И чтобы крестным стал тот казак, который от Ахмеда сбежал. Ну, значит, прапрадед мой Кузьма.

Стали дознаваться почему. Черкес и рассказал, что видел, как, Кузьму когда конь потащил, откуда-то появился воин в сверкающей одежде и толкнул коня, а потом перерубил веревку. Многие тоже это видели. После Арслана еще несколько человек и даже две семьи приняли православие, хотя и остались жить в ауле. Так что если где-нибудь встретите русских Арслановых, то знайте, что это потомки того самого Арслана, этнические черкесы.

Рассказывал офицер про пращура, да не ведал, что вскоре и сам на его месте окажется. И ситуация почти повторится, разве что не в конном разъезде будет, а попадет в засаду на УАЗике. Но так же в яме станет ожидать своей участи.

* * *

Солнце только высунуло из-за гор свою расплавленную макушку и горизонт нежно зарозовел, когда старшего лейтенанта подняли из ямы и подвели к командиру боевиков.

Чеченец был высок, крепок, широкоплеч, мощная кисть и крупный кулак предполагали большую силу. Но не это выделяло его среди всех прочих, а пугающий холодный блеск черных зрачков.

– Ты кто такой? – спросил он.

– Старший лейтенант Семисчастный, – спокойно ответил офицер.

– Старлей??? – недоверчиво хмыкнул чеченец. – Что-то ты староват для старлея.

– Так получилось, – ровным тоном ответил Семисчастный.

Чеченец одобрительно качнул головой.

– Бывает. И что мне с тобой делать? Ранил моего бойца, – он неожиданно замолчал, задумчиво прикусив нижнюю губу. – Слушай, старлей, а может, мне тебя просто грохнуть?.. Тебя уже ищут, хороших людей дергают. Одни проблемы с тобой. А нам тут за двоих иностранцев хорошо заплатили, так что можно и без твоего выкупа обойтись, да джигиты? – обратился он к своим, и те в ответ с бесстрастным равнодушием во взглядах, так что невозможно было понять, то ли они одобряют, то ли нет, вяло кивнули головами. – Нет человека – нет проблем, – чеченец злорадно усмехнулся.

Семисчастный молчал. Он понимал, что убить пока что не должны, если только сам не нарвется на рожон. А это так... куражатся, спесь свою тешат.

Чеченец ещё позлорадствовал некоторое время, покуражился для виду, а затем, не отрывая внимательных глаз от лица офицера, с легкой усмешкой, приказал кому-то из своих:

– Шамиль, займись им, пусть войдет немного в курс, только побереги его пока... так, легкая профилактика.

Семисчастный понял, что будут бить, но, к его удивлению, били несильно и недолго и затем спустили в яму. Ночью ему удалось как-то отключиться и немного поспать, то впадая в полузабытье, то на короткое время погружаясь в полноценный сон. Рассвет он встретил на ногах, чувствуя себя приемлемо, если не считать нывшего со стороны спины ребра.

Яхья, командир боевиков, тоже спал неважно, постоянно уходя от каких-то неведомых преследователей, и проснулся в холодном поту. Сердце громко частило. Когда закончились погони, снова во сне пришёл тот старик-казак, которого он собственноручно заколол ещё в самом начале войны. Яхья убивал многих и не раз видел последнюю вспышку жизни в затухающих глазах отходивших в иной мир – и своих и чужих, но почему же никто из них не появлялся в его снах, кроме этого старого

казака? Почему он? И что сам Яхья сделал не так? Это его земля; ему, а не русским, и решать, кому на ней жить, а кому – нет. А не согласны – умрите. Таков закон жизни. И нет войны без крови. Яхья ничего нового не придумал, он сделал то, что положено делать мужчине.

И все же в глубине души робко скреблась мысль, которую он подавлял, оправдывая теперь перед самим собой ту гневливую вспышку: «Незачем было убивать старика». И не суровая решимость во взгляде старика возмутила его тогда, а презрительно брошенное ему в лицо слово «зверь». Уйди тот из жизни с ненавистью или со страхом, Яхья никогда и не вспомнил бы больше его. Но глаза умиравшего старика вдруг смягчились, из уголка выкатилась крупная стариковская слеза, и он, ухватившись за руку Яхьи, спокойно прошептал: «Нельзя так жить, чеченец». Яхья внезапно, удивляясь самому себе, остыл и не мог оттолкнуть от себя старика, пока тот не сполз на землю сам.

Едва дождавшись утра, он приказал привести пленных и снова неотрывно смотрел на старлея. Странно, но этот русский начинал ему даже немного нравиться исходившим от него спокойствием мужественного, умного человека.

Его бойцы, слушавшие поблизости радиоприемник, неожиданно рассмеялись.

– Чего вы там? – спросил Яхья.

– Да тут какие-то мудаки про русскую национальную идею прогоняют.

– Да... – Яхья с презрительной усмешкой вяло махнул рукой. – Только мозги могут засорять. Какая у них может быть ещё идея?! Нажраться – и всё! Ха-ха! Национальная идея... У овец может быть только одна идея – чтобы волки не трогали и чтобы пастух хороший попался. Национальная идея... Хм... – он снова повернулся к русскому офицеру.

– Радуйтесь, что нас, чеченцев, мало, а то давно бы вас уже сожрали. Одни косточки бы остались. А остальных бы рабами сделали, а баб ваших – подстилками.

Семисчастный хмуро посмотрел на чеченца. Он знал, что за то, что сейчас произнесёт, может быть жестоко наказан и даже убит, но... кто-то всё-таки должен иногда отвечать в таких случаях, даже если ты пленный и тебя ждут дома. В сорок первом тоже ждали. Мальчишек восемнадцати лет, боявшихся, жаждущих жить, но не утративших чести. А он казак – служивый человек. Ну кто, если не он?! Семисчастный сглотнул слюну и твердым голосом ответил:

– Вот потому вас мало, что вы со всеми грызетесь. А будь мы, русские, овцами, как ты говоришь, нам бы не позволили так расплодиться, чтобы одну шестую шарика освоить. Так что история нас с тобой рассудила. Овцами мы не являемся.

Чеченец скрестил на груди руки и, прищурившись, впился в него немигающим взглядом.

– Ты что, старлей, обурел?! Ты кому это говоришь... и где? Я же могу тебя на куски порезать. Чеченцы великий народ. Сильный народ.

– А русские не слабже, – отпарировал Семисчастный. – И мы, какие бы ни были, честные. А вы думаете только о том, какое впечатление произведёте на людей.

Чеченцы, заинтригованные необычно смелым поведением русского, переглянулись. Удивление, негодование выразилось на их лицах; затем прозвучал одинокий ироничный смешок, и последовавший за ним дружный снисходительный смех, подобно громоотводу, снял нависшее грозное напряжение. Смех быстро стих, все ожидали ответа командира: интересно, чем же всё-таки завершится этот невероятный в данных условиях разговор.

Яхью, к его собственному удивлению, слова русского старлея тоже не зацепили. Он усмехнулся, забавляясь про себя: «Ну что ж, пошутим».

– Вижу, ты, старлей, точно борзый. По-хорошему, надо бы тебя наказать. Ну, с этим ещё успеется. Давай поглядим, какой ты на деле, а не на словах. Для начала ответь: ты говоришь, что мы вроде как показушники. Поясни.

– А что пояснять? Гонора у вас столько, что по всей России столько не соберёшь. Вам об этом любой на Кавказе скажет, не только русские.

Дурак, – спокойно произнес Яхья, – это достоинство. У нас его видно, потому что мы ответить за него можем, а у вас силы нет, чтобы его иметь.

– Ошибаешься, всё у нас есть.

– Ну, давай... докажи. Иди сюда... Ложись, – указал Яхья на землю перед собой и, не дожидаясь ответа, сам лег на живот и выставил перед собой руку.

Дождавшись, когда Семисчастный лег напротив, Яхья своей огромной, как клешня, ладонью схватил его за руку. – Ну, давай поборемся. Докажи, что сила есть.

Чеченцы с любопытством обступили борцов, предвкушая весёлое развлечение. Никто не сомневался в победе своего командира, который мог бы, наверное, поломать даже Шамиля, хотя тот и был в два раза крупнее. Русский тоже был крепок, но торец не борцовский, уши целые; обычный сильный мужик – благодаря невысокому росту и плотному телосложению похожий на добродушного сказочного колобка с короткими ручками и ножками.

Борцы сцепили руки, Яхья скомандовал. Оба напряглись. И тут, ко всеобщему изумлению, рука их командира стала клониться, клониться и легла. Яхья вспыхнул.

– Давай ещё раз.

Но и во второй и в третий раз победил русский.

– Давай левой, – скомандовал не желавший смириться с поражением Яхья.

Однако и левая его рука, хотя и с куда большим сопротивлением, всё равно раз за разом ложилась на стол.

Чеченцы с уважением задерживали взгляд на офицере. Никто не мог поверить собственным глазам: русский, казавшийся неповоротливым увальнем, оказался таким мощным. Именно что мощным, потому что и сам Яхья обладал недюжинной силой. Поистине, внешний вид подчас обманчив.

Знай же Яхья, что Семисчастный много лет в юности регулярно занимался специальной гимнастикой для укрепления сухожилий по системе Железного Самсона, – хорошенько бы подумал, прежде чем подвергать ненужной опасности свой авторитет. Теперь же оставалось только досадовать на самого себя.

Выручил его Ваха – правая рука, верный помощник.

– Яхья, сила в руках ещё ни о чем не говорит. Давай проверим его на характер.

– Как?

– Я вот что думаю: давай их обоих свяжем и в яму опустим, а в руку гранату без чеки положим. Если до восхода удержит, значит, джигит, а нет... на все воля аллаха. А нам, если что, так и так отсюда на рассвете уходить.

Яхья с радостью согласился. Он и сам не хотел, чтобы русские остались в живых.

Потеря денег, которые предполагалось получить за них, его не смущала. Совсем недавно они очень хорошо заработали. А бабло ещё будет, пока у русских есть страх перед чеченцами. Кто в Москве или в той же Рязани посмеет не подчиниться воле мужественных и сплоченных нохчи? И будут платить дань рынки, магазины, фирмы; и будут отпадать горцам лакомые куски в бизнесе и коммерции. И все это работает единственно на страхе. И потому не должно быть у русских никаких примеров русской силы и доблести. Никто не должен узнать, что простой русский старлей оказался сильнее чеченского полевого командира, к тому же в прошлом кандидата в мастера спорта по вольной борьбе.

Да, обидное вышло фиаско. Но нет, больше так нелепо подставлять свой авторитет он не станет!

– Хорошо, Ваха, – Яхья небрежно махнул рукой, будто уступая просьбе, – делай как знаешь. Поглядим, какие русские мужики.

В том, что старлей не выдюжит, сомнений не было: удержать гранату без чеки столько времени никакому человеку не под силу.

Семисчастный не мог поверить своим ушам: такого не должно быть; это всё шутка, сейчас чеченцы со злорадством рассмеются, и этим всё закончится.

Не закончилось. От серьезного вида Вахи, подтолкнувшего его стволом автомата, у Семисчастного похолодело внутри. «Нет, я на такое не подпишусь. Всё равно не выжить, так уж лучше прямо сейчас разом погибнуть, чем еще и Зелёного за собой тащить», – мелькнуло в голове, и он рванул на себя калаш за ствол. В тот же миг от тяжёлого удара в затылок небо потемнело, и он потерял сознание.

Очнулся он внезапно. Открыл глаза – стоявший над ним чеченец лил ему на затылок воду из фляжки. Попробовал двинуться – ноги и левая рука связаны, а вытянутая вперёд правая спущена в яму и прикована к решётке через одну ячейку, так что вытянуть её наверх никак невозможно, а сам он лежит на животе.

– Ну что, старлей, пришёл в себя, – наклонился к нему Яхья. В уже сгустившихся сумерках на какой-то миг Семисчастному показалось, будто на него устремлены пустые безжизненные глазницы, как у мертвеца. Но нет, небо прояснилось, и в слабо пробивавшемся сквозь густую листву лунном свете блеснули зрачки чеченца. – Мои джигиты тут, пока ты отдыхал, немножко модернизировали нашу идею. Одно дело за собственную жизнь цепляться, тут и заяц может волком оборотиться, как вы, русские, любите говорить. А вот как ты ради одного только товарища своего постоишь – вот это поинтереснее будет, правильно будет, чтобы понять твой характер. На... держи!

Семисчастный, все ещё не в силах поверить в реальность происходящего, осторожно сжал в кулаке вложенную в него чеченцем гранату.

– Крепко держи, – продолжал говорить Яхья, выдернув чеку, – а то друга на куски разнесёт, а сам без руки можешь остаться. Давай... молись своему Христу. Посмотрим, как Он тебе поможет.

Чеченцы презрительно усмехнулись и разошлись.

Будто какой-то тумблер щёлкнул в голове Семисчастного, и всё окружающее исчезло – осталась только эта теплая тяжесть смертельного железа в руке. От мысли, что он окажется, хоть бы и косвенно, а не впрямую, но все же повинным в смерти товарища, пробежала холодком дрожь по спине и замерла на затылке ледяными колючими иглами.

Семисчастный быстро справился с собой и постарался не думать о гранате, чтобы не вызвать перенапряжения руки, но получалось не очень. Ко всему прочему съеденная ещё в обед лепёшка уже давно переварилась. И хотя чеченцы давно улеглись, ему всё чудился запах тушёнки, да так явно, что стало подташнивать от голода.

Поначалу держать было легко, однако опытный офицер не обольщался: он прекрасно понимал, что это всего лишь цветочки, а ягодки ещё впереди. «Эх, мои меня дома ждут, – резануло по сердцу, – свидимся ли?» Семисчастный забылся и не заметил, как глухой стон вырвался из груди.

– Вы чего, товарищ старший лейтенант? – вывел его из забытья оклик Зелёного. – Вы чего?

– Да так... ничего... – полушёпотом ответил командир.

– Вы это... не забивайте себе там ничем голову. Что будет, то будет. Значит, так надо.

– Ага, легко тебе говорить, а ты на моё место стань. Как мне потом жить, если что...

– Товарищ старший лейтенант, я же вам говорю: не забивайте голову, я попробую развязаться. Ещё не вечер.

Семисчастный оживился:

– Давай, Зелёный, ты уж постарайся, выручи, браток.

– Постараюсь, товарищ старший лейтенант, вы только терпите.

– Хорошо, Зелёный, есть терпеть, – с напускной веселостью пошутил Семисчастный.

Он не представлял, сколько прошло времени. Наверное, не так уж и много, но впечатление было такое, что время остановило свой бег. Рассвет никак не обозначался. Семисчастный временами двигал рукой, насколько позволяли наручники, потому что холодная железяка арматуры болезненно сдавливала запястье. И несмотря даже на то что зуд на пальце усилился и превратился в жжение, пока что терпеть ещё было можно. И вдруг по ладони пробежали мурашки – рука занемела как-то совсем внезапно. И от испуга, что граната может выпасть, снова обдало холодом затылок.

И в этот момент неподалеку осторожно щёлкнула какая-то птаха. Помолчала, щёлкнула ещё разок, другой, третий, пробуя голос. Опять замолчала, и вдруг тишину разорвал звонкий свист.

«Эх, соловушка! – прошептал Семисчастный. – Что ж ты так душу-то рвёшь, родимый?!»

И чем больше расходилась птаха, тем невыносимее становилось от одной мысли, что вот в такую чудную весеннюю ночь по его вине должен погибнуть простой русский парень, которого он как раз должен защищать. О самом себе в таком положении грех думать, но с каким-то отстраненным спокойствием знал, что легкая контузия гарантирована, а может и руку зацепить. «Сволочи!» – скрипнул зубами Семисчастный.

– Товарищ старший лейтенант, – зашептал Зелёный. – Кажется, веревки поддаются. Ослабли чуток.

– Давай, миленький, давай, на тебя вся надежда. Я-то никак не могу. Наручники... сам понимаешь.

– Понимаю.

Семисчастный осторожно пошевелил кистью, по руке опять противно пробежали мурашки.

Подгоняя время, он с надеждой вглядывался в видневшееся между деревьями небо. Но оно молчало, не отвечая надеждой предутреннего просветления. А силы иссякали: горел уже не только палец, горело и сухожилие на ладони, да и кисть тяжеленным камнем тянула вниз, в яму. Ветка под телом, которую он поначалу не замечал, все больнее впивалась в грудину, так что приходилось осторожно ёрзать, чтобы она давила не в одно ребро. «А дальше будет всё хуже... и всё быстрее, – подумал с тоской Семисчастный и тут же сам себя одернул: – Да ведь было же время – мученики и не такое терпели. Значит, можно терпеть. Значит, и мне по силам, если и слабые телом люди выдерживали – женщины и даже дети. Так казак я или нет?! – подстегнул он сам себя и, воодушевляясь, повторил: – казак я или нет!» И чудо! Мрачное уныние, подкравшееся только что, разом исчезло. «Я казак, сын казака, внук казака, правнук казака и отец казака. Рано крылья опускать, будем терпеть, – с радостью зашептал Семисчастный, сжимая кулаки. – Будем терпеть. А казак без молитвы не казак, а так себе, ни рыба ни мясо. Ух-х... какой же я дурак. В думки ударился, а о главном и думать забыл».

И Семисчастный стал молиться. Он и прежде творил молитву: «Господи помилуй», – но подступавшие мысли уводили в сторону. Теперь же Семисчастный гнал их прочь. «Господи, помилуй!» – горячо, истово шептал он, раздувая ноздри в радостном упоении. «А ведь Кузьма молился «Живыми в помощи», – внезапно осенило его, и Семисчастный с благодарностью вспомнил маму. Другой молитвы он не знал, да и этой мог бы не знать – не уступи настойчивой просьбе матери выучить её как раз перед этой самой командировкой. Всякий раз при встрече мама твердила: «Выучи, выучи...». Семисчастный с добродушной снисходительностью отвечал, что в бою кроме «Господи помилуй» ничего не успеешь вымолвить, а уж это всегда помогает. Сказать по правде, сам он считал, что молитвенные и церковные дела удел старости, да и лень, конечно, мешала, но, будучи чуток под хмельком, всё-таки пообещал. А уж коли пообещал, то, в семье у них так было заведено, обещание надо выполнять.

Веря и надеясь на помощь свыше, Семисчастный неустанно твердил теперь молитву «Живыми в помощи...» и однажды поймал себя на том, что совершенно перестал о чем бы то ни было думать. И даже забыл по гранату, горячим зудом изводившую палец, про окаменевшее плечо и докучливую ветку.

Взгляд его прояснился и стал выделять не только то, что впереди, но и сбоку, как будто шоры спали с глаз и к ним поднесли увеличительное стекло – из общей массы листвы отчетливо проступили самые крупные листики. Вот оно какое, оказывается, должно быть орлиное зрение. И хотя лежа на животе поворачивать голову было неудобно, Семисчастный посмотрел в небо и замер, будто видел его впервые. Ему стало казаться, что эта чернота неба наверху живая и пристально вглядывается в него невидимыми глазами. Он поёжился, внезапно ощутив подступивший ночной холодок и то, как мокрая от пота тельняшка неприятно прилипла к телу. Мигнула между ветвей какая-то крохотная звёздочка, словно отвечая на его мысли: «Да, мы видим тебя. Мы все тебя видим». И каждая клеточка его сердца прокричала в ответ внутренним криком: «Господи, спаси!» Тело обмякло от усталости из-за неведомого никогда прежде сильного духовного напряжения, и вдруг слабость сменилось мощным, сметающим все сомнения приливом непоколебимой уверенности: «Все будет хорошо». И именно так и будет: Бог его видит.

Внизу, в яме, пыхтел Зелёный. Семисчастный не мог дотянуться до решётки, чтобы увидеть, как обстоят у него дела, и уже хотел окликнуть сержанта, как тот сам обратился к нему сдавленным голосом:

- Товарищ старший лейтенант, вы как там?
- Нормально, но могло бы быть и лучше. Что там у тебя?
- Да не так, как хотелось бы, но кисти чуток ослабли. Ещё немного – и попробую вытянуть через ноги.
- А сейчас что?
- Не могу, цепляюсь за задницу.
- Отъелся на казённых харчах. Выберемся – я тебя погоняю, как духа до присяги. Не отвертишься у меня.
- Мы не против, товарищ старший лейтенант, – отшутился Зелёный. – Вы только потерпите ещё.

Посреди ночи Яхья внезапно проснулся: кто-то отчетливо позвал его по имени: «Яхья!» Он прислушался. Ни звука! Осторожно огляделся, поднялся. Никого. Сделал пару шагов, продолжая всё так же напряженно вслушиваться. Нет, всё спокойно. «Приснилось», – подумал чеченец. И всё же ощущение, что рядом кто-то есть, не проходило.

Тогда, насторожившись, как волк, он застыл на месте. Сузившиеся до щёлочек глаза медленно скользили по начинавшей просматриваться в эти предутренние часы чаще.

Вроде всё нормально.

Яхья вспомнил про пленников и пошёл к яме. Не дойдя десятка метров, он остановился под толстым вязом и стал наблюдать.

– Зелёный, молись, совсем не вмоготу уже, – донесся до Яхьи сдавленный от натуги голос старлея.

– Я это... товарищ старший лейтенант, – прозвучал из ямы взволнованный голос второго русского.

– Я уже руки не чувствую совсем, затекла. Если что, ты это...

– Ладно вам, товарищ старший лейтенант, Бог всё знает, а я всё вижу. Не переживайте напрасно.

Яхья посмотрел на часы – четыре ноль девять – и впервые почувствовал уважение к русскому. Протерпеть столько времени! Это просто невыносимо даже для чеченца! Не дай Аллах пройти такое испытание. Ну что ж, значит, недолго осталось этим русским. «Аллах им судья», – криво усмехнулся чеченец.

Ему очень хотелось услышать последние слова русского старлея, и он прилёг за деревом в ожидании взрыва. «Да, сильный мужик, ничего не скажешь, – подумал Яхья. – Если бы у русских было больше таких людей, как эти двое, – вспомнился вдруг убитый им старый казак, – это был бы грозный враг».

Возникшее перед его мысленным взором лицо того старика ускользало, но цепкий, пронзительный взгляд его неприятно всколыхнул память и отдался в груди тупой давящей болью. Яхья потер грудь ладонью, и вдруг сам поразился собственной мысли: «А не отпустить ли этого круглолицего русского с татарской внешностью?» Яхья ещё не решил окончательно, и всё же внутреннее чутьё подсказывало, что так оно будет лучше. «Почему?» – задался вопросом Яхья и не мог ответить, только лишь понимал, что так надо, и все. Ну что ж, надо так надо. Как часто он поступал так в жизни – по наитию – и в итоге всегда оказывался в выигрыше.

Невидимый, Яхья внимательно разглядывал пленника в растворявшемся сумраке. И вдруг словно пелена спала с его глаз – он вспомнил, что у этого добродушного с виду старлея такой же твердый ровный взгляд, как у того деда. Именно поэтому он и должен остаться жить, – чтобы сохранилось еще на земле человеческое, чтобы сохранилось уважение, даже к врагу, а не один страх и презрение, потому что от страха рождается подлость. А ещё вспомнил он, как тренер Магомед Алиевич защитил семью своих русских соседей, когда к ним пришли с автоматами. А потом благодаря авторитету тренера тех беспрепятственно выпустили из Чечни на грузовой фуре, забитой доверху вещами. Мало кому в то время удавалось подобное.

Яхья поднялся и быстрым шагом направился к старлею. Он знал, что поступает вопреки закону сохранения рода, требующему убивать самых сильных врагов. И всё же изредка нужно поступать и так, как он сейчас задумал. Пусть знают, что чеченцы умеют ценить мужество.

– Господи, не оставь! – простонал Семисчастный, слыша приближавшиеся шаги.

– А Всевышний есть только с нами. С вами Его нет, – произнес Яхья, осторожно забирая из его руки гранату.

– Благодарю, – облегченно выдохнул офицер, полуобернувшись к чеченцу. – Но неужели ты думаешь, что Бог так жесток, чтобы выбрать одни народы и оставить другие?

Яхья задумчиво нахмурил брови.

– В этом что-то есть. Но если ты такой умный, то скажи: какого хрена вы полезли к нам в Чечню?!

– Знаешь, мы, русские, такие люди. Можем проглотить личное оскорбление, можем даже сдрейфить иногда чуток – всяко в жизни случается. Но когда оскорбление наносится всему народу, всем русским, то тогда уж извини. Поэтому я и пришёл сюда. И я не один такой.

– И как же это, интересно, мы вас оскорбили? – недоуменно хмыкнул Яхья.

– Ну да, тебе это, может, и непонятно, – спокойно ответил Семисчастный, – потому что это не у тебя же русские парни гнули пальцы перед простыми пацанами. И отжимали бизнес у честных коммерсов не у тебя в Чечне.

– Это ваши проблемы, ваших мужиков, что вы не можете свой род защитить.

– А ты это по звериным законам решил, в которых Бога нет, а только сила признается? Кто сильнее, тот и царь? Так, что ли?

Яхья прищурился, раздумывая: отвечать-не отвечать?

– А может, и так. И что! Это закон жизни!

– Вот потому я и здесь! Чтобы этот твой закон жизни только у тебя здесь был, а у нас дома пусть по-нашему будет. И чтобы твои земляки на Руси своих порядков не устанавливали.

– Наглый ты, я смотрю: тебе только что помогли, жизнь другу спасли, а он ещё лечить меня вздумал. Ладно, отдыхай пока. Как у вас, русских, говорят, утро вечера мудренее. Утром решу, с собой забрать или грохнуть вас. Только помни: у меня дядю родного с тетей в клочья разорвало бомбой, твои федералы бомбили. И у нас у многих так – у кого родственники, у кого друзья. Так что ты думай как следует, прежде чем так говорить.

– Я понял. Только и ты пойми: зло всегда отдается злом, ваше – нашим, наше – вашим. И лучше забыть его и не ворошить прошлое, иначе... ну, ты сам все понимаешь.

– Понимаю. Но это все философия. Это не для воина. И вообще, жизнь, она проще. Я должен отомстить за кровь рода, если хочу считать себя мужчиной, и нечего тут философию разводить. Так надо, и всё!

Семисчастный промолчал.

Яхья вернулся к себе и прилёг, хотя знал, что все равно до утра уже не уснёт. «Что делать с этими русскими? – размышлял он. – Взять с собой?» Но сам чувствовал, что возни будет больше, чем прибыли, потому что федералы уже что-то пронюхали про них. «Грохнуть?» Но неприязнь к старлею как-то разом улетучилась, и тот даже стал симпатичен Яхье. «Ладно, старлей пусть живет, а второго... а второго... что же делать со вторым? Он и вправду еще зелёный. Ладно, плясать так плясать до конца – пусть тоже живёт», – определился, наконец, чеченец.

Яхья поднялся, негромким, но твердым голосом крикнул невидимому часовому: «Али, объявляй подъем!»

Когда Семисчастный с Зелёным стояли перед готовыми к переходу чеченцами, Яхья объявил:

– Шамиль, возьми Мусу. Отведёшь русских к старой чинаре и отпустишь.

– Яхья?! – удивленно воскликнул кто-то из чеченцев.

– Я сказал! – упреждая недовольные вопросы, отрезал командир и обратился уже к старлею: – дальше пойдешь вниз... разберешься, до твоих там недалеко. Если вдруг кто остановит, скажи: Яхья отпустил. Иди!

Семисчастный, не смея поверить невозможному, во все глаза смотрел на чеченского командира: неужели чудеса случаются, и именно с ним?

– Благодарю. Я этого не забуду, – от волнения у казака разом пересохло во рту и голос сел.

Чеченец с понимающим видом опустил на секунду веки.

– Не забывай... – и осёкся, не пожелав завершить фразу.

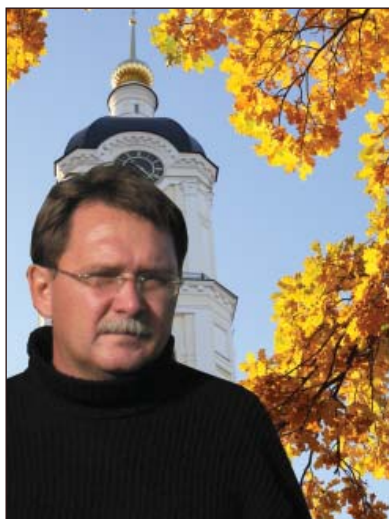
– Не забуду.

По пути к чинаре Семисчастный читал про себя «Живыи в помощи» и, дойдя до последних слов «и явлю ему спасение Мое», в глубокой задумчивости поджал губы.

Проза

Александр Ломтев

Александр Алексеевич Ломтев родился в 1956 году. Журналист, писатель, путешественник. Основатель и издатель общественно-политической газеты «Саров» и культурно-просветительской газеты «Саровская пустынь». Как журналист побывал во многих «горячих точках» – Чечне, Косово, Южной Осетии, Приднестровье и т.д.

Публиковался в различных литературных, научно-популярных и общественно-политических журналах в России и за рубежом. Автор книг «Путешествие с ангелом» (финалист Бунинской премии в номинации «Открытие года»), «Ундервуд», «Пепел памяти», «Лента Мёбиуса», «Финский дом». Лауреат премии Союза писателей России «Имперская культура», международной премии им. А. Куприна, публицистических премий Союза журналистов России, «Золотой гонг», премии «Патриот России» и др.

Автор четырёх персональных выставок графики. Живёт и работает в г.Саров Нижегородской обл.

Разглядеть зимородка

Ностальгическая повесть

Вдруг оказывается, что жить тебе осталось уже явно меньше, чем прожито. Да ещё время всё сжимается и сжимается, течёт, просачивается, уходит, словно песок сквозь пальцы – неостановимо и неумолимо. Ещё только позавчера был понедельник, а уж послезавтра пятница! И что? Земля вертится и вертится, всё ускоряется и ускоряется, того и гляди выскользнет из-под ног. За что зацепиться, чем утешить маету души, ночное биение сердца, как успокоить окаянные ночные мысли?

Эх, а где там старый, лет двадцать не тревожимый рюкзак, где склеившаяся от долгой лёжки надувная лодка?

– Бывало, по Вичкинзе на лодках всё лето ходить можно было, только осенью вода спадала, – рассказывал мне, пока я накачивал надувную лодчонку, дед-пастух, пригнавший к устью Вичкинзы десяток овец и пяток коровёнок. – А нынче-то самый мелкий мужик в самом глубоком месте её вброд перейдет, сидячего места не замочив.

Отсюда, от устья Вичкинзы, собирался я проплыть по Сатису до Мокши, по границе заповедных Муромских лесов в поисках временного покоя и нечаянных тихих впечатлений. И дед-пастух скрасил мне своей нехитрой болтовней рутинную подготовку к плаванию.

– Лесу по берегам почти нету – раз, – ворчал по-стариковски пастух, загибая корявые пальцы, – родники все илом позатыянуло – два, берега распаханы – три! Да ишо мясокомбинат...

Дед помог мне стащить грузённую ещё на берегу лодку в воду, и, гребнув байдарочным веслом, я поплыл мимо равнодушных коровёнок, мимо склонившейся над водой ветлы и через три гребка вывел свою надувнушку в Сатис.

Интересные здесь места – столько всего понамешано, на удивление. За спиной спрятался за колючую проволоку некогда суперсекретный город Саров, который за свою историю поменял с десяток псевдонимов: и Арзамас-75, и Центр-300, и Кремлев... Сколько народу со всей страны, из всех республик съехалось сюда, на «объект», когда-то – лучшие умы и золотые руки – чтобы придумать и сковать ядерный щит! СССР в миниатюре...

А всего в десятке вёрст от него (почему-то хочется сказать именно «вёрст») – Дивеево с мощами преподобного Серафима Саровского. Слева потянулись леса мордовского заповедника со всевоз-

можным зверьём и птицей, с кикиморами болотными и одряхлевшим Соловьем-разбойником на пенсии, не добытым ядерной дрянью соседнего «объекта»...

А уже через пару-тройку поворотов покажется из-за ветвей крест часовни на «серафимовских источниках». Купальни, мостки, толпа народу и лотки со всякой «духовной» мелочью, да и со снедью, впрочем, тоже. А ведь раньше тут был тихий мирный лесной уголок. И что за мания такая – тяга к тяжёлым, бронзовым мемориалам. Бил здесь когда-то из-под берега чистый живой родник, столетние сосны шумели над ним и, говорят, приходил сюда пару раз маленький согбенный старичок с монашеским именем Серафим. И вот уже толпы паломников, строительство, запруда, уж вместо родника – грязная темная лужа, а нам всё равно – святое место. Нам что Ленин, что Серафим – наворочаем бетонных глыб, зальём бетоном тропинки, нагородим фонарных столбов, ну, и торговлю, конечно, откроем. И не ведаем, простофили, что вместе с покоем и простотой давно потеряли благодать этого места...

Но ничего, ничего, река быстро унесет лодку от суеты человеческой под сень столетних корабельных сосен и пятисотлетних дубов. В непривычный горожанину зелёный сумеречный мир папоротников в человеческий рост, метровых муравейников, в густые заросли ореха-лещины, ежевики и прибрежного краснотала. Если повезёт, увидишь по пути надменного лося, вышедшего на водопой, семью кабанов, торпедами пробирающуюся сквозь осоку, а то и самого хозяина здешних лесов – громадного зубра. А затемно, причалив к берегу и разминая затекшие ноги, быстро наберёшь сушняка, и запылет, отражаясь в воде, костерок. Забулькает в котелке уха из пойманных ещё днем язей, закричит в темноте филин, вылетевший на охоту, и ты уснешь, убаюканный самой природой, ничего не опасаясь, ни о чём не беспокоясь и ничего не ожидая...

* * *

Как хороши вот эти нетронутые временем места. Проселочная дорога с разноцветным роем бабочек-однодневок в сырой колее, голос кукушки в глубине леса, неведомо кем поставленный сруб над родником и берестяной ковшик, остатки водяной мельницы поперёк русла речушки. Кто жил здесь и когда, куда ушёл и почему – теперь уж об этом никому не узнать. Хочется бросить всё, забыть мелкие свои суетные мыслишки, пропустить сквозь себя величие вечности, выйти на едва заметную тропу и побрести не торопясь, куда бы она ни повела. И хорошо бы брел рядом с тобой седой старичок со спокойным добрым лицом, и говорил бы тебе простые слова, которые отчего-то всё реже говорятся в этом мире...

И набредёшь нечаянно на забытую деревеньку с поэтическим названием Три Овражка. И овражков-то вокруг вроде не наблюдается, и почему три? Три богатыря? За тридевять земель? Было у отца три сына... А вдоль главной, потому что единственной, улицы ковыляет гордый гусак. А на поленнице млеет под солнцем, скептически поглядывая на суетливых «пудиков», толстый кот. А у крайней избы – рябина, а в окне красная герань... Вот у такого окна с такой геранью пил я однажды чай с полусасохшими пряниками, а хозяйка – подвижная улыбчивая семидесятилетняя старушка, подливая мне заварки «погуще», рассказывала о таинственном звере, заведшемся на местной речке Кянерге:

– Бают люди, много его стало, а раньше вовсе не было! Откуда пришел – не знай, охотятся на него приезжие охотники, а наши брезгают. И название у него како-то аляписто – атандра.

– Большой зверь-то?

– Да поменьше бобра будет. И мордой малость похож – да не бобёр. Живет, правда, как бобёр – под водой, рыбу ест. Бобёр людей боится, а этот – нет. Ребятишки там его часто по вечерам видят, на рыбалке. Я и сама раз видела. За грибами ходила, устала, на берег присела, а он плывёт – одна голова торчит. Под берег подплыл, нырк – и нету! Страсть...

Мне бы сразу догадаться, что за зверь завёлся на лесной речке Кянерге, а я всё выпытывал у старушки – какого цвета шкурка да какой хвост, да велики ли уши... Так вдруг захотелось чего-то таинственного, чудесного, неоткрытого...

В общем, была это банальная зверушка, ненужный подарок Америки, обыкновенная водяная крыса – ондатра, выдавившая, кстати, из наших лесов стариннейшего и уж куда более ценного зверька – выхухоль...

* * *

... За ленивой греблей, неторопливым купанием в песчаной заводи, за дремотной рыбалкой прямо с борта лодочки не заметишь, как неторопливо пролетел день. Большое красное солнце уже зацепилось за почерневшие верхушки сосен и острые шпили елей, сумерки крадучись вползли в лес, притушили яркие краски лета и подняли над рекой редкий туман.

Неторопливо распаковываешь рюкзак и всё знаешь наперед: что будет костёр, ушица с дымком, невообразимое бархатно-бриллиантовое небо, плеск рыбёшки в заводи, стрекот сверчка и шелест летучих мышей над головой. Предчувствуешь, как утром тебя разбудит солнечный луч, пробившийся сквозь ветки черемухи, а когда ты войдешь по колена в реку, чтобы умыться, из-под берега заполошно вылетит до смерти перепуганная утка и с шумом умчится за речной поворот. И ты с облегчением убедишься, что в жизни есть смысл, а смерти вовсе нет...

Только тут ты вдруг осознаешь, что совсем отвык от тишины. Телевизор и магнитола заменили тебе шелест осин и плеск мелкой речной волны, ты не видишь ни потрясающего богатства ночного неба, ни роскоши августовского заката, ни медленного восхода огромной луны. И не то, что ближнего своего – себя-то, порой, не видишь, не слышишь и не понимаешь. Где уж тебе разглядеть прихотливые миниатюры неведомого художника на крыле застывшей на секунду бабочки. И только оттаяв от каменного холода городской суеты, от вечной боязни что-то не успеть, отстать, недополучить, будешь готов к встрече, ради которой, может быть, и забрался в эту глухомань. И встреча эта состоится утром, когда, бросив весло и облокотившись на круглый борт лодки, ты станешь вглядываться в медленно проплывающие берега.

Вдруг! Именно – вдруг, словно пущенный невидимой пращей, с резким свистом пролетит над самой водой драгоценный сверкающий изумруд – зимородок! Не каждому дано разглядеть эту маленькую, удивительную райскую птичку средней полосы России.

Увидев её случайно впервые, я не поверил своим глазам. Ещё бы: голубовато-изумрудная спинка ярко вспыхивает, переливается в зависимости от того, под каким углом на неё падает солнечный луч: то горит аквамашином, то отливает густым малахитом, то вдруг лазурным блеснёт на мгновение! А прибавьте к этому богатое рыжеватое брюшко, эффектный «берет» в темную пестринку на головке, кораллово-красные лапки... А он ещё и ныряет! Вдруг вонзится в самую стремнину, исчезнет в пестроте волн, а через секунду выскочит, как ни в чем не бывало, с жуком или мелкой рыбёшкой в большом остром клюве. И вновь понесётся над водой, засияв небывалым оперением. В полёте всё это мерцает, переливается, нереально вспыхивает... Даже сердце защемило от этой мимолетной живой красоты. И ведь она будет вечно. В ней, в этой красоте ни для кого, ни для чего, и есть смысл.

Гоняешься, гоняешься за экзотикой, рвёшься в дальние страны и с каждым разом хочешь всё более и более необычного. И не видишь того, что рядом, под боком, не ценишь того, что принадлежит тебе с самого рождения и что ничуть не хуже заморских чудес. Оно здесь – красивое, живое; сверкающий под солнцем сгусток жизни – весёлый и неутомимый. А мы не видим. Не замечаем и до поры даже не представляем себе, что он есть...

Каждый раз, проплывая по зелёному извилистому лабиринту Сатиса, я жду этой встречи... Эта удивительная птаха не раз спасала меня от чёрных мыслей, от невыносимой злобы и густой, вязкой, как болото, печали. Должно быть, зимородок – тайная душа наших краёв, её незримая сущность...

* * *

И новый вечер у нового костра, и нечаянный гость. Из совсем уже сгустившегося сумрака вышел к огню монах-паломник. Пробирался пешком из Санаксарского монастыря в Дивеево и неведомо как набрел на мою стоянку. И была совместная трапеза, и долгая неспешная беседа. Батюшка, который по годам много меня младше, смотрел-смотрел мне в глаза и, безмерно поражая, вдруг сказал:

– А ведь Вас что-то сильно печалит. Вы смеётесь, а в глазках-то тоска, – и принялся говорить мне положенные утешительные слова, которые по своей обыденности и общеизвестности утешать не должны были бы, но отчего-то утешали. – Человек – произведение божье, всё плохое в нём, неестественное – от лукавого, и хоть не каждый может побороть искушение, но каждый может понять и простить...

Я не рассказал батюшке, что за неделю до моего плавания в Сарове пьяный подонок изнасиловал и задушил пятилетнюю девочку. Малышка лежала в гробу с таким обиженно-недоумённым выражением личика, что сердце отказывалось биться. Я слушал монаха и думал: вряд ли кто-то из смотревших, как закапывают в землю игрушечный гробик, согласился бы даже попытаться понять, а тем более простить то «произведение божье», что подняло руку на ребёнка. Господи, да сколько в жизни мерзостей и удивительных гадостей творят те, что «по образу и подобию»! И как же трудно, порой, поверить в необходимость этой жизни...

Утром батюшка пошел своей дорогой, а я – своей. Пусть он найдет, что ищет, и пусть попросит у Бога успокоения и моему больному, неверящему сердцу...

* * *

Дед стоял робинзоном на крутом берегу и смотрел из-под козырька ладони, как я выгребаю по плёсу. Он зазвал меня в избу:

– Как эт на улице спать, когда изба есть!

Он не успокоился, пока я не перенёс в дом рюкзак и не затащил лодку на лужайку под окнами. И вот мы сидим за некрашеным столом, на котором живописно расположились картошка в чугушке, солёные грибы в щербатой тарелке, зелёный лук и горка крупной сероватой соли. В центре красовалась бутылка с самогоном. А как же...

Дед всё говорит и говорит – не мудрено – один на всю деревню. По выходным только городские наезжают. Сколько ему? Восемьдесят? Девяносто? Больше?..

Дед выпил стопочку, но уже раскраснелся и ожесточённо распекает меня за неверие в вековую мудрость народа:

– Да ты не знашь, а говоришь. И домовые есть! И колдуны есть! Просто их учёны не исследовуют. И захотят – не смогут, Потому, что эти самые – глаза отводят. Не поисследовашь.

Вот у нас за третьей вершинкой в поле есть вязок – туды они и слетаются, колдуны-ти! И у нас в Елозове был один. Давно, правда, задолго до войны ишо. Он, знашь чево, шкуры свиные надевал, бызачьи, наряжался в шкуры. И один раз его пымали, отутюжили его на задах, вон тама. Не стал уж ходить, а то в шкурах ходили: свиньёй, хрюкают идут, да пугали народ-от. Напугать-то гоже – до смерти напугают! Потом вот он помер, а после уж у него шкур-ти там больно нашли много: под мостом там – и свиные, и бараньи, всякие.

Туды, к вязу, никто не ходил. Там ведь, знаешь, днём-то ничего, – там они только слетаются к двенадцати часам. Вот они там побудут часа в два, и уж там уж огнёв нет – всё уж они. Прямо огни – вон как головёшка летит! Вот как головёшка – вот и они так лётали... А ты говоришь, учёны...

А ишо, в другой стороне, за выселками, за оврагом и дальше за Силиным, уж его сейчас нет, Силина-та – вот там стоял дуб. Туда наборот всё ходили на праздники, наши елозовски-ти, с пляской, с гуляньем. Ходили... Но только взад с оборотом, без ночевы. И ведь это тебе дуб, а не вяз. И стоял он не в вершине, а на пригорке. А вот в вершине, в долочке – вот тут и гуляли.

А домовой в любой избе есть, тут надьсь по телевизору показывали, баяли – как, мол, и что... А нам давно известно. Бабка ишо моя мне говорила. Домовой-от, он не вредный, если с им по-хорошему. Вот телевизор испортится, или лампочки перегорать станут, или станут вещи пропадать, канет что – не найти, ты тогда так сделай. Ты возьми хлеба ломоть не шибко большой, аржаной лучше, соли посыпь на него. Положи за печку или како друго тёмно место укромно, рядом поставь блюдец с молоком, чтобы всклень нолито было, и скажи добренько: домовой хозяинушко, соседушко, ты в доме смирно живи, не шути, не глумись, людям не мешай, иди в темные леса, в зыбучие пески, там шути, там глумись, там трясись, а в доме моем тихо живи, смирно сиди, дом обороняй, от злого нечистого охраняй. В темном лесе на зыбучем песке растёт ивушка, растёт осинушка, то тебе игрушки забавушки. Не растёт ивушка без коренья, не стоит осинушка без листочка, а раб Божий, – тута имя своё вставь, – живет без сполохов, пристреков да порчи. С Господом буду, тихо и мирно в доме моем поживу. Аминь. Понял? А ты говоришь, учёны...

А вот еще, если не ладится што и не ладится, ты вот што. Ты возьми ложку стару, деревянну лучше, обойди весь дом-от с ложкой-ти, да везде загляни и во двор к скотине, и в чулан, и на подловку залезть лучше, в подклеть, в сени, конечно... И вот потом иди на перекресток и зарой ложку-ти на

том перекрёстке. Да когда домой пойдёшь, взад не обёртывайся, не гляди, даже что услышишь – не обёртывайся. А ты говоришь, учены...

Наконец дед угомонился, застелил мне скрипучую столетнюю кровать. Я засыпал, и неведомо мне было, что вскоре едва ли не такие же «сказки» услышу я от молодого паренька в мордовской деревне Шилокша – про богиню воды Ведяву да про богиню леса Веряву.

* * *

От того ли, что деда звали Николай, припомнился мне другой «лесной человек» – Мыкола. И наш с ним поход на охоту по тальым мордовским чащобам.

Солнце зацепилось за корявые ветви дальних сосен и висело в них, наливаясь красным жаром. Но это был обман – оно совсем не грело. Мы брели по жёлтой песчаной дороге, которая превратилась в дно мелкой прозрачной речушки – апрельская талая вода сбегала в неё и сквозь резину сапог и шерстяные носки мы чувствовали её ледяной холод. И всё же идти по залитой дороге было приятнее и легче, чем по ноздреватому серому снегу, который большими пятнами лежал среди густого кустарника. Лес потихоньку замолкал. И голос Мыколы резко раздавался среди замерших тёмных стволов.

– Тетерев – птица жутко осторожная. Подойти к ней трудно-трудно. А особенно глухарь... Ну, услышал ты глухаря, что делаешь? Пока он токует, ты махать, махать на звук, но как слышишь «чуфшшшш – чуфшшшшш» – сразу замри! Как прямо встал – так и замри. Так на выстрел и подойдёшь, если не дурак...

Мыкола шагает нешироко, но быстро, вдруг сворачивает с дороги, исчезает в кустах и через минуту появляется совсем не там, где ожидаешь его увидеть.

Мальчишка, увязавшийся с нами на тягу, догоняет его, семенит сбоку, спрашивает:

– Дядь Мыкола, а кого труднее стрельнуть – глухаря или тетерю?

– Обоих трудно, вальдшнепа легче, красться не надо встать только удачно и жди себе.

Мы выбрали, наконец, на сухое место. Мыкола остановился, присел на корточки.

– Вот гляди, вишь, говна – это глухаря говны. Тут вот сосна, значит тут сухо, здесь костёр и разведем.

Мальчишка плюхнулся на покрытый сосновой иголкой пригорок:

– Ты, дядь Мыкола, прямо Дерсу Узала...

– Смеёшься? Смейся, смейся, вот щас по лбу дерсну и будет тебе узала.

– Мыкола, да это человек такой таёжный был, – засмеялся мальчишка, – всё о природе знал... как ты...

– Индеец что ли?

– А ты что – индеец?

– Шёл бы ты за дровами... Да с полу не бери – лежачее всё отсырело, ломай стоячее. Жалко дуба тут нет – сыро. Сухой дуб самое жаркое дерево...

Огонь разгонял тьму, плясал на задумчивых лицах, на рыжей коре сосны. Мы сморённые усталостью и ужином задрёмывали. Только Мыкола всё не мог успокоиться, вскакивал, убегал за чем-то во тьму, или просто стоял, задрав голову к кронам, словно принохивался и слушал что-то нами не слышимое. Потом подбрасывал сучьев в костёр и снова садился.

– Спать станете, руки из рукавов фуфаек выньте и к телу прижмите – так теплее. Под утро холодно будет, гляньте, как вызвездило...

Все задремали, а от меня сон что-то отлетел, да и Мыкола всё возился, бормотал что-то сам с собой.

– Мыкола, ты зачем живешь?

Мыкола вопросу не удивился, помолчал, поворошил веткой в огне.

– А х.. его знат. Ну вот, к примеру, нападут на нас американцы – они всех сейчас что-то бомбят. Или те же китайцы... Кто на войну пойдёт? Меня забреют... А ты говоришь, зачем. Занадом...

– А если войны не будет?

– Дак, слава ж богу! Хорошо же, если не будет!..

Уже сквозь сон я слышал, как Мыкола поднимался, бормотал что-то, подбрасывая в угасающий костёр ветки, и чувствовал, как тепло волнами наступает на окружающий нас ледяной апрель...

* * *

Утром дед на дорогу угостил меня окрошкой. Простенькой: огурцы, картошка, размятый с солью зелёный лук, яйца да самодельный квасок. Я ел, нахваливал хлёбово на радость деду, но сам-то вспоминал деревенскую окрошку из детства. Хотите знать, какой должна быть настоящая русская окрошка? Спросите меня.

Главное в окрошке – что? Главное делать её с охотой, с предвкушением, с вожделием, можно сказать, с любовью. Эх, бывалоча... Август, солнце в зените и жара звенит. Муха разомлела между рамами и лишь изредка взжужживает. Время к обеду и в желудке поурчивает. А мы на скорую руку, но не торопясь, берём зелёный лучок, неторопливо промываем его под холодной водой. И лук моем, и удовольствие получаем. Тяпаем его вострым ножичком – хрум-хрум-хрум – на деревянной доске, а потом кладём в ёмкость и смешиваем с крупной солью. А потом толкушечкой, опять же деревянной, тщательно разминаем его. В столовых и ресторанах этого, как правило, не делают. Поэтому окрошка там не настоящая, не живая, не такая духовитая, какой ей положено быть. Оставляем размятый лук пропитываться солью, и берёмся за другие ингредиенты.

Заранее сваренную картошку в мундире – чуть-чуть, самую малость недосваренную, чтобы не разваливалась, режем кубиками – крупными или мелкими – это уж на вкус индивидуума. Потом огурчики. Потом сваренные вкрутую яйца.

Это основа. Дальше – изыски. Есть, например, любители рубить в окрошку квашенную капусту. Можно? Конечно, можно – не противоречит. Дальше ещё интереснее. Самый простой вариант порубить варёную колбасу – такой нехитрый вариант «мясной» окрошки. Кто-то скажет – фи, колбаса! Правильно! Лучше нарезать куриное филе или отварную телятину. Всё, конечно, хорошенько перемешать, наслаждаясь огуречно-луковым запахом, пробуя «на соль». И дать этой смеси немного постоять, пропитаться луковым и огуречным соком.

Да – чуть не забыл! Есть любители крошить в окрошку помидорчики. Хоть классическая окрошка такого ингредиента не предполагает, я не против, и даже – за. Помидоры украшают окрошку и зрительно, и вкусово. Но не настаиваю, не настаиваю...

Теперь что? Теперь – квас. Какой квас? Это тоже дело вкуса. Но окрошка на магазинном «бутылочном» квасе – это перевод продукта. Есть можно, но – от безысходности. Бочковой квас – другое дело. Это уже более или менее – зависит от того, как квас изготовлен. Но самый вкус – это квас домашний, и лучше всего по деревенскому рецепту – ядрёный, крепкий, ароматный. И тут тоже – дело вкуса; кто-то любит окрошку сладковатую, кто-то с кислинкой, а кто-то и с горчинкой даже.

Не надо заливать всю приготовленную смесь сразу. Положить сколько нужно в тарелку и уже в тарелке залить квасом. Не съеденную смесь – в холодильник; правда, долго она там всё равно не простоит, будет съедена в ближайшие двадцать четыре часа. И всё же большие объёмы – про запас – готовить не стоит, главная прелесть окрошки – в её свежести.

Итак – квас, заключительный штрих – ложка сметаны и – вперёд!

Вот она – тарелочка с голубой каёмочкой. Стоит на белой скатерти, или на не струганном дачном столе, или на алюминиевом пикниковом шатком столике под шелестящей берёзой, или... да какая разница, на чём и где. Стоит и манит – ну, давай, зачёрпывай разноцветное лето деревянной – непременно деревянной! – ложкой. Хлебни со всхлипом, со вкусом, с вожделием, зажмурь глаза – м-м-м-м. И зубами в горбушку ржаного – чем чернее, тем лучше – хлеба. Да не забудь в спешке желания посыпать эту прелесть – окрошку, конечно же, а не горбушку – укропчиком и петрушкой. Мама моя, что за чудо... Блаженство...

Нет-нет, ещё не всё.

Есть ещё один вариант. И не воротите нос, пока не попробуете. Нет, попробуйте, распробуйте, осознайте, и только потом решайте – нравится или всё же нет. В моей деревне вместо колбасы или мяса в окрошку кладут... кильку в томате. Правда-правда!

Знаю, как-то это необычно, как-то... И даже не знаю, как вас убедить, что – не противоречит. Да просто попробуйте! Возьмите обычную, банальную, полузабытую, советскую (она продаётся, как ни странно) банку «Килька в томатном соусе», и выложите содержимое в тарелку с окрошкой. Всё изменится – и цвет, и запах, и вкус. Но это по-прежнему будет окрошка. Другая. Но оччень вкусная. Ни в одном ресторане вы такую окрошку не попробуете. Это аутентичная окрошка. Эндемичная. Это вам не космополитичный фастфуд.

А главное ещё что? Пока готовишь это летнее чудо, столько всего вспомнишь – и детство, и деревенских друзей, и набеги на чужие огороды за первыми огурчиками-пуплятами, и бабушку, подливающую квасок из запотевшей кринки в общую большую тарелку с той же окрошкой на деревенском столе, и цыпки на ногах, смазанные сметаной, и острый запах дедовой махорки, и утомлённые взмыки коров, с тяжёлым выменем, возвращающихся с пастбища, и щёлк пастушьего кнута, и алую герань на окне, и пронзительный крик ласточек-касаток, и блики августовского солнца на ряби пруда, и грустный отъезд в город накануне сентября, и прощание с летом...

* * *

Словно не по речушке плывёшь среди лесов и лугов, а по реке времени несёт тебя, по реке памяти и выносит на отмель сознания то одну драгоценность, забытую в толчее суетных дней, то другую. Бросить весло. Откинуться на рюкзак. Руки за голову.

Облака. Стрекоза. Далёкая ласточка. Как в детстве.

Каждое лето родители «ссылали» меня в деревню. Сначала я скучал по городу, а к концу лета плакал, когда приходилось уезжать из дедова дома, от деревенских друзей назад в город...

А случилось однажды летом вот что... В августе в деревню раз в неделю стал наезжать тряпишник. Такой нестарый мужик на телеге, которую волокла усталая лошадь. Мужик собирал всякую ветошь, шкуры, старые сапоги, сковородки, прогоревшие чайники и прочую дрянь, а взамен давал иногда мелкие деньги, но чаще – яблоки, свистульки, игрушки, хозяйственную мелочь вроде оселков, спичек, мыла, суровых ниток и стёкол для керосиновых ламп... Да, сейчас молодые-то и не знают, что такое керосиновая лампа, в кино разве что видели...

И вот сию я как-то вечером с другими ребяташками на крыльце у тёти Мани и слышу, как тётя Маня разговаривает с соседками:

– Странный какой-то тряпишник в этом году. В том годе другой был – старый. А этот молодой; и разговаривает по-городскому. Отчего такой молодой – а тряпишник?

– Вот ить и цену толком не знат! – поддержала её соседка. – Как попало рассчитывают. Неправдашный какой-то.

– Вот и муку обещал привезти, – подхватила еще одна тетка. – Я шутя попросила, а он возьми и пообещай. Да разве всем муки навозишься!

– И вот что само-то главное, – тетя Маня понизила голос и недовольно оглянулась на наострившую уши малышню. – Всё про город спрашивают... Всё выспрашивают и выспрашивают...

А город – это как раз тот город, где я жил со своими родителями; город был «секретный», окруженный колючей проволокой, вдоль которой ходили солдаты с автоматами и гавкающей остроухой собакой. Когда мы возвращались из деревни, в воротах солдат с суровым лицом внимательно смотрел то на фотографию отца в пропуске, то на самого отца, а потом переворачивал талон пропуска и строго спрашивал меня:

– Как тебя зовут, мальчик?

И каждый раз я очень боялся сказать вместо правильного «Саша» – неправильное «Вася» или «Коля»... Все в окрестных деревнях знали про секретный город все – и то, что там огромный подземный завод, что там подземный склад атомных бомб, и что даже аэродром там подземный... Но это свои, советские... А тут...

Сначала соседки долго молчали, раздумывая, а потом одна говорит:

– А когда он обещался-то?

– Дак в эту субботу и обещался. Давайте-ка мы председателю скажем. Как приедет тряпишник, ты Любаша попроси его подождать, будто ветошь забыла. Мы его чаем поить станем, а ты в это время за председателем и сбегашь, а он уж сделает что надо...

Три дня я ходил под впечатлением того страшного разговора, шептался с братьями, и мы даже смастерили луки и стрелы, чтобы помочь, если потребуется, председателю с мужиками арестовывать шпиона. Но так долго тянутся летние дни в деревне, и так много неотложных дел и забот. На дальний пруд карасиков половить со старшим братом сходить надо? Надо, когда ещё позволит! Новорожденных щенков у Колькиной легавой суки посмотреть надо? Надо! И в картофельный склад раскрытый на просушку проникнуть необходимо, поскольку только там можно

голыми руками изловить пудика, а потом посадить его за пазуху и слушать как он там возится, щиплет кожу на животе и чирикает... В общем, к субботе я про тряпишника забыл!

А субботним вечером в деревне все только и говорили о том, как бабы у тети Мани в избе шпиона вязали. На закате я сидел на свежем банном срубе на задах бабушкиного дома, и в тайне глотая слезы обиды, слушал рассказы очевидцев – тётиманиных внучков. Слушал настоящую сагу о том, как соседки хитро заманили тряпишника в дом, как председатель замешкался, и тряпишник, не смотря на угрозы, а может и почуяв опасность, собрался уезжать, как бабы набросились на него и связали заранее приготовленными верёвками, с помощью которых носят вязанки сена... Как приехали потом военные люди, вызванные председателем по телефону, и забрали связанного тряпишника. А телегу и лошадь оставили в колхозе, только из телеги все переложили в машину-полуторку, даже сено и тряпье...

Потом, гораздо позже, уже когда мне стукнуло лет двадцать, я на каком-то родственном мероприятии – то ли свадьбе, то ли похоронах – спросил тетю Маню, что было с тем тряпишником? Действительно ли он оказался шпионом?

Но тихая, добрая тетя Маня ответила сердито:

– Што ты придумывашь? Какой шпион, эт у тебя детски фантазии каки-то!

Я обиделся, а когда вышел на крыльцо подышать свежим воздухом, вышел вслед за мной дядя Паша – муж тети Мани, и, сев рядом на лавочку на том самом крыльечке, тихонько сказал:

– Не спрашивай ты её, не скажет. С них ведь с всех подписку взяли. Разве не понимаешь?

И обида сразу прошла, а на душе стало легче...

Когда советские времена закончились, я всё собирался расспросить тетушку про тот случай, да всё забывал и забывал... И вот вдруг среди ночи отчего-то вспомнил. И что интересно; и крыльцо, и соседок, и звуки того вечера, да даже запахи помню ясно, как будто всё вчера было, а себя и того тряпишника – смутно, словно в тумане... А, может, и правда ничего не было, и всё это детские фантазии?

Как же хорошо бывало летом пройтись по родной деревеньке. Ласточки кричат над головой, пудики в пыли то ли ссорятся, то ли играют, крапивой пахнет и смородиновым листом вперемежку с баннным дымком. Тётя Маня навстречу бредёт задумчиво.

– Тётъ Мань, ты что задумалась?

– Да вот, тапки купила. Хороши тапки, тока они мне малы.

– А ты зачем купила малы-то?

– Ну... Велики-то у меня уже есть!

Вспомнишь, улыбнёшься, и ещё вспоминается: год случился урожайный, огурцов уродилось – пропасть! В проулке среди тазов и банок тетя Маня.

– Тётъ Мань, чего делаешь?

– Да вот огурцы солю. Огурцов-то ноне – не знай, куды девать... Не выбрасывать же...

Постояла, посмотрела на горки огурцов в тазах и, разведя руки, вздохнула:

– В крайнем случае, солёными выбросим...

Неподалёку от избы тети Мани стояла развалюшка, в которой жил, может быть, последний юродивый России. Ну, уж в наших краях последний – точно! Классический такой юродивый: ходил в обносках, зимой и летом босиком, в сумку собирал всё, что ни найдет, или что подадут. Не попрошайничал, был добрым и разговорчивым. И всё время не расставался с самодельным верёвочным кнутом, за что и был прозван Саня-кнут.

Дед мой, когда сильно сердился на меня за детские мои не всегда разумные проделки, говорил в сердцах:

– Да у тебя понятия меньше, чем у юродивого! Вырастешь, будешь, как Саня-кнут с голым пузом ходить.

Как и положено юродивому, был Саня-кнут истово верующим. И была у него мечта: попасть на камушек Серафима Саровского. Саровский монастырь в те годы уже оказался за колючей проволокой; посёлок, что был под его стенами, облюбовали учёные и военные, которым Родиной было поручено создать атомную бомбу, чтобы ответить на бомбу американскую и спасти мир от войны. За колючей проволокой в три ряда, контрольно-следовой полосой, вдоль которой ходили солдаты с овчарками, оказалась и Дальняя пустынка, где Серафим вершил свой главный подвиг. Так что мечта попасть туда была из области несбыточных.

Но не зря старые бабушки говорят: вера сотворит любое чудо. Невероятно, но факт: на серафимовских местах Саня-кнут побывал!

Как-то в июле он вдруг из села пропал. А через месяц его привезли на военном «газике», провели в правление колхоза, а потом опять посадили в «газик» и увезли. Верёвочный кнут, как заметили многочисленные свидетели происшествия, был при Сане... После этого юродивый сгинул окончательно...

И только годы спустя, тайное стало явным.

В то лето Саня-кнут во что бы то ни стало решил попасть в секретный город и пробраться на Дальнюю пустынку. Он всю весну и весь июнь бродил вдоль колючей проволоки и выискивал лазейку. Безрезультатно. Один раз в него даже стрелял узкоглазый темнолицый солдат – то ли киргиз, то ли якут. Но не попал.

И вот в конце концов Саня набрёл на железнодорожную ветку, по которой в закрытый Саров по ночам ходили время от времени составы. Тут он и понял, как проберётся в город. Выждав, когда на станцию пригнали состав с лесом, он нашёл платформу с самыми большими брёвнами и ухитрился пробраться в щель между стволами. Конечно, там его непременно должно было раздавить во время движения. Но не зря в народе говорят, что Бог заботится о дураках, пьяных и Соединенных Штатах Америки. Поскольку юродивый сродни дураку, Бог видимо пожалел Саню, и его не раздавило бревнами, не унюхали овчарки, не проткнул длинным железным штырём солдат на КПШ. Когда состав пришёл на товарную станцию Сарова, была ещё ночь, и Сане удалось незамеченным выбраться из брёвен. И так же не обнаруженным удалось уйти со станции.

Недели полторы он жил в самодельном шалашике на Дальней пустынке, которую нашёл без труда по рассказам богомольных стариков из нашего села, ещё помнивших, как их в детстве водили на поклонение мощам Серафима и в монастырь, и на пустынку. Однако, когда кончилась принесённая в котомке еда – хлеб, печёная картошка и печёные же яйца, пришлось идти в город. Тут, в городе его и замели. Для интеллигентных жителей научного Сарова в диковинку оказался грязноватый человек в рубище и с кнутом на плече, который стоял у магазина и ласково просил хлебушка. КГБ в те времена работал шустро. Саня-кнут был моментально задержан, доставлен куда следует, и кто следует, его допросил. Долго не решались поверить, что оборванный человек не американский, или на худой конец английский шпион. Несмотря на то, что Саня-кнут подробнейшим образом описал, как он проник в город, показал шалаш, в котором жил и рассказал кто он и откуда, саровские рыцари плаща и кинжала долго отказывались признавать реальность его истории, и усердно строили версии шпионского направления, допрашивая его, как инквизиция Коперника. Саня, однако, всем улыбался, ничего не боялся, охотно и многословно отвечал на все вопросы, и вышел из себя лишь однажды, когда кэгэбэшники отняли у него кнут. Он так орал, рыдал и колотился в судорогах, что кнут ему вернули и больше отнять не пытались.

В конце концов, Саню посадили в «газик», привезли в село и предъявили правлению колхоза с председателем во главе для опознания. Со шпионской версией кэгэбэшникам пришлось-таки с большим сожалением расстаться...

Куда увезли Саню, так никто и никогда не узнал. Говорили только, что садясь у крыльца правления в гэбэшный «газик», Саня-кнут беспечно и счастливо улыбался. Ещё бы; его несбыточная мечта сбылась. «Газик» повёз его в неизвестном направлении, а оказавшиеся около правления случайные старушки тайком крестили воздух ему вслед...

С тех пор ни одного юродивого в наших краях никто никогда не видел...

* * *

Нынче то старинное, помнящее пыль, поднятую войсками Ивана Грозного, проходившего здесь по дороге на Казань, село, куда я каждым летом приезжал к деду Василию, почти зачахло. Молодые и не сильно пьющие подались в ближний городок, соблазнённые благами цивилизации и легкими заработками, сильно пьющие почти все лежат под рябинами и берёзами тихого кладбища, а в ещё не заколоченных и не проданных под дачи домах доживают век старики и старухи, которым в молодые годы и в голову не могло прийти, что жизнь повернётся так – на селе, вдруг, не окажется рабочих рук, половина домов будет брошена, а поля зарастут бурьяном и горькой полынью...

А когда-то село с утра до вечера гудело и шевелилось пчелиным роем, живым муравейником, грачиным гнездовьем.

Тарахтели по апрельским жирным пашням трактора, красные комбайны пылили по спелым августовским жарким полям, скрипели по зимникам широкие сани, запряжённые раскормленной, седой от инея колхозной лошадкой, игрались развесёлые осенние свадьбы, и мало в каком доме было меньше троих ребятишек.

И не сказать, что жизнь текла легко и безбедно. Родимое наше государство изгилялось над колхозником как могло: то вводя налог на каждый смородиновый куст и на каждую курицу, то объявляя небольшие и зажиточные деревеньки неперспективными, то загоня селян в двухэтажные панельные халупы, борясь с подсобными хозяйствами... А всё ж таки народ и поработать мог да и повеселиться умел...

...И разливался томными вечерами над тонущей в синих сумерках деревней хулиганский голос гармоники. Или на лавочке у дома, или на брёвнах свежего сруба на выселках, а то и просто на берегу мутной Пузёнки, окруженный парнями и девками, куражился над своей хромкой рыжий мальчишка – Ундервуд. Что он, негодяй, выделявал!

Нарядная шуйская гармоника попала в Шуркины ручки, когда ему едва исполнилось пять. Поздно вечером подвыпивший Карасёв-отец привез из райцентра инструмент, а с самого утра Шурка завладел им и никому не отдавал, закатывая в ответ на малейшие попытки такой рёв, что все махнули рукой. Весь день он сидел на крыльце в потоках июньского солнца, обманчиво похожий на рыжего Купидона, и извлекал из «хромки» писклявые звуки, а под вечер, к изумлению домашних, вывел заливчатого «Сормача», которого играли на всех свадьбах и гульбищах. Старший Карасёв, кое-как пиликавший на гармонике популярные песенки, наиграл младшему несколько мелодий, и тот не только схватывал их с полужвука, но и тут же выдавал чисто и бойко. Через несколько дней народ толпищами ходил к карасёвой избе смотреть на рыжее дарование, а дед Василий, услышав игру Шурки – Карасёнка, припечатал его словом, которое не каждый с первого раза смог и повторить: «Ундервуд». Понятное дело, деда подвела память, и он, конечно же, имел в виду вовсе не пишущую машинку некогда известной заграничной марки, а слово «вундеркинд». Хотя, кстати, именно в то время в орготделе райкома партии как раз доживала век, шепелявя и заикаясь, машинка именно этой фирмы. Но для деревенского непритязательного слуха что «ундервуд», что «вундеркинд» – одна малина. Так и приклеилось к Шурке это прозвище навеки. И понятное «Рыжий», которое носить бы Карасёнку не износить до самой смерти, заменилось непонятным и оттого почётным «Ундервуд».

Та шуйская гармоника долго тешила и самого Ундервуда и всё село, пока не попала под пьяную руку Карасёва-старшего и не погибла в мучениях, издавая напоследок такие стоны и вопли, что участковый милиционер Палыч, запыхавшись, прибежал к карасёвской избе с незаряженным пистолетом наголо, решив, что кого-то убивают.

Однако проспавшись и отмаявшись похмельем, Карасёв-старший молча уехал в район и приехал с новой, на этот раз тульской гармошкой. И снова по вечерам инструмент под тонкими ловкими пальцами Ундервуда и пел, и плакал, и ругался матерно, мог и замяукать, и закукарекать петухом, и закашляться.

В общем, очень скоро Ундервуд полностью затмил славу другого деревенского уникама. Как раз в ту пору жил в нашем сельце мужик по кличке Транзистор. Вот говорят: чудо природы. Этот Транзистор как раз из такого разряда. И кличку ему меткий народ дал совершенно точную и справедливую.

Едва Транзистор открывал утром глаза, как тут же открывал и рот и не закрывал его до того момента, когда засыпал. Он говорил голосом диктора о погоде за окном, голосом председателя о надоях и привесах, индифферентным голосом пересказывал прочитанное в «Сельской жизни». Вместе с докладчиком приглушённо-сдавленным голосом говорил на собраниях, забившись в последний ряд, говорил за едой, играя в домино и в футбол. А если кому доводилось проходить мимо деревянного «скворечника» за домом Транзистора, то, услышав из будочки с вырезанным сердечком на двери: «...механизаторы колхоза «Берёзовский», не смотря на устойчиво дождливую погоду, приступили (пук!) к жатве колосовых...», прохожий не удивлялся. Транзистор говорил везде. И всегда.

Чужие люди, узнав о таком уникаме, всё время удивлялись: как же его терпят домашние? Но, видно, человек действительно ко всему привыкает. Тётка Клавдя – жена Транзистора – утверждала,

что на второй или третий год после свадьбы вообще перестала слышать Транзистора, как перестают слышать шум прибоя или шелест крон люди, живущие у моря или в лесу. И Транзистору приходилось дёргать супружницу за рукав, чтобы привлечь к себе внимание. В общем, народ в селе по-доброму посмеивался над замысловатой шуткой природы, но привык и не удивлялся. Удивлялись только приезжие. А один студент-практикант с филфака целый месяц провел, с утра до вечера болтаясь вслед за Транзистором, в надежде постичь сей феномен. Он таскал с собой секундомер, но паузы в нескончаемой речи Транзистора больше чем в пять секунд так и не поймал. Не выяснил и никакой закономерности в его словесных излияниях.

Доживи Транзистор до нынешних времён, пожалуй, непременно удостоился бы упоминания в «Книге рекордов Гиннеса»...

Однажды Транзистор чуть не пострадал. По политическим мотивам. Как-то народ собрали в правлении, и уполномоченный из райкома сообщил о смерти вождя – Леонида Ильича Брежнева. После чего должна была состояться глубокая траурная минута молчания. Как на грех, в правление пришел и Транзистор. Едва народ, сняв шапки, примолк, раздался бодрый голос из задних рядов: «Вчера в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев принял шведского посла за германского...». Испуганно-разъярённый райкомовский уполномоченный долго не хотел верить, что это не немереная провокация, инспирированная западными агентами, а непроизвольная дурасть сельского тракториста. Скандал едва удалось замять...

Ночью, засыпая, тётка Клавдя выговаривала мужу: чуть до беды не довёл, треплешься и треплешься. А ну как посадили бы на старости лет...

Но Транзистор молчал. Переволновавшись, он моментально уснул. А во сне он не говорил. Никогда...

К тому времени, когда Ундервуду минуло семнадцать, он перетискал всех девок и молодых баб, за что бывал нещадно бит и парнями, и мужиками. Порой после очередного амурного приключения он неделю лежал с примочками на синячных глазах, с йодными царапинами на рыжей физиономии и только пил холодное молоко и страдал.

И вдруг этот оторва влюбился. В глаза девицу звали Любашей, а за глаза Монашкой. И оказалась она тем кремнёвым камнем, на котором осеклась наглая коса рыжего Ундервуда. Не сумев взять Монашку с наскака, Ундервуд, было, плюнул, загулял напропалую, и вдруг с удивлением понял: не помогает. Тогда он стал каждый день с вечера до утра ходить под окнами Любашиного дома и наигрывать такие жалостные мелодии, что вся женская половина слободы, кто тайком, а кто и открыто, плакала. Повторялась банальная гоголевская история, только Монашка не хотела никаких черевичек, а хотела спокойно спать ночами и не слушать надрывающие душу стоны и плачи Ундервудовой гармоники. Отец Любаши лил на влюблённого музыканта помои, швырял в него поленом, спускал цепную собаку Жульку. Но и облитый помоями, рыжий продолжал настырно будить село страданиями; поленом его было не взять, а Жулька, выбежав из ворот с грозным лаем, подбегала к Ундервуду и, сев у ног, начинала так проникновенно выть, что и у мужиков на глаза наворачивались слёзы. Не помогли даже обращения к участковому и к отцу: оба разводили руками – убить его, что ли?

Если село и не сошло с ума от этой музыкальной трагедии, то только потому, что Монашка, получив аттестат об окончании средней школы, укатила в город. Ундервуд кинулся было за ней, но очень быстро вернулся. Почему вернулся – никто так никогда и не узнал, хотя версий по селу бродило много. Тем более что вернулся он с умопомрачительными по колеру фингалами под глазами и разбитой губой...

Впрочем, потосковав ещё неделю-другую, гармошка рыжего Ундервуда понемногу отошла-оклемалась и снова повеселела, разгулялась, да так и гуляла до самой свадьбы, и на свадьбе самого рыжего, попавшего в руки крутой бабёнки, которая быстро пресекла романтические похождения гармониста, взяв его в ежовые рукавицы и родив быстренько пятерых детишек...

И, несмотря на то, что Ундервуд ни разу не открыл рта, чтобы спеть хоть полкуплета, вспоминая о нём через много лет, деревенские, ставшие городскими, восхищались:

– А как Ундервуд пел – чудо!

Правда, одни добавляли – Шаляпин! Другие утверждали – Собинов! А иные говорили – Утёсов... А рыжий Ундервуд голоса не имел, и если открывал свой губастый рот, то лишь затем, чтобы

не спеть, а как бы продекламировать затравочную частушку или крикнуть вслед бабёнке какую-нибудь матершинку.

Вот ругался Карасёнок – это да; затейливо, талантливо и едва ли не с пеленок. Собственно, именно эта необоримая привычка и не дала рыжему Шурке стать всемирно известным музыкантом. Когда в семь лет его отвезли в райцентр, в музыкальную школу, он вызвал настоящий фурор. Преподаватель, не поверивший в рассказы о юном гении, сыграл на баяне довольно замысловатую мелодию и дал инструмент Ундервуду, и тот моментально и почти без ошибок повторил только что услышанное. И всё же продержался он в музыкальной школе ровно полчаса. Как раз до того момента, когда самой директрисе, пленённой музыкальным дарованием и от чистого сердца посоветовавшей юному чуду держать баян по-другому и иначе класть кисть руки, он совершенно без злости, но твердо сказал:

– Шла бы ты, б...дь бездомная, на х..., я сам знаю, как на гармошке играть.

Утонченная консерваторская душа директрисы, месяц как приехавшей в наши края из славного города Ленинграда, была растоптана, а вера в чистых и наивных крестьянских детей грубо убита. Эта встреча определила дальнейшую жизнь не только Ундервуда, который вместо того чтобы получить регулярное музыкальное образование и выступать с сольными концертами где-нибудь в Токио, в Вене, а то и в Париже, всю жизнь провозился с тракторами и комбайнами, но и судьбу молоденькой директрисы. Та принялась с беспощадной яростью бороться за культуру речи в быту и на работе, стала писать в районную газету проникновенные статьи и выступать с лекториями в районном клубе. Её заметили в райкоме, быстренько приняли в партию, и к тому времени, когда Ундервуд впервые сел за руль кривоногого тракторишки, прозвание которому в наших краях «пердунок», бывшая директриса уже была секретарем райкома по идеологии, и её побаивался сам Первый, с напряжением следивший при ней, чтобы с уст ненароком не слетело привычное в иных обстоятельствах краткое слово. Впрочем, оказалось, что к тем порам бывшая интеллигентная ленинградка в узком кругу подчиненных, распекая кого-то за очередной промах на ниве идеологии, совершенно спокойно могла завернуть такой матерный крендель, что он был бы достоин и самого Ундервуда...

Итак, Ундервуд не пел. Даже частушек. Но этого и не требовалось – за него пела гармоника. И петь она могла и шаляпинским басом, и собиновским тенором, и одесской утёсовской хрипотцой...

Ни один из пятерых детей Ундервуда гармошки в руки не взял. К тому времени, когда ребяташки подросли, в моду вошла гитара, в домах появились «радиоолы», потом телевизоры, в клуб, повышенный до звания дворца культуры, стали привозить душищипательные индийские «картины». Жизнь катилась к светлому будущему, всё ближе подкатываясь к губельному обрыву.

Всё реже народ выходил теплыми летними вечерами на улицу, предпочитая следить по телевизорам, как-то незаметно ставшими цветными, за судьбами заморских Марий, Хуанит и Родриго. И всё реже раздавался в вечернем синем мареве над тихими вёглами, над уснувшей речкой Пузёнкой хулиганский голос гармошки. Последний раз поседевшего Ундервуда видели с гармошкой в райцентре на неожиданно ставшем популярным празднике «Играй, гармонь», где он сорвал бурные овации...

Вроде всё те же дома курятся по утрам сладковатым дымком, всё та же церковка смотрится в застывшую Пузёнку, то же солнце сонно и устало катится по-над крышами в дальний чёрный лес за околицей, но жизнь кругом совсем иная... Словно сон ушёл и потихоньку забывается, стирается в памяти, тускнеет, как старая фотография на стене – ясные глаза, лихие усы, фуражка с кокардой, георгиевский крест на выпяченной груди. Предок, а кто – дед ли, прадед – никто уже и не вспомнит...

Вопреки всему живёт в сердце глупая надежда, что вот-вот разольётся над тонущей в синих сумерках деревней хулиганский голос гармоники. Что на лавочке у дома, или на брёвнях свежего сруба на выселках, а то и просто на берегу мутной Пузёнки, окружённый парнями и девками, снова возьмется куражиться над своей цветастой «хромкой» рыжий мальчишка – Ундервуд. Но нет – ничто не вернётся. Нету тётки Мани на белом свете. Сгинул где-то Саня-кнут. И меня не будет. Но, может быть, вспомнит и меня кто-нибудь, как вспоминаю их сейчас я...

* * *

...Конечно, конечно, ещё собираясь в дорогу, я знал, что она закончится и ничего по большому счёту не изменит. Но всё же... Пока мне плылось беззаботно по этой слюдяно-чистой воде, под этими зелёными сводами, под просторным небом, я чувствовал, что буду плыть вечно и жить буду тоже вечно...

Настырный разум въедливо говорил: нельзя просто взять и уйти, всё когда-нибудь обязательно кончится, так стоит ли и начинать, стоит ли куда-то плыть, лететь, ехать? Некий восточный философ изрёк: лучше идти, чем бежать, лучше стоять, чем идти, лучше сидеть, чем стоять, лучше лежать, чем сидеть. Лучше быть мёртвым, чем живым... Может, и правда все эти наши искания, прогресс, цивилизация, путешествия – всего лишь нелепая попытка убежать от себя и от смерти? Может быть, и не стоит никуда плыть? Не знаю. Душа просится, вопреки разуму надеется, что всё-таки стоит. Хотя бы для того, чтобы убедиться, что есть на свете лес, река, покой, что живет на свете чудная райская птица – зимородок. Изумительно красивая просто так – ни для кого и ни для чего...

Проза

Евгений Фёдоров

Евгений Александрович родился 22.09.1935 года на руднике Бурос, близ г. Макеевка, Украина. Во время войны, в оккупированном немцами Таганроге, в семилетнем возрасте, остался беспризорным. Отец погиб на фронте, а мать, в облаву, немцы угнали на рытьё траншей под Ростов и, в результате временных успехов Красной армии, она оказалась на освобождённой территории.

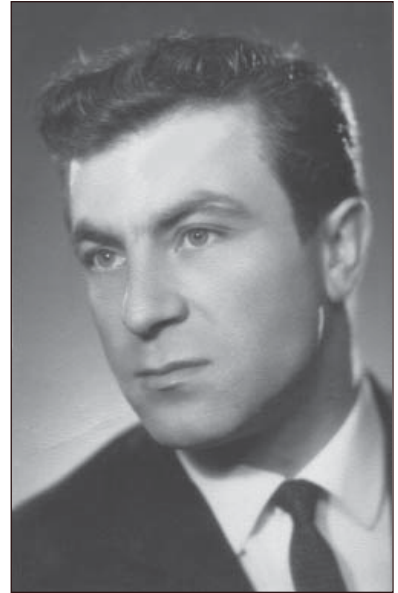
Детдом в Макеевке, Донбасс. Пять побегов в «моряки» на крышах поездов. Наконец, начальник мореходки в г. Таганроге рискнул принять его с «колом» по математике, – в оккупации он не учился. И он начальника не подвёл. Образование высшее морское и юридическое: Калининградский университет.

Капитан дальнего плавания с 1964 года. Последние 12 лет работал на судах под иностранными флагами. Говорит: ему повезло склонить голову на могилах Великих Мореплавателей: Хр. Колумба в Гаване (Куба), Васко-да-Гама в Кочине (Индия), Фернана Магеллана – Манила (Филиппины) и Домику Джеймса Кука в Мельбурне (Австралия) – мечта любого пацана! Его биография – в его рассказах.

Печатают с 1972 года, рассказы и повести в лит. сборниках и журналах.

На сайтах «Проза.ру» и «samlib.ru» есть 24 его повести и рассказа.

В 2011 году во Владивостоке вышла книга повестей и рассказов «К морю приговорённые». В 2013–2014 годах в Канаде вышли три книги: «Морем приговорённые», «Невыдуманные истории» и детская книга «Мальчишкам и девчонкам от трёх до тридцати». В 2014 г. в Германии вышла книга «Услышьте нас на суше». В 2016 году – вышли 3 книги в Екатеринбурге

ЧОБОТЫ ¹

Рассказ-быль

Это были заграничные светло-коричневые полуботинки из очень мягкой, тонкой кожи на кожаной подметке. Внутри оклеены мягкой замшей кремового цвета. И были они необычайно легки! Ну, разве ж можно такую красоту носить на ногах? По гравию, камням и даже по асфальту. Нет! Не можно. И Антон носил их только за пазухой, а на ночь прятал под подушку.

Воровства в детдоме, у своих (!), не случалось, даже когда на праздники выдавали конфеты. Но так, на всякий случай, чтобы не вводить шпану в соблазн прихватить его сокровище «на рывок» (побег), Антон туфли прятал. Ведь в побег прихватывали обычно постельное: две простыни, наволочку, полотенце и одеяло солдатское, очень удобное в дорогу, на продажу. Всё барахло умещается в одном «оклунке» (наволочке) и не вызывает подозрений у «лежавых». «Рывки» случались регулярно, раз в два-три месяца, одиночные, но чаще – групповые. Бежали на юг, на море, в Таганрог, Ростов, на Черноморское побережье.

А после освобождения – в Одессу, «в моряки».

Почти всегда беглецов отлавливала милиция и возвращала в родной, обворованный ими Макеевский детдом № 3 Треста «Макееуголь».

Это был самый опекаемый шахтёрским трестом детдом, переполненный собранной со всех недавно оккупированных немцем территорий бездомной шпаной в возрасте от 6 до 14 лет. После их спихивали в РУ (ремесленное училище) и в ФЗУ (фабрично-заводское училище) для обретения

¹ Чоботы – сапоги (укр.)

Дорогой подарок

шахтёрских профессий. Там, как и в детдоме, их одевали в форму, кое-как кормили и обучали в течение 1–2 лет.

По окончании – пожизненно: на шахты, в забои и штреки, на подземные работы.

Что за народец – не только мальчишки, но и девчонки собраны были под одной крышей – это нужно было видеть. Дети по возрасту, они были с недетской логикой, хитростью, изворотливостью! Лживые, вороватые и с самыми худшими замашками взрослого ворья: они уже и курили, и пили, играли в карты и имели сексуальный опыт. А что за речь была у этих деток? Они «ботали по фене» не хуже взрослых: Шибан, рубан, мандро – это, к примеру, означало хлеб. Когда разговаривали между собой два «воспитанника» – никто вокруг ничего не понимал, что и требовалось. Пацаны спрашивают новенького: «Где тебя подрезали легавые?» Отвечает: «На бану углы стерёг» (вокзальный вор чемоданов). Второго: «А тебя иде схова́ли?» «Так на пианино же я шмендефэрю», «Щипач, чи што ли?» (Вор-карманник). «Ага!» Третий: «Побирался я по вагонам, милостыню хэрил!». Женщи-

на – шмара, баруха, хабалка, мужчина – куркуль, жлоб, кошелёк, кугут.

Детдом расположился в трёхэтажном доме среди пятиэтажных «разбиток» – жертв войны – на охраняемой территории бывшего НИИ угольной промышленности. Эти остовы взорванных корпусов института, да пятиэтажный шахтный копёр посреди – это же самое ТО для игр в войнушку, и пацаны бесстрашно и сноровисто шныряли по руинам до самой темноты. Загнать их в «группы» мог только голод и колокольчик, призывающий на скудный ужин. Скудный: ведь ещё шла война и существовала карточная система. Перловка, мамалыга (каша из кукурузной муки), пшено и манка на воде, заправленные через раз американской сгущёнкой (по ложке на рот!) или по стакану молока из американского сухого порошка.

Да что там говорить: есть (шамать) хотелось постоянно!

Дядя Сёма был единственный мужчина в детдоме, все остальные сотрудницы – женщины, и было их, кроме воспитательниц, всего-то: трое на кухне, завхоз, да прачка с кастеляншей. А все хозяйственные работы выполняли воспитанники, невзирая на возраст. Дядя Сёма (прозвище – Сёмый, что по-украински – «Седьмой»), прозванный так за то, что выполнял семь обязанностей: истопник, сторож, сапожник (класс!), кучер-экспедитор, электрик, дворник-садовник и – самое главное – аккордеонист! Гармонист, по-нашему.

Два трофея возил в обозе полковой разведчик Семён Иосифович – аккордеон и хромовые офицерские трофейные сапоги. Однако, сапожки пришлись не ко двору: Семёну ампутировали одну ногу...

Однажды, когда его разведгруппа уже выходила из немецкого тыла с богатой добычей – они перехватили на дороге штабную машину с ценными документами – прорваться через немецкую передовую и нырнуть в ледяную воду реки удалось только Семёну. Его товарищи погибли в перестрелке. Дело было ночью. Немцы постреляли в реку и затихли: в такой воде, где плавали льдины, спастись было невозможно. На той стороне реки были наши. И произошло чудо: на свой берег полуживой Семён всё-таки выполз. И попал прямо на наше боевое охранение. Поскольку говорить он не мог: свело застывшие скулы, а разведчики документов при себе не имели, Семёна, как немецкого диверсанта, заперли в каком-то холодном подвале. И там утром он обнаружил, что отморозил обе ноги. Два дня его допрашивал СМЕРШ, два дня он талдычил им, где он закопал на той стороне важные штабные документы и кто он такой есть. Но до проверки медпомощи ему не оказывали, и ноги почернели...

Когда пришло запоздалое подтверждение из родной части, откуда уже отправили домой похоронку, в медсанбате развели руками: поздно! Ноги будем удалять. Правда, военврач пожалел разведчика и одну ногу ему чудом спас...

Через неделю наши форсировали ту самую реку. Семёна на носилках притащили на указанное им по карте место, где он и нашёл огромный портфель с оперативными немецкими документами

такой важности, что ему пообещали Героя. Но в результате дали только жалкую пенсию и инвалидность...

Дора Борисовна – директор детдома – нашла Семёна в макеевском военном госпитале, где он лежал на излечении. Одну ногу ампутировали до колена, а на второй удалили все пальцы. Дора привезла в очередной госпиталь своих пацанов с самодеятельным концертом. В аккомпанементе у артистов Доры была одна балалайка и девчоночий хор на мелодии «Светит месяц» и «Два при-топа, три прихлопа». Но в столовую, где проходил «концерт», прихромал на костылях красивый, черноволосый дядька с трофейным аккордеоном на плече. Он быстро схватывал от девчонок мелодию, и... по коже бегали мурашки от его аккордов!

После концерта Дора подошла к Семёну Иосифовичу, поблагодарила за участие и ненароком поинтересовалась: куда он отбудет после выписки? Семён Иосифович изменился в лице, молча долго смотрел в пол, а потом сказал:

– А не знаю, куда мне ехать. Жена от калеки отказалась. Прислала письмо, чтоб не объявлялся, ведь она по «похоронке» выхлопотала пособие на детей. И у неё уже есть «человек»...

Они помолчали. Дора знала, что такие случаи, к сожалению, были не единичны. Одни жёны были рады хоть безрукому, хоть безногую, абы живой домой вернулся. Но были и такие, которые напрямки заявляли в госпиталь: «Мне калека не нужен, мне надо устраивать свою жизнь, забирать не буду, отправляйте его в дом инвалидов». Поэтому Дора решительно заявила:

– Вам никуда ехать не нужно. Я предоставлю вам крышу, питание и работу по Вашей возможности. Ну, скажем, сапожник, сторож, электрик, дворник, истопник, извозчик... Вот кем из перечисленных Вы сможете работать у нас в детдоме, на том и слава Богу, мы будем Вам рады!

После некоторого молчания, Семён Иосифович потёр кулаком глаза, как бы пряча слезу, тяжело вздохнул и внятно сказал:

– А вот на всех сразу, перечисленных Вами должностях, и буду работать. Дай Вам Бог здоровья, при пацанах работать всегда мечтал, до войны мне свои двойняшки во всём помогали...

НИИ – научно-исследовательский институт угольной промышленности – после освобождения от фашистов понемногу восстанавливал свою деятельность в одном из уцелевших трёхэтажных зданий. И, как и до войны, территория НИИ была режимной, окружена кованым, с острыми пиками и колючкой, забором и проходной, где бабки-ВОХРОВКИ с револьверами на поясе беспробудно гоняли чай. Пацанам за ворота выходить запрещалось, кроме организованных выходов в школу под надзором активистов из старшей группы.

Но какие такие заборы и бабки-ВОХРОВКИ могли удержать пацанов «на зоне» (как они величали территорию НИИ), доставленных в детдом под конвоем из голодной, но вольной жизни? Вся округа из частного сектора стонала от таких соседей, как полторы сотни малолетних сорвиголов, считай, преступников. Особенно во время созревания урожая на охраняемых цепными псами приусадебных участках и садах.

Когда в детдом прибыла очередная семейная пара куркулей с жалобой на пацанов, собравших без спросу опавшие с дерева яблоки, «чтобы, значит, оплатили им утрату – ведро яблок и саму ци-барку», навстречу им вышел Семён Иосифович в военном френче с погонами капитана и знаком гвардии, вся грудь в орденах, и, дрожа от ярости, прошипел сквозь зубы этим жлобам:

– А вы сами принесли сиротам хоть пару яблочек? Всё на базар тащите! За прилавком стоишь, сука, мятые рубли собираешь? А с автоматом в руках из окопа в атаку никогда не выскакивал?

– У него – астма! Он освобождён от фронта по заболеванию! – вступилась за толстого, пучеглазого, лысого мужа хозяйка сада.

– Ещё раз придёте жаловаться на мальчишек, спущу на вас собак! Чтоб близко даже не подходили к проходной, или я за себя не ручаюсь, я – контуженый! Так и своим соседям-кугутам передайте: на сирот жаловаться – не смей!

Перво-наперво на новом месте Семён Иосифович обустроил в подвале, рядом с котельной, плотницкую, где сделал для себя выгородку, вроде каморки, с топчаном и столом. Потом он избавил себя от костылей и смастерил самодельный деревянный протез на ремнях, как у Джона Сильвера из «Острова Сокровищ».

Но выходить на сцену в роли аккомпаниатора на деревяшке он стеснялся и считал показухой, выжиманием слезы. Вот тут он и достал из фронтowego вещмешка своё сокровище: хромовые офицер-

ские сапоги. В левый сапог он вмонтировал деревянный протез и перешил голенище таким образом, что крепящие к культе ремни были почти незаметны. С правым сапогом проблем не было; пустоту в носке от укороченной ступни он заполнил ватой. На выступлении Семёна Иосифовича всегда усаживали на стул заранее, а свою хромоту он научился умело маскировать. И со стороны зрителей виден был симпатичный, черноволосый артист в щегольских по тому времени сапогах.

Многие женщины «ложили на Сёму глаз», но после предательства жены он не видел женщин «в упор». Ведь она обрекла его на позицию «живого трупа». Она запретила ему объявиться в живых, чтобы не потерять пособий и чтоб он не мешал ей в новой семье. И вот, зная о том, что где-то растут без отца двое его сыновей с чужим «папой», сердце его постоянно болело, и он искал выход из этого положения в том, что всю свою любовь отдавал беспризорным пацанам.

Давать концерты раненым бойцам и в эшелонах поездов, следующих на фронт и в госпитали, Дора считала святым долгом и поэтому репетициям и подготовке новых номеров уделяла всё своё личное время. Так она создала и танцевальную труппу из мальчиков и девочек. Руководить группой «Венгерские танцы» она поручила наиболее способному исполнителю её постановок – Антону.

Как ни странно, главная проблема в этих начинаниях состояла в том, что «артистов» не во что было одеть и обуть.

Для школы и «на выход» у детей была кое-какая форма и обувь. Но в остальное время они носили обноски, штопаные-перештопаные и бегали... босые. Просто на ночь, перед сном, все кое-как мыли холодной водой свою «обувь» – босые, исколотые, изрезанные, в болячках, ноги. Не только мальчики, но и девочки. Добывать для детдома пищу и одежду было главной задачей Доры Борисовны, и в тресте к её просьбам уже привыкли и даже иногда подкидывали помощь; например, при распределении «американских подарков».

«Американские подарки» – это такая помощь от наших союзников. Эти запаянные парафином картонные коробки включали в себя всякую консервированную снедь: галеты, мармелад, шоколад, сгущёнку, колбасный фарш, яичный порошок, сигареты и даже... презервативы. Естественно, что распределяли такую «халяву» только парторганы и исполкомы (не забывая себя любимых), кое-что перепало (но уже за деньги!) школьным учителям, чиновникам всех рангов и профсоюзам. И даже – в госторговлю! Хотя американцы планировали свою бескорыстную помощь, как ПОДАРКИ.

Однажды трест «Макеевуголь» поделился такими подарками и со своим подшефным Детдомом №3. На всю ораву в 150 человек воспитанников и десятков лиц обслуживающего персонала трест выделил аж 6 коробок «подарков», мешок яичного порошка и мешок сухого молока. Выходило по 2 коробки на каждую группу по 50 человек: младшую, среднюю и старшую.

Все коробки вначале затащили в комнаты к Доре, где она проживала с двумя собственными детками 8 и 10 лет (они проживали за госсчёт, как детдомовцы). Потом, на ужине, всем положили на блюдце по микроскопической дозе мармелада, шоколада и всяких разных паштетов и галет. Зато омлет и молоко ели целую неделю!

В ответ на необыкновенную щедрость дядь из «Макеевугля» Дора повезла своих «артистов» прямо в актовый зал треста дать им концерт самодеятельности.

И тут произошло нечто необыкновенное, называемое на Кавказе «алаверды»!

После окончания концерта на сцену вышел какой-то профсоюзный «важняк» и промычал что-то вроде благодарности за испытанное удовольствие от ребячьих талантов и махнул рукой кому-то за сцену. Тут же на сцену вышли две тётки и объявили, что профком треста дарит гармонисту ценный подарок (вручили Семёну коробку!), а всем артистам – билеты в кинотеатр «Горняк» на завтрашний утренний сеанс. Будет показан фильм «Два бойца».

Их выступление было встречено насупленным молчанием артистов, аплодисменты раздались только в зале. И тут из шеренги артистов вышел вперёд Антон и обратился к сидящей в первом ряду Доре:

– Дора Борисовна, чего ЭТОТ (Антон указал на «важняка») придумал? Мы без наших пацанов никуда не пойдём...

Почти одинаковая тяжёлая судьба сплотила детдомовцев. Ведь многие из них не дожили до детдома. Они погибли от голода, переохладения, были застрелены при попытке воровства у неприятеля (особенно лютовали румыны! Сами – воры и мародёры, хуже немцев, они были

безжалостны). Много пацанов погибло и было покалечено от бесхозных боеприпасов. Но более всего пострадали беспризорные пацаны – это от болезней истощённых голодом и инфекциями неокрепших организмов.

Местная шпана и даже ворьё никогда не связывались с детдомовскими. Опасались. Ибо, если такое случалось, в детдом поступал телефонный звонок: «Сёма, бабушка заболела!» «Иде?» «В сквере, на Ворошиловском!» «Едем!»

И тогда на Ворошиловский мчалась переполненная разгневанным народцем Сёмина «пролётка» («линейка»), как у Чапаева, а за ней бежало с кольём, камнями в карманах и чем попало всё население детдома, вплоть до шестилетних, не исключая и девчонок. Городские приклатнённые (по-украински – жуковатыйи. Они выражались так: «Нэ трож мэнэ, бо я – жуковатый, у мэнэ на пузи горобэць выколотый!») после этого неделями прятались по хатам, чтобы своими синяками не выдавать участия в драке и чтобы им не перепало снова, поодиночке.

И вот этот дядька предложил им билеты в кино (очень редкое событие в жизни пацанов!) и сходить в кино без остальных пацанов и девчонок! Да разве ж такое можно?..

Дора Борисовна быстро поднялась на сцену и дипломатично поблагодарила дядю. Но при этом пояснила ситуацию, что без остальных детей, эти дети в кино не пойдут.

Тогда «дядя», в холуйском поклоне, обратился к кому-то в зал:

– Да вот Виктор Иванович, наверное, разрешат нам докупить билеты на остальных воспитанников, а?

В зале ему махнули пухлой ручкой, и дядя торжественно, вторично, объявил о своём благодеении: «Завтра в 10 утра милости просим в кинотеатр «Горняк», так сказать, всем личным составом!» Кинотеатр, кстати, был на балансе в тресте «Макеевуголь»!.. Тут уже захлопали и «артисты».

К Антону подбежали девчонки: «Антоша, тама Сёмый сидит за кулисой и плачет, тебя зовёт!»

В уголке, на скамейке сидел Семён Иосифович с раскрытой коробкой на коленях. В коробке лежали очень красивые полуботинки. Семён удручённо смотрел на них, но не плакал, как это показалось девчонкам, а огорчённо смотрел на подарок.

– Вот, Антоша! Цей подарунок мэни не знадобыцца. Бо вже маю чоботы на останне життя... (волнуясь, дядя Сёма всегда переходил на ридну мову). Дак ты визьмы соби це взуття, тэпэр вже як подарунок вид мэнэ.

– Дякую, дядя Сёма, тилькы воны мэни дуже вэлыки будуть...

– А ты личи, що цэ – як бы твои чоботы. Як бы – на вырост тоби.

Антон обнял Семёна Иосифовича, и они долго сидели молча.

Прошло три месяца. Однажды, прямо в разбитку, где как раз шла «перестрелка» с «немцами» («немцами» быть никто добровольно не хотел, приходилось быть «немцами» по жребью, через считалку: «На золотом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной, немец, кто ты есть такой? – в считалку пришлось добавить «немца»), прибежал гонец:

– Антоха, позырь, тама бабка твоя знайшлася, сыдыть у Доры. Тебя Дора вызывае! Антоха, бабка, мабуть, шамовку притараканила, не пустая ж приканала до тэбэ, дашь шматок, не затырь, поняль?

По рассказам матери в начале войны, Антон помнил, что у него где-то в Макеевке есть бабушка, которая – мамина мама. Тогда ему было шесть лет.

А когда Антона с крыши вагона, с обеих сторон сразу, взяли в «клещи» дяди в синих фуражках, они забили плотняком шпаной клоповник в КПЗ (камера предварительного заключения) и стали пытаться поодиночке: кто, что помнит о родных местах и родителях.

Пацаны, как партизаны, стояли насмерть, легавых они, по наущению взрослых, обязаны были водить (мести пургу – врать!).

Однако, Антон чудом выжил в оккупацию и он уже сам хотел найти крышу над головой. Поэтому, попав в «клоповник» (КПЗ) по пятому заходу, он сразу сообщил всё, что запомнил от матери: фамилию мамы и место, где живёт родня его мамы: город Макеевка.

Так он и оказался в Макеевском детдоме №3. Детдомы в то время, через ЗАГСы, усердно разыскивали родственников своих воспитанников и, случалось, не безуспешно. Так, например, Доре Борисовне не без труда удалось разыскать только по известной в округе фамилии бабушку Антона, едва она возвратилась из эвакуации в Горьковскую область. Переговоры с бабушкой проходили трудно и вначале без участия Антона.

Анна Семёновна – бабушка Антона – не имела средств на содержание внука: она не получала пенсию. В то время многие, не имеющие трудового стажа, не получали пенсий (бывшая аристократия, бывшие заключённые, тунеядцы и сельчане, не выработавшие нормы трудодней и приравненные к тунеядцам!). Анна Семёновна, как жена крупного коммерсанта, относилась к «лишенцам» первой категории – «буржуинам», она никогда не работала на «совдепию» (на сатану!) и не хотела хлопотать пенсию (у сатаны) из принципа. Она всю жизнь крутила ручку «Зингера» – швейной машинки – и сама поставила на ноги шестерых детей после смерти мужа, вернувшегося с войны, ещё той, Первой, «лёгочником»: он попал под газовую атаку...

Дора Борисовна была членом комиссии ГОРОНО по опекунству и усыновлению. Она пояснила, что оформить опеку Анна Семёновна не может, как не имеющая соцобеспечения, а без опекунства она не сможет получить на Антона продуктовые и товарные карточки: замкнутый круг! А без опекунства отдать внука бабушке насовсем, Дора Борисовна не имела права. Порешили, что бабушка напишет заявление и сможет забирать внука Антона на воскресные и праздничные дни в качестве гостевания, до разрешения бабушкой вопроса о её пенсии. (А это, к сожалению, означало – никогда!) С тем и порешили: объявить ситуацию Антону.

Антон постучался (Дора приучила!) и вошёл в кабинет Доры. На стуле перед ней сидела пожилая, хорошо одетая, женщина (портниха, ведь!).

– Вот, Антоша, радуйся! Это твоя бабушка! Мы нашли Анну Семёновну и теперь ты сможешь ходить к ней в гости, – объявила Дора Борисовна. – Подойди к ней!

Антон неспешно, без эмоций, подошёл к женщине, которая обняла Антона и заплакала. За её спиной Дора подавала Антону знаки: «Обними бабушку, скорее!»

Но Антон был в непонятках: «Как же так? Других детей забирали из детдома насовсем домой, когда находились родственники, а его... только в гости?...

– А я вспомнил бабушку! Когда я болел, перед войной ещё, какая-то тётя с огнём ставила мне «банки», а бабушка совала мне под нос жёлтого жирафа, чтоб я не орал...

– Да, да, Антоша! Он до сих пор хранится у меня дома, твой жёлтый, плюшевый жираф! – Анна Семёновна была растрогана: вспомнил-таки внучек её, хотя ему было всего четыре года! Узнал бабушку!

Поскольку Анна Семёновна жила в семи километрах от Макеевки, Дора послала за Семёном Иосифовичем, чтобы взял у Готлиба (завхоза института) линейку (пролётку) и отвёз Антона с бабушкой к ней, на её рудничный посёлок Бурос, в её собственный флигель. Это был небольшой домик в углу двора, в котором до революции жила бабушкина прислуга. А когда пришли красногвардейцы и выдрали у Анны Семёновны с мясом серги из ушей, она «подарила» два краснокирпичных дома школе, для учителей, а сама переселилась с шестью детьми во флигель.

НИИ (институт) имел свой «транспорт»: двух лошадей, грузовую бричку и лёгкую, «пассажирскую», на рессорах, повозку – линейку. Марк Васильевич Готлиб – завхоз НИИ – без проблем давал свой «транспорт» детдому в обмен на уход за лошадами и хлопоты по очистке конюшни Семёном (Сёмым!), в чём ему с огромным удовольствием помогали не только пацаны, но даже девочки из старшей группы. Жеребцам они дали женского рода имена: Сирота (Он?, она?) и Звёздочка за белое пятно в виде звёздочки на лбу. Они охапками носили лошадам траву, тщательно собирая и подсушивая, на всей территории НИИ.

Но вот подошло время идти в школу. Для Доры это была головная боль; похуже даже, чем дисциплина в детдоме и добывание пропитания и одежды.

Дело в том, что большая половина воспитанников были так называемые «переростки», которых школьные учителя называли «мучениками» и, скрепя сердцем, выставляли им, без опросов у доски, тонюсенькие тройки. Это были дети, которые не учились в школе во время немецкой оккупации или беспризорники. Их, по возрасту, садили сразу в третий, (а то и в четвёртый!) класс, минуя первый и второй, по негласному правилу: спровадить детдомовца в РУ (ремесленное училище, в народе – ростовский урка), даже после третьего класса со справкой, что он «ученик четвёртого класса». Так, например, рядом с Антоном на школьной парте в третьем классе сидел Валька Бугаев – четырнадцатилетний пацан с боевой медалью «За отвагу» на груди! Тогда это было оч-ч-ень серьёзно, и ни один учитель не отважился бы поставить Вальке двойку. Валька в открытую носил трофейный тесак, и его боялись, как огня, все жуковатые и местная шпана. Говорили, что некоторых Валька уже пырнул.

Антон был из таких же: его посадили сразу в третий класс, промеж двух отличниц, и он старательно, высунув язык, перерисовывал на уроке арифметики столбики с делением и сердился на девчонок, когда эти «столбики» оказывались у них с разными уголками в «делителе» и палочками «итога». Перевод в четвёртый класс школа ему «нарисовала» чисто из жалости и понимания, но предупредили Дору, что с детьми надо заниматься дополнительно, в стенах детдома, а школа «рисовать липу» не имеет права, ибо имеются жалобы со стороны училищ, куда приходят со школы «переростки», даже не умеющие толком писать и читать.

Ага! Придумали! Заставить заниматься на дому этих вольных жителей вольного города Данцига не было никакой возможности. Они охотно выполняли все хозработы, но, ни в какую, не желали ни минуты заниматься дополнительно, кроме времени на «самоподготовку» для выполнения домашних заданий. И то: одна отличница решала задачи, а остальные девчонки переписывали в тетради готовые ответы пацанам, которые в это время «воевали» в разбитках.

Но, не бывает худа без добра! Или, по Закону равновесия, добро должно где-то и чем-то компенсировать зло. Когда Дора пожаловалась Анне Семёновне, что внучек, мягко говоря, слабо готов к учёбе в четвёртом классе и требуется работа с ним, бабушка тут же схватилась за идею: Дора отпускает Антона в школу на посёлке Бурос с проживанием у бабушки, а Анна Семёновна торжественно пообещала сделать Антона отличником «начального образования». И даже – получение «Похвальной грамоты»! Ведь учителя жили в одном дворе, в бывших бабушкиных хороммах.

Для пользы дела, Дора Борисовна нарушила все параграфы и инструкции; сама приехала, проверила как живёт Анна Семёновна и ... отпустила Антона к бабушке на проживание и учёбу. И даже выделила кое-какие продукты: муку, сахар, крупу и растительное масло из нормы положенного Антону в детдоме.

– Пока у Вас всё хорошо, потому что Вы много работаете. А если, Вы, не дай бог, заболете, что тогда? – поостереглась Дора Борисовна от своего смелого, «самостийного» решения. Ведь в ГОРО-НО она сама стояла на страже Закона!

– А тогда Антошик мигом прибежит к вам и сообщит, он эту дорогу уже знает. А у вас же он по спискам проходит. У меня он, как бы – условно, для подтягивания его в учёбе!

Анна Семёновна, вырастившая шестерых детей, понимала, что метод повара из басни Ивана Крылова «Кот и Повар», повлиять на внука нотациями и уговорами не сработает: после вольницы пацаны взрослых всерьёз не принимали, а все их советы отторгали.

Бабушка пошла другим путём. Кроме пленного немца Франца, уголь ей стал приносить завербованный на шахты украинец Опанас. Их целым эшелонном из «теплушек» под конвоем, чтоб не разбежались, привезли из Западной Украины. Некоторых поселили по соседству, в общежитии. Когда Опанас не пришёл несколько дней с углём, вечером бабушка послала Антона в общежитие к Опанасу с кукурузными лепёшками – нужда сближает людей:

– Отнеси, Антоша, Опанасу покушать. Он такой слабый был в прошлый раз. Мабуть, не в силах уже уголь носить...

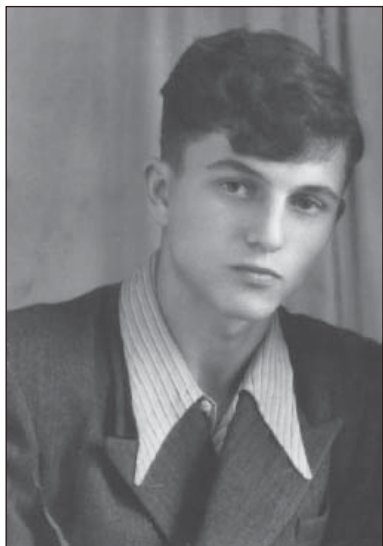
В каждый приход в общагу Антон наблюдал одну и ту же картину. Наскоро смыв угольную маску с лиц холодной водой, редко кто с мылом или с содой (большой дефицит!), измученные непривычной тяжёлой работой под землёй молодые сельские парни по очереди варили себе мамалыгу на керосинке прямо в оловянных мисках. Без масла, сахара и соли, – всё это продавалось только по карточкам и дорого стоило.

Опанас тоже сварил себе кашу и ел, выскребая подгоревший слой на дне миски оловянной ложкой. Ложка эта была уже наполовину источена от ежедневного скобления подгоревшей мамалыги. На веках глаз у Опанаса были чёрные обводы, как у модниц, и от этого он в своей худобе смотрелся, как живой труп.

– Опанас, скажи: а сколько классов ты окончил в школе? – Антона потрясло убогое жилище парней и полуголодное их существование.

– Тры класу. А вон ци, – Опанас указал на парней, – почти уси трохи бильш вчилься: вони по чотыры закинчили. Бо бильш у нас нэ було.

У Антона в голове заклинилось: так это и он со своими тремя классами вот так жить будет? Скрести дно оловянной миски, пока ложка не сотрётся до ручки! И шамать одну пустую мамалыгу? Ужас! И четвёртый класс их не спас от забоя в шахте...

Димитр Карамелев, 1953 г.

Антон долго потом постоянно преследовало видение этих мисок со сточенными оловянными ложками и страшные чёрные маски от несмытого угля на лицах этих молодых, но измождённых стариков!

Анна Семёновна попала точно в цель! Забегая вперёд: Антон окончил четвёртый класс с похвальной грамотой и потом всю жизнь учился, окончив два ВУЗа и самостоятельно изучив иностранные языки.. Он стал капитаном дальнего плавания и даже – литератором.

В новой школе соседом по парте у Антона оказался болгарин Дима (Димитр) Карамелев, и они быстро сдружились. Дима с сестрой росли тоже без отца и тоже впроголодь, – мать работала в школе уборщицей и получала мизерную зарплату.

А через три месяца случилось то, чего так опасалась Дора: бабушка сильно заболела и уже неделю не вставала с кровати. Она угорела: закрыла заслонку печи раньше времени и отравилась угарным газом. Зима 1947 года была очень холодной. А отапливаться было нечем...

Такой вот наблюдался парадокс при родной советской власти: селяне умирали от голода, а жители Донбасса замерзали без угля! Новый министр угольной промышленности А. Ф. Засядько поклялся И.В.Сталину перевыполнить план по добыче угля, который ежегодно проваливали: не было кадров, а шахты были полузатоплены. Их взрывали дважды. Вначале – наши при временном, планомерном отступлении, затем – немцы, при бегстве. (А 17 ноября, 1941 года Сталин подписал Приказ № 0428, предписавший «Разрушать и сжигать дотла все населённые пункты в тылу немецких войск». О том, что в этих, оставленных врагу населённых пунктах живут-выживают наши люди Вождь как-то не подумал...) Благо, его опричники из НКВД не очень ревностно исполняли этот людоедский Приказ!

У шахтёров появилась издевательская крылатая фраза: «Дадим Стране угля, хоть мелкого, но до х..рена». Появилась после того, как всем жителям Донбасса, ради выполнения плана, продавать уголь прекратили, кроме как (за деньги и по лимиту 2 тонны на семью) – шахтёрам на подземных работах... А в одном кубометре, считай, – одна подвода – полторы тонны угля. И вот как его растянуть на всю долгую зиму? Если уголь «Голубовский» – горит, как порох. А если антрацит – того одной закидки хватало на два часа. Но, чтобы всё тепло не улетало в трубу – прикрывали заслонку. А на ночь, когда угли гасли, чтобы сохранить тепло, закрывали заслонку совсем. На этом бабушка и попалась... Чуть не погибли оба...

Воровать уголь с железнодорожных платформ было смертельно опасно – военизированная охрана стреляла без предупреждения. Поэтому после школы Антон, как и другие пацаны, ходил к отвалу террикона и собирал кусочки угля, выброшенные с породой в отвал. Там же попадались и куски дерева от подземного крепежа сводов штрека, ведь дрова на Донбассе – на вес золота.

Беда приходила с выпадом снега, он прятал под своим покровом угольки и дрова.

Шахтёрами на подземных работах работали женщины, пленные немцы и, после освобождения Западной Украины, завербованные из сёл молодые люди. Понятно, что никто из этих категорий «шахтёров» в стахановцы не рвался, шахты требовали восстановления, и планы по добыче «трещали». Потому-то новый министр и рванул тельняшку на груди и обрёк всех жителей Донбасса на вымерзание! А ещё, словно в издевку, продуктивные нормы шахтёрам по карточкам и зарплата были ниже, чем в те два года, что при оккупантах.

Войдя в Донецк 21 октября 1941 года, немцы первым делом объявили: всем гражданам выйти на свои рабочие места по прежнему месту работы, и тогда они будут получать зарплату и паёк. А шахтёры по личному указанию фюрера будут получать усиленное питание и увеличенную зарплату. Саботажники данного распоряжения будут отправлены в концлагерь и будут работать принудительно, но уже без оплаты труда. На следующее утро у ворот шахт и предприятий выстроились очереди. Разбежавшиеся по сёлам перед приходом немцев «забронированные» шахтёры дружно вернулись на родные шахты. При средней зарплате 300 – 500 рублей, шахтёрам положили – 800 рублей.

И продукты по карточкам: (на 5 дней) хлеб – 2,5 кг., мясо – 200 гр., масло – 100 гр., крупа – 500 гр., сахар – 200 гр., овощи – 3,5 кг. на одного человека. На иждивенцев была установлена пониженная норма. Но: сверх нормы по карточкам педантичные немцы кормили шахтёров прямо в штреках, под землёй, чтобы они не делились с семьёй, не теряли физическую форму и повышали производительность труда. За питание у шахтёров высчитывали из зарплаты по 5 рублей 50 копеек в день.

С приходом наших, шахтёров кормили уже только в Инте, Воркуте и Парце, за колючей проволокой, как коллаборационистов, сотрудничавших с врагом на временно оккупированной территории. А вновь набранные питались, прихватив из дома кузовок с чем Бог послал...

Пленные немцы почти не охранялись. Благодаря врождённой дисциплинированности, на работу, в забой они ходили чётким строем под командой своих офицеров. Однако, при возвращении офицеры допускали некоторую послабуху своим подчинённым: им разрешали возвращение с работы «вне строя». Многие пленные тащили на плече перевязанные шнуром по два отборных куса угля – антрацита. Им дозволялось относить эти куски угля по уже знакомым адресам, и хозяйки кормили, чем могли, этих грязных, измождённых людей. Смертность среди пленных была видна всему посёлку: аккуратные деревянные кресты стройными рядами росли, как грибы, тут же, рядом с лагерем.

Один такой пленный, молодой парень двадцати трёх лет по имени Франц через 3-4 дня приносил бабушке по два куса угля. Бабушка готовила к его приходу мамалыгу (кукурузную кашу), кусочек хлеба и сладкий чай на таблетках сахара. Франц всё пытался поцеловать бабушке руку и твердил: «Данке! Данке!».

Существовало три вида продуктовых карточек: рабочая, иждивенка и детская. И соответствующие им нормы на хлеб: 800, 600 и 400 грамм в сутки. Свои иждивенческие 600 грамм бабушка делила на три раза по сто грамм внуку и себе. Ведь внук карточки не имел. Поэтому пленному Францу бабушка отдавала свой кусочек хлеба, и Франц понимал это.

Умирало от дистрофии не только пленные немцы. Умирало и вербованные, умирали и местные жители. На Донбассе, как и во всей Украине, царил голод.

... Антон спал ближе к двери, из щелей которой сквозил холодный воздух из коридора, и Антон быстро отошёл от угара. Молодость взяла своё, он не потерял сознание и быстро распахнул все двери. Подтащил потерявшую сознание бабушку к порожку коридора, дальше не смог, и побежал к учителям за помощью. И произошло чудо: бабушка выжила. Но очень ослабла.

Бабушка зарабатывала шитьём варежек, бурок (стёганные, суконные сапоги) и... бюстгальтеров. Варежки и бурки она шила тогда, когда удавалось купить на базаре или с рук шинели у пленных немцев или у наших демобилизованных солдат. Свою продукцию она продавала на местном базаре, но не очень успешно. С базара бабушка неизменно несла кукурузную крупу, ряженку и чай, без которого она не представляла жизни и называла сама себя: «Я – чайный алкоголик!»

Первое, от чего стала страдать больная бабуля – отсутствие заварки чая! Нет никаких лекарств, это – ладно... А вот без чая Анна Семёновна мучилась. Деньги в доме давно закончились, как только бабушка перестала ходить на базар. Пенсию она не получала и доходов никаких больше не было!

Из готового к продаже товара были только лифчики, – бюстгальтеры бабушкиного производства.

Антон спросил:

– Бášка, а можно я займу тебе «коробушку» заварки у училок, в нашем дворе? (Башка – это скороговорка от слова «бабушка». А коробушка – это валютная мера заварки чая у ворья – спичечный коробок)

– Запомни, Антошик! Никогда, ничего, ни у кого НЕ ЗАНИМАЙ. Испортишь дружбу. И сам никогда, никому, ничего не давай в долг! Давай обязательно, но без отдачи! Просто – дари. Ведь ещё Христос сказал: «Не оскудеет рука дающего!» – Заволновалась Анна Семёновна.

И тут присутствующий при разговоре друг Димитр предложил:

– Бабулю, а давайте мы с Антошей понесём на базар Ваши лифчики и продадим! И купим Вам чай и сахар?

– Да кто же у вас купит лифчики? Это же женский интим! Ой, уморил, – даже рассмеялась Анна Семёновна, любящая честной, искренней мордашкой красавчика-болгарина.

После горячих уговоров бабушка дала им четыре лифчика и надписала карандашом номера и цену. Антон и Димитр отправились на базар.

Два часа на базаре царило веселье и подначки за их спинами, но купить ни одна тётка не рискнула. Димитр, не унывая (он никогда не унывал!), натянул самый большой лифчик себе на голову и подошёл к самой крупной тётке, торгующей крупой:

– Тётечка, дорогая, посмотрите на меня, это точно ваш размер. Купите за один стакан крупы! Ну не можем же мы пустые вернуться домой!

– Ладно. Я знаю, чьи вы. Берите стакан крупы. Деньги потом принесёте. – Тётя, игриво улыбаясь, продолжила: «А лифчики будешь надевать куда им положено, но попозже, лет через десять!»

Идти домой всё равно было не с чем: не было чая и сахара, а бабулька ждёт. Что придумать? Не воровать же..., боже упаси! Бабуля умрёт от ужаса!

И тут Антон спохватился:

– Дима! Аля-улю! А чоботы у меня под кроватью лежат. Помнишь, показывал? Давай загоним? Оторвут с руками! – заволновался Антон.

– А бабулю разрешит?

– Дак мы ей ничего не скажем! Ты её займи базаром, а я схáпаю чоботы с-пид кровати и – айда на балочку! Туфли-то мои, а я за ради бáшки на всё готов!

Только развернули оклунок с туфлями на толкучке, как сразу «нарисовался» пижон средних лет в шубейке нараспашку, каракуль-пирожок на голове и в валеных, белых, фетровых сапогах – писк моды. Над губой – тонкие усики. Явно из блатных...

– И шо ви, молодые скачошники-форточники, просите за эти «тёмные» колёса? – прошепелявил по-воровски дядя. (Скачошники – квартирные воры)

– Какие тёмные? Они – светло-коричневые. А просим четыреста рублей, – пояснил Дима, мало-сведущий в «фене».

– «Тёмные», значит – краденные. Стало быть, плачú – половину, за риск. Какой размер?

– Ничего не краденые! Это мне подарили. А размер – не знаем, тама восемь с половиной на подошве написано, – оскорбился Антон.

– Ясно. Импорт. Сорок второй размер. Иде ж такое место, шо такие коцы шибздикам дарят?

– В детдоме подарили! – пропустил оскорбление мимо ушей Антон: он не хотел терять стоящего покупателя.

– О! Молчу! Раз ви босóта, – беру коцы, Но так, шоб купить, сколько?

– Вам же русским языком сказали – четыреста!

– Даю триста пятьдесят. Тольки из почтения к подрастающему жулью. Вот «Скоророды» стоят всего 250. Правда, они – из кожмита и на резине.

Дядя расстелил на снегу носовой платок, снял свой сапог и примерил туфлю. Потом отсчитал деньги: – Приносите ещё ваши «подарки». Да не «светитесь», как сегодня! – Дядя кивнул через плечо: невдалеке маячил «легавый», как напоминание о прозе жизни. Дядя так и не поверил в рассказы пацанов о подарке, да ещё в детдоме... Выдумка!

Перво-наперво, отдали долг доброй тёте, которая «позычила» стакан крупы. А после, как учила бабушка: «Туда идёшь по базару – только прицениваешься, а назад идёшь – покупаешь», – прошли базар вдоль и поперёк и закупили полную наволочку «шамовки»: хлеб-паляница пшеничный, сахар-рафинад кусковой – целых полкило! Чай китайский – аж две пачухи. Ну и молоко с ряженкой. Бабе, для поправки, купили полкило сливочного домашнего масла – аж 32 рубля завалили и десяток яиц – 12 рублей! Всё! Теперь – гуляй, рванина! Бегом, домой!

Запыхавшиеся от бега, вывалили сокровища на стол и стали шуровать печку «голубовским»: у «бáшки» уже блестели глаза, она увидела пачки чая.

– Спасибо вам, мальчики, но я уже всё поняла: за мои лифчики столько не купишь, а воровать вы не станете. Значит, Антоша продал свои «чоботы»... Я рада за вас. Хорошими людьми станете. Добрыми. И – не горюй, Антон. У тебя будет ещё много красивых туфель и, может даже, – заграничных, как те, что ты продал ради меня...

1947 год, лето. Детдом на даче Сахно работает на огородах совхоза. За хорошую работу по прополке болгарского перца и помидор сельские подарили Антону собаку «Джека», а детдом подарил рубашку. Обувь детдомовцы носили только в школу.

В оккупации, в 1942 году, в Таганроге, когда Антошка уже прибил к беспризорным пацанам, (мать, в облаву, немцы угнали на принудработы – рыть укрепления в прифронтовой полосе), они

вдвоём со «взросляком» – греком Костой (которому было уже 15!) совершили кражу. И эта кража стоила человеку жизни...

Дело было так: в жаркий день два офицера разделись на берегу моря и побрели по мелкоте на глубокую воду. Наверху, на крутом обрыве, стояли их ДОТы, и немцы по очереди спускались вниз охладиться в море. Море здесь было очень мелкое, и им приходилось далеко, метров на сто, вброд заходить на глубину.

Пацаны заметили, что вещи остаются без присмотра. И прикинули тот факт, что добежать к своим вещам по воде немцы не успеют, даже если заметят воровство. Пацаны подкрались к одной из опрокинутых лодок, поближе к одежде, а потом Антон подполз к аккуратно сложенному обмундированию. Наверху лежал маленький компактный фотоаппарат TENNAX. Антон сунул его себе за пазуху и оглянулся на Косту. Тот сигнализировал ему: «шманай карманы, внутри френча и в брюках – сзади». Дрожащими руками Антон обнаружил два кожаных портмоне и мигом юркнул назад за лодку. Коста быстро опустошил бумажники и бросил их в сторону одежды. Там ведь были документы; пусть хоть их найдут немцы и успокоятся!..

На базаре нашли «Курного», безногого солдата (не было одной ноги), который торговал махоркой и принимал у пацанов бычки (окурки), расплачиваясь просяным хлебом по таксе: напёрсток табака – скиба хлеба.

Рейхсмарки на рубли Коста им поменял: один к десяти. А диковинный фотоаппарат взять наотрез отказался: «Я туда не хочу!» И он указал туда, где на базаре была установлена виселица на 5 персон и она пустая не стояла. Немцы объявили воров врагами германской нации и вели с ними безуспешную войну самыми жёсткими мерами.

Чудо-фотоаппарат «TENNAX» на 96 кадров по совету Курного сдали почти задарма барыге на толкучке. А через неделю увидели на виселице этого барыгу с табличкой на груди ВОР. Пацаны обомлели: или барыга оказался человеком – не «сдал» – или немцы не стали долго разбираться. Такие вещи были ведь у каждого третьего офицера и только у немцев и такие вещи не продавались. Стало быть, унтермэнш (недочеловек!) – вор!

На Антона этот случай так повлиял, что потом он никогда и ничего не воровал. Его мучило раскаяние. И он рассказал Анне Семёновне об этом случае. Вот почему бабушка уверенно сказала, что воровать они с Димитром не станут.

Работая капитаном, Антон много раз покупал себе и семье заграничную обувь, но всякий раз он вспоминал свои те, первые в жизни, заграничные модные ЧОБОТЫ...

*Антон с воспитательницей
Эллой Иосифовной, босой...*

Проза

Александр Чумиков

Имя и фамилия автора подлинны. Кто хочет узнать больше, найдёт информацию известным и самым популярным в XXI веке способом. Или напишет на chumikov@pr-club.com. Или, в конце концов, на «Фейсбук» зайдёт...

Москва-400: едем мы из Жанжибая

Повесть.

Окончание. Начало см. в №№ 5 (17) и 6 (18)–2016

*Тем, с кем служил, однако
далеко не всем, посвящая...*

ЧАСТЬ III. РЕЙС

Красная Шапочка

Да, рейс, все говорили про какой-то рейс...

В этот раз политинформацию делал приехавший из Москвы с группой проверяющих молодой офицер. Добрый, располагающий к себе, в гражданской одежде. На наши стариковские подколы («А Вам сколько ещё служить-то? – О-о-о, я б на Вашем месте повесился...») не обращал внимания, шутил и улыбался.

И вот так, шутя, рассказал о том, что в августе 1973 года министр обороны США Джеймс Шлезингер выдвинул доктрину «ослепляющего», или «обезглавливающего» удара: поражение командных пунктов и узлов связи противника с помощью ракет средней и меньшей дальности. Такой подход предполагал выигрыш в «подлётном времени» и поражение нужных точек до того момента, как противник успеет принять решение об ответно-встречном ударе.

На вопрос о том, какие командные пункты имеются в виду и кто такой «противник», незамысловато ответил: «Да наши пункты. И противник – это тоже мы».

Далее перешёл на язык посложнее и употребил термин «Forward Base Systems», который означал средства передового базирования в виде американского тактического ядерного оружия, размещаемого на территории Западной Европы или у её побережья.

– И чо теперь? – спросил кто-то из любопытных слушателей.

– Да ничо! Так, для сведения, – резюмировал докладчик и на другой день уехал восвояси.

А к рейсу готовились. По ночам открывалась шахта, откуда выдвигались спецавтомобили, обеспеченные усиленной охраной. Стало больше проверок на постах и больше ночных работ. Наш взвод чаще выдвигался в свои окопы и дольше в них сидел. Командиры заметили ранее «незамечаемые» ими жестяные печки в землянках и нещадно их изъяли...

Задолго до этого немцы Вильгельм и Якоб Гримм сочиняли свои сказки, одна из которых посвящалась Красной Шапочке. Мне кажется, они умели видеть будущее, поскольку сказка очень точно напоминала происходящую на наших глазах балканскую реальность.

Где в покрытой розами деревеньке, в пяти километрах от части, жила-была маленькая, милая девочка по имени Йорданка. И кто, бывало, ни взглянет на неё, всем она нравилась, но больше всех её любила бабушка и готова была Йорданке всё отдать. Подарила однажды из красного бархата шапочку, и оттого, что шапочка эта была малышке очень к лицу, и никакой другой она носить не хотела, то прозвали её Красной Шапочкой.

Однажды появился в деревне симпатичный, молодой и чернявый, похожий на турка человек. Впрочем, никого это не удивило: в тогдашней Болгарии даже по официальной статистике каждый десятый

был турком. Назвался человек туристом и представился как Здравко; сказал, что собирает фольклор. Между делом спросил, что это за белые домики, которые еле видны? Ему ответили, что там стоит какая-то военная часть, что танки изредка шумят и нарушают сон, но, в общем-то, ничего особенного. Здравко – к Красной Шапочке: смотри, как замечательно! Это солдаты, они нас защищают от врагов.

Вот кусок пирога да бутылка вина, ступай, отнеси это бойцам, пускай попьют и покушают. Выходи из дому пораньше, пока не жарко, да смотри, иди скромно, как полагается; а то, чего доброго, упадёшь и бутылку разобьёшь, тогда защитникам ничего не достанется. Как увидишь их, не забудь поздороваться, а потом любопытствовать: как житьё-бытьё.

– Справлюсь, как следует, – ответила Красная Шапочка и отправилась в путь.

– Славная девочка, – сказал Здравко, – а я буду тебя сопровождать. Чтобы получилось интересней, стану прятаться в кустах и наблюдать за тобой в бинокль.

И он пошёл недалеко от Красной Шапочки, время от времени обращаясь к ней:

– Красная Шапочка, погляди, какие кругом красивые цветы, почему ты не помотришь вокруг? Ты разве не слышишь, как прекрасно поют птички? Ты идёшь, будто в школу торопишься, а в лесу-то можно весело время провести!

Глянула Красная Шапочка и увидела, как пляшут повсюду, пробиваясь сквозь деревья, солнечные лучи, всё кругом в прекрасных цветах, и подумала: «Хорошо бы принести солдатам ещё свежий букет цветов, – это будет им, наверно, тоже приятно».

Она свернула с дороги прямо в лесную чащу и стала собирать цветы. Сорвёт цветок и подумает: «Дальше вон растёт ещё покрасивей», – и к тому побежит; и так подходила она всё ближе и ближе к части. Здравко наблюдал за Красной Шапочкой в бинокль.

Когда девочка набрала цветов так много, что больше нести не могла, увидела колючую проволоку, а за ней солдатиков, которые говорили почему-то на не совсем понятном ей языке. Красная Шапочка крикнула:

– Добро утро!

Отчитывавший солдат на ненормированном русском языке Таракан опешил, но не растерялся и обратился к девочке на культурном болгарском:

– Здравей! Как си?

– Благодаря, добре!

– Как се казваш?

– Казвам се Йорданка.

– Къде майка и баща?...

На вышке пулёмчик Каменский нёс службу. Оглядывая в бинокль привычное зелёно-разноцветное пространство, где никогда не видел людей, вдруг поймал в свои стёкла «зайчики» от другого бинокля и позвонил в караулку (на вышке висел проводной телефонный аппарат). Старлей Птичкин моментально поднял наряд и выдвинулся в тревожное место, началась погоня. Убегавший Здравко иногда просматривался в кустах, но был уже далековато. Тогда Птичкин приказал наряду продолжать преследование и шуметь погромче, да ещё болгарскими словами типа «Стой ще стреля!», а сам куда-то пропал.

Убежал Здравко. Недалеко от деревни забрался в сарай; отдохнуть, осмотреться, переждать. Вроде спокойно всё, и вышел Здравко из сарая. Глядь, а в пяти метрах от двери старлей Птичкин сидит. Он беглеца выследил и раздумывал, как с ним поступить. Подстрелить? Да заругает начальство: «турист» с биноклем живой нужен. «А если тот вооружён?» – рассуждает Птичкин. И отвечает сам себе: разве что местным ножом, чтобы лишних вопросов в случае чего не было. И подобрал поленец, чтобы поудобней в руке умещалось.

Вышел Здравко, увидел старлея и действительно за нож схватился! Уж не знаю, какой он там был командос или ещё кто, но Птичкин пистолет и вправду доставать не стал. Сугубо прозаично всё получилось: метнул поленом, попал Здравко в грудь, на этом схватка и завершилась...

И были все очень и очень довольны. Здравко увезли в неведомом направлении. Солдатики скушали пирог и выпили вина, что принесла им Красная Шапочка. Йорданку отругали родители, с которыми нужные люди провели активную профилактическую работу, и она подумала: «Уж с этих пор я никогда в жизни не буду уходить из деревни в лес без материнского позволения».

Рассказывают ещё, что однажды, когда Красная Шапочка опять пошла, было, к добрым солдатикам с пирогом, заговорил с ней по пути другой Здравко и пирог нести отсоветовал. Йорданка стала

теперь поосторожней и рассказала бабушке о встрече. И о том, что Здравко так строго посмотрел на неё своими глазами, что, послушайся она, съел бы Красную Шапочку...

Каменскому – грамоту от командира части, Птичкину – медаль «За боевые заслуги».

Покупание Европы. Зашевелилось.

Да-да, покупание, а не «Похищение Европы»: не надо путать с названием разбросанной по европейскому пространству скульптуры – в разных вариантах и разных авторов. Мы собирались не похищать, а покупать Европу. Именно для этого предназначался... нет, не интригующий рейс, о котором было выше и будет ниже, а так называемый «выезд» – высшая стадия поощрения для бойцов «Москвы-400».

Переодевали в гражданку, выдавали накопленные «на книжке» левы и вывозили на один день в расположенные недалеко от части – ну, километров сто – и средние по численности города. На вполне мирном автобусе, но с офицерским сопровождением.

Перед выездом требовали произнесения наизусть своей истории-легенды (не расскажешь внятно и искренно, не поедешь), а далее следовали пожелания как в песне Высоцкого «Инструкция перед поездкой»:

– Там у них пока что лучше бытово,
Так чтоб я не отчебучил ни того,
Он мне дал прочесть брошюру, как наказ,
Чтоб не вздумал жить там сдуру, как у нас...

Смешно? Какая, мол, такая Болгария за граница?! Так это сейчас, а тогда...

Про разлагающиеся западные государства со «звериным лицом капитализма» мы были хорошо информированы: да, товаров много! Но в Америке негров линчуют! Ну, может, не совсем линчуют, а всё равно: свободу Анджеле Дэвис! Прочь от Анджелы руки!

В Европе толпы безработных на улицах. «Шмоток» и «хавчика», правда, тоже хватает, но только для богачей!

Другое дело «сиськи страны» (социалистические страны – Л.И. Брежнев): там всё как у нас – мир, труд, свобода, равенство, братство, счастье. И человек проходит как хозяин. И каждому по труду.

Каково же было удивление, когда выяснилось, что и в соцстранах не так как у нас, даже в Болгарии...

Попав в одёжный магазин, я чуть не упал в обморок, потому что увидел дублёнку. Это было страшным дефицитом в Союзе. И когда их «выбрасывали» на спецпродажах, выстраивались огромные очереди. Не просто людей, а обладателей «талонов» на право покупки. И немалого числа денег. Здесь же скромных солдатских накоплений вполне хватало на дублёнку и даже на что-то ещё.

Среди предметов острого советского дефицита значились также хорошие книги. Скажем, подписка на двухсоттомную БВЛ – библиотеку всемирной литературы была доступна в «самой читающей в мире стране» крайне ограниченному кругу лиц, имеющему «блатные» должности или связи. В букинистическом магазине или из-под полы отдельный том БВЛ можно купить по тройной-четверной-пятерной цене.

Но здесь тома спокойно пылились на полке. Очередей не было вообще: нигде и ни за чем!

Болгария для каждого из нас стала первой «Европой», и мы бросились её покупать.

Очень среднего качества по нынешним меркам, а то и «дисконтные» брюки и рубашки, кожаные и замшевые куртки, кофточки и платочки в подарки мамам, бабушкам и любимым – всё влёт сметалось с прилавков, да и времени-то для нормального «шопинга» нам не отпускалось.

Офицеры скептически поглядывали на «покупателей Европы» сверху. Они уже отоварились здесь не раз. Они уже побывали в самой Софии! Теперь мечтали о ГДР – Германской демократической республике, куда более высокой по сравнению с Болгарией в плане товарной привлекательности. Впрочем, они не могли мечтать о социалистической Югославии – острове «соцкапитализма», где имелись даже настоящие американские джинсы. Почему не могли? Потому что путь туда, не говоря уже о «настоящих» капстранах, «секретным военным» был категорически заказан.

Торговую вакханалию приостановил и не дал забыть о главном Женя Дёмин.

– Пацаны, хорош суетиться! Отвлекайте офицера, попросите, например, поглядеть на вещь какую-то, посоветовать что, а я пока с Саньком, сами понимаете...

И мы вдвоём тихой сапой подались к выходу из барахольного магазина и сразу же забежали в другой, спиртоносный.

На полках стояла ракия, «гроздова» и «сливова» – болгарская промышленная самогонка, получаемая из той самой браги, которую мы не так давно воровали у братушек. Ядрёная, пахучая, не то, что советская безвкусная магазинная водка. Ну, взяли в портфели бутылки по четыре; если больше, стало бы заметно, и привезли в часть. Где после отбоя устроили пиршество и демонстрацию купленного барахла. Корешок-москвич Шура Жердев на шмотки не позарился, а купил хорошую гитару «Орфей». Поиграли на гитаре, попели...

И зашёл вот такой разговор. Вспомнили мятежные события в Венгрии 1956 года. Подчёркиваю: я не учебник по истории пишу, а рассказываю лишь о впечатлениях моих товарищей по службе образца 1974 года. Кого из них особенно «колыхали» события в чужой стране, да к тому же восемнадцатилетней давности?! Да и беседа произошла не из политики, а из тех же шмоток.

- Чего они бунтовали-то, раз всё есть?
- Так свободы хотели.
- Какой такой свободы, если в магазинах полно всего?
- Ну, чтобы наша армия оттуда ушла.
- Почему же они боятся нашу армию?
- Потому, что не даёт коммунистов убивать.
- Тогда понятно! Вот суки, а?!...

Дальше перешли на Чехословакию, «пражскую весну» 1968-го, о которой информации, включая истории очевидцев, было побольше. Я вспомнил лето того года и себя семиклассника: мы отдыхали с родителями в далёкой российской деревне, куда всего год назад провели электричество – «родовом имении» в виде дома под соломенной крышей.

Что продавалось в деревенском магазине? Легче сказать, чего там НЕ продавалось: масла не продавалось, сыра, сахара, колбасы, часто и хлеба... Достаточно? Но люди довольные! Взрослые вполне серьёзно рассуждали: «Да, нам до коммунизма, видно, не дожить. А вот пацаны коммунизм увидят».

Прямо Маяковский, чёрт возьми!

– Темно, свинцовоночие,
И дождик толст, как жгут,
Сидят в грязи рабочие,
Сидят, лучину жгут.
Сливеют губы с холода,
Но губы шепчут в лад:
«Через четыре года
здесь будет город-сад!»...

Иду с рыбалки домой, навстречу пьяненький сосед дядя Митя. Он в Праге был! Как в анекдоте:

- На чём же ты туда ездил? – спрашивают советского человека.
 - Как на чём? На танке!
 - В каком году?
- Здесь ответа два: в 1945-м и 1968-м.

- Война, Сашка, – говорит дядя Митя, фронтовик, кавалер орденов и медалей.
- С кем?
- С Чехословакией.
- Из-за чего?
- Предатели! Всё им б...м мало!

Радио – чёрная тарелка на стене, в деревне, конечно, имелось. Плюс хрипящий приёмничек транзисторный. Разобрались, что не война. А что? Всех офицеров, которые находились в деревне в законных отпусках, сразу же отозвали, так сказать, в места дислокации частей.

Борька – дворовый товарищ в Москве, из старшего пацанского поколения – служил в 68-м в Чехословакии. И реагировал так же недоумённо, как и дядька Митяй: «Я так и не понял, чего им не хватало...».

И мы не понимали. Ну, что в армии бардак, а на гражданке тоже; что начальники сплошные «пидоры» (в то время это так, обзывательное слово, реального смысла в термин не вкладывали, да многие и не знали) – об этом да, частенько болтали, но чтобы на «святое» посягнуть, на целый соцстрой и соцлагерь – такого не припоминаю. Свобода? Дембель и есть свобода! А что ещё?

А всякие «красные шапочки» со «здравками», да «отщепенцы» из Венгрии и Чехословакии – это не, враг не пройдёт...

В назначенный день приказали форму, похожую на болгарскую, снять и выдали действительную болгарскую. А также сухой паёк и дополнительные боекомплекты. Объявили, что построение в 23.30, а выдвигаться будем ровно в полночь. Стало понятно, что это и есть рейс.

Офицеры и солдаты из боевых расчётов язык держали за зубами, а мы понимали, что основной «начинкой» рейса будут спецавтомобили с «изделиями». Куда они пойдут, зачем?...

Европа шевелилась. Это прояснялось не только из политинформаций.

Саня Давыдов, мой друг-одноклассник, а теперь танкист-ремонтник, командир отделения, написал из ГСВГ (Группа советских войск в Германии):

– Танки стояли-стояли, а теперь вдруг решили их проверить. Я выезжал на Эльбу, на обслуживание переправы. Если завтра война, да? Если завтра война, то надо понимать: каждый такой-то танк (не буду писать какой, секретность, понимаешь) на проверке заглох.

В нашу задачу входило стягивать заглохшие танки с того места, где они засядут и подтаскивать тягачом к дороге. Я ехал на этом самом БТТ – тяжёлом танковом тягаче. А он начал сосать воздух в топливной системе! Пришлось мне, вместо того, чтобы сидеть в люке и давать ЦУ по радиации, сесть на ручной насос. Качал я его шесть километров, и всё это время приходилось двигаться на пониженной скорости. Потом всё-таки старший колонны залез к нам, перебрал все возможные неисправности и выяснил, что неправильно собран топливный фильтр. А собирал его старлей, мой взводный. Ас своего дела, (блин).

Ладно, исправили, дали газку и рванули вперёд. Старший колонны на перекрёстке с нашего тягача слез, чтобы перекрыть улицу, по которой пойдут танки, а заодно сориентироваться, куда держать путь дальше. Начал о чём-то спрашивать встречных «камрадов».

Я сначала решил подождать старшего, а потом решил, что он сядет на последний тягач, и поехал вперёд, тем более что опрошенный майором «камрад» катил перед нами на велике и показывал дорогу. Врубили третью повышенную скорость, потом четвертую. Остановились возле самой Эльбы.

Через какое-то время вижу, бежит командир. Он вообще-то мужик спокойный, в этом году на пенсию выходит. А тут подбегает – и кроет меня словами, где самым мягким было «скотина». Оказалось, что последний тягач, на который я рассчитывал, сломался, и майор догонял нас на «попутных», включая собственные ноги.

Вернулись в часть, начался всеобщий ремонт, а мы, деда, целых полторы недели просто балдели. Загнал я свой приёмник, марки немецкие получил, но при этом слишком много выпил. В домик меня притащили, утром встал как в тумане. Все всё уже знают. Грозят разжаловать с младшего сержанта в рядовые, снять с должности командира отделения, ну и письмо позорное домой написать. Но пока послали на строительство спортгородка...

Вот такого качества были европейские «шевеления». Видно, поэтому и нашу часть решили «шевелить».

* * *

Ах, да, дублёнку купил. Интересная история получилась с дублёнкой. Лет через десять после дембеля, зимой, заснул я в электричке и проехал нужную станцию, проснулся и сошёл уже в Подмосковье. Смотрю краем глаза – со мной выходят «два солдата из стройбата», судя по одежде.

Иду по платформе, они приближаются. И вдруг солдатик – прыг мне на спину! Я его стряхнул и по платформе вперёд побежал: не от страха, опять же, просто в «тяжёлом обмундировании» и один, а их двое и налегке. Бегу и, может, убежал бы, да впереди платформа прерывается раскопанной ямой. Варианты какие? Прыгаю куда-то в неизвестность и... теряю сознание.

Пришёл в себя: ни дублёнки, ни шапки, ни кейса нет. Рука правая гудит от боли, потом оказалось, что перелом. Вылез из ямы, вижу, трое ребят молодых идут с играющим магнитофоном.

– Что случилось?

Рассказал, и бросились мы вчетвером искать этих. Не нашли.

Ну, что ж, попутку поймал, деньги обещал дома отдать, поскольку с собой ничего нет, и поехал.

Жена, понятное дело, в панике. В милицию, мол, надо!

Не верил я в милицию... Но вспомнил школьного товарища Олега Маркова, который служил офицером где-то в Подмоскowie и как раз в стройбате. Позвонил.

– А, говорит, дело известное. Где это случилось?

Описал. Дня через три звонит: нашёл.

– Да ну! И что теперь?

– Подожди где-то с недельку.

Через неделю приехал за мной на «газоне» и попилили мы в ту местность, в искомую стройбатовскую часть.

– На «героев» хочешь посмотреть?

– Я им морду хочу набить!

– За это не волнуйся. А что важнее, морду набить или дублёнка?

– Конечно, дублёнка!

– Ну, вот тебе новая. По-прежнему хочешь им в морду?

– Желание пока не пропало...

Тогда стройбатовский капитан Марков вынес мне ящик коньяку и всё просто объяснил:

– Шалунов из славного края «икс» мы вычислили, «помощники» из их рядов помогли. Пристрастно спросили про дублёнку. Так они её уже загнали! А, загнали? Тогда пишите родителям, чтобы купили новую. И чего-нибудь её обмыть. А то позор вам будет. И неприятные телесные повреждения от ваших «заклятых друзей» – аборигенов края «игрек». Не очень интеллигентные методы, да? Зато доходчивые.

Получается, что справедливость есть? Ага. Выходит, Бог правду видит? Не всегда, конечно, но бывает...

В связи с разговором о справедливости расскажу ещё про Мутилкина, который издевался над молодыми, листочки из моей записной книжечки вырывал и чуть пулю за это не словил. Земля слухами полнится, и вот что я узнал. Вернулся Мутилкин домой, в Крым, беспредельничал там сначала по-мелкому, а в 90-е вышел на «большую дорогу» и приехал в Москву. Обирал возле ресторана зазевавшихся пьяненьких посетителей и другое всякое.

Однажды услышал голос из подъехавшей иномарки:

– Эй, малый, огонька мне поднеси.

О, крутизна у Мутилкина неимоверная и ответ аналогичный:

– Чего, кто ты такой, да я тебя, да пошёл ты!

Диалога не получилось. Сидевший в машине и хорошо известный в то время в столице и не только «авторитет» Курок вынул пистолет и выстрелил Мутилкину в голову.

Финита! Сколь веревочка не вейся.

Дорожные грёзы.

Уже давно и плотно знакомый полковник-фронтовик Николай Иваныч Камбышев собрал нас в клубе на инструктаж.

– Выдвигаемся в рейс. В заданном районе произойдет встреча наших «изделий» с пусковыми установками, заправка и...

– Неужели, – вертится в голове, – неужели после «и» будет пуск? Война? Умрём за Родину?

Камбышев читает вопрос в глазах и отвечает на него как на заданный:

– И что, думаете? Ничего не думайте! Не ваше это дело. На место, где станет разворачиваться комплекс, никакой враг не придёт – практически исключено, вокруг два кольца болгарского охранения. Но вот по дороге, особенно где горы и всё такое, может всякое произойти. Сразу скажу: ни вы сами, ни столкновение с вами никому из супостатов нахрен не надо. Предположим невероятное:

в плен кого-то захватят. Документов никаких при вас не будет. И что расскажете? Да ничего не расскажете, поскольку ничего не знаете.

А вот «изделиями» интересуются. И если что-то и будет предприниматься, то только с целью захвата «изделия». Захватить «изделие» тоже нереально: в каждом кунге сидит вооруженный офицер с особыми инструкциями. В соответствии с этими инструкциями «изделие» не достанется противнику ни при каких обстоятельствах. Если уж при отклонении от траектории полёта ракета управляемо взрывается, то тут, сами понимаете...

– Наша задача?

– Правильно, ваша задача. Заключается она в том, чтобы выполнять команды мои и старшего колонны подполковника Петрова. Нюанс, опять же на случай «если что». Это не караульный пост и действовать придётся не по уставу караульной службы. При появлении нежелательных субъектов команда им предлагается одна: «Стой. Оставаться на месте и ложиться на землю!». При невыполнении озвучивается последняя команда: «Огонь». На поражение, естественно.

– А РПГ зачем, удивляется гранатомётчик Рыбак (помните, в ногу меня штык-ножом пырнул)? Они что, на танках подъедут?

Камбышев смеётся:

– Не-е-е. Шум большой от РПГ получается, так что для шума...

Итак, в кунге спецмашины находится офицер. В кабине наш водитель за рулём, в середине я, у двери реальный болгарин. Все в болгарской форме без знаков различия, у всех заряженные автоматы и полный подсумок магазинов, у болгарина ещё и «Макаров». Каждый третий патрон в магазине – трассирующий. Зачем? Затем, чтобы в тумане или при задымлении виделось, куда твоя очередь бьёт. В сопровождающих машинах дополнительные боеприпасы.

Ночью выдвинулись. Ранняя осень, тепло, красивая дорога по горам. Начинает клонить в сон. Так и спи себе, это водителю спать нельзя. А мне кто замечание сделает, болгарин, что ли? Погружаюсь в дремоту.

* * *

Лида. Она пребывала, извините за банальность, в возрасте Джульетты, тринадцати лет. А мне чуть меньше, чем Ромео – четырнадцать. Лида перешла в седьмой класс, а я в восьмой. Мы познакомились в пионерлагере Министерства обороны СССР «Чайка» имени живой народной героини Валентины Владимировны Терешковой. Заезжала первая в мире женщина-космонавт в лагерь, очень симпатичная, мы к её приезду концерты готовили.

Евпатория, море, пионерская романтика. В лагере, помимо нас – ребят до восьмого класса, жили девяти и десятиклассники – суворовцы из военно-музыкального училища, по которым девчонки сходили с ума: форма, блестящие музыкальные инструменты и всё такое. По вечерам некоторые пары, состоящие из суворовца и пионерки, уединялись на морском берегу и даже целовались.

В общем, почва для возникновения первой любви складывалась вполне подходящая. К тому же, в преддверие очередного появления Терешковой, мы разучивали фигурный вальс для концертного исполнения, а меня поставили с Лидой танцевать.

Да не только «фигурные» танцы имели место. В школе; в пионерском, туристическом лагерях; в клубе, в парке – везде были танцы. С обязательным чередованием «быстрых» и «медленных», лирических. Когда девушку можно за талию обнять. Повзрослее – даже и в щёчку чмокнуть, а пока нет, только прислониться слегка, если позволялось. Похвалиться потом ребятам, мол, прижимался. И прижимался! Считал происходящее особенной, уникальной историей.

Снова необходимое лирическое отступление.

Тремя годами позже, в десятом классе, когда я уже плотно экспериментировал с различной писаниной, возникла мысль: с газетными публикациями вроде получается. Так не пора ли замахнуться, так сказать, на сам суперпрестижный тогда журнал «Юность»? И начал строчить повесть. И настроил! И принёс в журнал.

Сильно прокуренная заведующая каким-то отделом неспешно перелистывала мои рукописные страницы, задерживалась взглядом на отдельных местах, а потом сказала:

– Вы очень хорошо пишете, молодой человек.

Меня переполнил восторг, душа развернулась и взлетела:

- Значит, опубликуете?!
- А вот это нет.
- Почему, я готов доработать?
- И дорабатывать не надо. Вы знаете, юноша, о чём пишут девяносто процентов ваших сверстников, да и более старших товарищей?
- Не знаю... О чём же?
- О любви. Вот поэтому и не опубликуем. Попробуйте написать о чём-то другом. Вы, например, голубей гоняете?
- Нет, не гоняю.
- Ну, ладно. А марки собирали в детстве?
- Марки собирал.
- Напишите, к примеру, о марках...

Разговор я запомнил. И о любви никогда больше не писал. А зачем же сейчас пишу? Да я не совсем о любви.

Мы гуляли с Лидой по берегу моря. Видимо, так всё это выглядело целомудренно, что даже пионервожатая с отрядным педагогом-воспитателем (была такая должность в пионерлагере) и даже после отбоя нас не останавливали. А других останавливали! На вопрос, почему кому-то нельзя гулять, а нам можно, отвечали: «Потому что это совсем другое дело».

Помню, что только видеть Лиду было верхом моих желаний. И больше никаких!

После возвращения из лагеря в Москву мы встречались с ребятами из отряда – такое происходит традиционно. Но Лиду родители на встречи не отпускали, и мы не увиделись после лагеря ни разу. Однако через четыре года, в армии, я про неё вспомнил. Вспомнил также, что дома, на пионерской фотографии записан её адрес. Вскоре его получил и написал Лиде письмо, а она ответила. Что я испытывал тогда? Да ничего не испытывал, но думал: а вот встретимся после службы, что-то где-то ёкнет?

Мы встретились после службы. Лида училась в музыкальном училище, курила, говорил о вещах, мне совершенно не интересных. Конец истории.

* * *

Машины остановились. Поочередно, с оружием, выходим по нужде, перекусываем сухим пайком прямо в кабинах. И снова рейс, и снова грёзы, и снова не совсем о любви.

Девятый класс, новая школа, новые люди. А девчонок целых двадцать восемь, а ребят всего-то пять. Неплохо! Присматриваюсь.

Марина, красивая блондинка, дочка какого-то очень важного человека. А что мне за дело до важного человека? Девушка нравилась, а дочка она слесаря, или академика, или генерала, – значения не имело.

Что я мог предложить Марине? Проводить до дома... А дом-то был в десяти минутах ходьбы от школы. Дошли быстро:

– Может быть, встретимся вечером? –

– Я не могу.

Ну, не можешь и не можешь, до свидания.

А что-то вот все последующие два года учёбы в школе томило-кусало по поводу Марины. Как это объяснить? Уже и любовь с Леной – я писал о ней в начале повести и ещё напишу – в разгаре. Но то ли обида «отвергнутого», то ли что.

Выпускной вечер. С обязательной прогулкой по Красной площади. Со встречей рассвета на Ленинских горах. Директриса проводила с каждым парнем индивидуальные беседы: приносить с собой бухло – ни-ни! Хорошо. Прятали заранее в школьных углах, да и с собой по фляжке коньяку в пиджаках пронесли. Танцы-манцы. Светает.

– Марина, а давай, когда «коллективная» встреча рассвета закончится, останемся и пойдём погуляем индивидуально.

– Если ты хочешь, пойдём.

Было ровно так, как в лагере «Чайка»: кто-то тоже бросился гулять, да учителя закудахтали, мол, отвечать потом. А про нас сказали: «Эти пусть идут...». И мы пошли по великолепной утренней Москве, и Марина говорила: «Что ты нашёл в этой Лене?». Я не знал, что ответить. За нами ездил

чёрная «Волга», в которой сидел сам ракетный академик. Он терпеливо ждал, когда всё закончится и, видимо, думал: а закончится-то чем?

Марина сказала:

– Я пойду?

– Да...

Через два года я написал Марине письмо из «Москвы-400». Зачем? Так не всё можно объяснить. Видно, искал чего-то, до сих пор непонятного. Марина ответила:

– Я не знаю, зачем ты попросил мой адрес и стал писать; зачем ты встречался со мной тогда, после выпускного вечера, ведь я знаю, что ты любишь Лену.

Я никогда тебе ничего не говорила и не писала, но больше я не могу молчать. Не знаю, догадывался ты или нет, что я люблю тебя. Я хотела тебе это сказать ещё тогда, когда учились вместе, но ты не обращал на меня никакого внимания. Только один раз ты хотел встретиться со мной, но я действительно не могла прийти...

Так вот она, Марина, и присутствовала: первые несколько лет после армии в редких встречах, дальше, десять-пятнадцать-двадцать – в воспоминаниях. Потом я отыскал телефон и позвонил.

Юрий Визбор, песня «Телефонный разговор», очень похоже:

– Слушаю. Да. Алло.
Что за шутки с утра?
Я, почему удивлён?
Я даже очень рад.
Я даже закурю.
Здравствуй, прошло сто лет.
Сто лет прошло, говорю.
Я не спешу, нет.
Телефон-автомат у неё,
Телефон на столе у меня.
Это осень, это жнивьё.
Талый снег вчерашнего дня...

Она рассказала, что замужем за папиным другом. Что родился сын. Что они занимаются с ним фигурным катанием. Что на стадионе холодно, и она мёрзнет. Что на улице зима, поэтому тоже холодно. Что встретиться можно, но лучше летом, когда тепло.

Собственно, всё. Я на полгода улетел в безудержный секс с одноклассницей Марины – той самой, что помогла найти телефон. А наши отношения так и остались чистыми, нетронутыми, лучезарными. Вероятно, теоретически могла быть лучшей женой.

А что Лена? Месяц назад получил от неё письмо:

– Даже не верится, что прошло уже почти два года, что скоро я увижу тебя. Ведь ты вернешься к Новому году, правда? Это будет, наверное, мой самый счастливый Новый год. Хочется верить, что любовь была, есть и будет. Будем надеяться? Встретимся, и всё станет ясно, да?

Интересно, какой будет наша встреча? Думаю, ты здорово изменился: два года в армии не то, что на гражданке. Подойдёт такой дядя, и не знаешь, то ли с ним теперь на «вы», то ли сойдёт и на «ты». Все после армии становятся такими важными, что не подступишь!..

Лена вспоминала набережную Москвы-реки с причалом, за Кутузовским проспектом, напротив сегодняшнего «Сити»:

– Помнишь, как я раньше её называла? Наша набережная! Мы там часто бывали, в любое время года. С ней связаны чуть ли не все мои самые лучшие воспоминания. Давай встретимся на набережной 30 декабря, в одиннадцать утра?!...

А я писал домой:

– Девчонки присылают хорошие письма, даже про любовь. У меня же все чувства остыли, стерлись. Попробовал сопоставить Марину и Лену. Выходит, что Марина лучше. Но ничего определённого не пишу ни той, ни другой. Приеду – разберёмся. Может быть, появится что-то, когда вернусь, а может, смотреть на меня никто из них не захочет...

Отец мудро ответил, что моя настоящая любовь учится где-нибудь в седьмом или восьмом классе. Он сильно ошибся: моя первая жена заканчивала в это время институт. А вторая пребывала в ясельном возрасте.

Враг хитёр и коварен. Огонь!

Откуда эта фраза: «Враг хитёр и коварен. Огонь!»? Из какого-то старого фильма. Не помню, из какого. А по-болгарски будет «огън».

Под утро мы въехали на поляну и остановились. Надёжное охранение действительно существовало и видно невооружённым глазом. Так что посты выставили вполне условно. Где-то через час раздалось урчание, и на поляне появились «родные» и узнаваемые по Союзу «МАЗы» с ракетами – носителями «изделий». Ба, вот и моя ЭВМка! А вот и заправщики. Зубы застучали, била какая-то дрожь: одновременно от восторга, от утреннего холодка, от ощущения нашей силы, от прикосновения к чему-то значимому; и немножко от непонятности. Что дальше-то будет?

Раскрылись секретные кунги, выехали тележки: вот они, «изделия»! И вот заправка, и вот стыковка, и вот ракета поднимается вертикально. И вот готов к старту армейский оперативно-тактический ракетный комплекс.

Снуют чрезвычайно серьёзные офицеры, смотрят во все глаза городские и деревенские солдатики, а губы неслышно и восторженно шепчут: «Ух, б...ь!».

Такие штуки стояли не только в Европе. В Иране, Ираке, Ливии, Сирии, Йемене, Вьетнаме. Серьёзная вещь!

Ракета «легла» назад. «Изделия» упакованы в свои «колбы». «МАЗы», заправщики и «моя» ЭВМка ушли с поляны, а мы ждём темноты. Перекурили, поели, обсудили увиденное, готовимся к обратному рейсу – передвигаться в часть планировалось ночью.

Опять дорога, опять грёзы, но вместо девушек вспоминается теперь ракета – высокая, блестящая, одновременно вселяющая гордость и устрашающая.

Чуть светает, съехали с дороги, остановились в небольшом горном кармане размять кости. Горы-то невысокие; склон, поросший лесом, кустарники. Спокойно, тепло, уютно. Ничто, как говорится, не предвещало. И тут бдительный рядовой Протасов подозвал старшего колонны Петрова и показал ему на пологий склон земляной горы:

– Смотрите, товарищ подполковник, зверьки, что ли, какие? Может, козы?

Очень скоро стало понятно, что это точно не зверьки, а люди. И что явно не «красные шапочки» или другие случайные деревенские жители. В одинаковой чёрной одежде скрытно двигались в нашу сторону.

– Стой ще стреля! – громко закричал Петров. – Легнете!

И дальше нам, тихо и по-русски:

– Занять оборону.

Как именно её занимать, оговаривалось заранее: офицеры-«технари» в кунгах с «изделиями», мы с двумя командирами снаружи под прикрытием машин.

Фигурки на холме затаились. Минута, другая, третья – и они вновь стали двигаться по направлению к автомобилям.

И вот тут это самое:

– Огън!

Мы начали бить короткими очередями, не особенно целясь: и темно, и далековато, и всё-таки мысль мелькала, что тут какая-то случайность.

Каково же было удивление, когда очереди раздалась и со стороны холма.

Ощущения? Ну что сказать... Страх? Нет. Скорее, азарт и какое-то обостренное восприятие происходящего. Когда несколько пуль щёлкнуло по обшивке спецавтомобилей, удивление стало ещё большим: «Неужели это всё по-настоящему?!».

Скорее всего, неведомый десант начал отступать в чашу. Может быть, они хотят зайти с другой стороны? Для этого нужно спуститься с холма, а дальше либо двигаться к нам прямо по дороге, либо перейти её и пробираться по кустам.

Мы ждали новых команд, а Петров с Камбышевым уже вызывали по рации болгарское подкрепление. Когда оно прибудет? Что произойдёт дальше?

Возле дороги росли красивые балканские сосны. Это хорошее укрытие: автоматная пуля толстый сосновый ствол не пробьёт.

– Гранатомёт к бою! – кричит Петров.

Рядовой Рыбак встаёт на колено, а другой солдат закладывает гранату в «трубу». Выстрел!

Ну, великолепная вещь этот РПГ: земля и кусты эффектно подлетают вверх от взрыва. Второй выстрел – и попадание в сосну; она разламывается и с треском падает.

– Держать дорогу под прицелом, при появлении противника стрелять без команды!

Всё затихло, никого не видно, лежим на своих участках. И вот опять кусты зашевелились в прежнем месте, и опять автоматные очереди с той стороны.

– Ой, .. твою мать! – выругался почему-то Протасов, и причина стала понятна: через бушлат выступила кровь.

Минимальным медицинским навыкам мы обучены, бушлат сняли, рану осмотрели. Она оказалась неопасной, пуля в тело не вошла. Вкололи чего-то обезболивающего, быстро наложили бинт, и солдат вернулся на свою позицию.

– Патроны из командирского кунга сюда! Вы заряжайте пустые магазины, а вы ведите огонь беспрерывно...

– Может, мы их того..., штурмом возьмём, – предлагает сержант Чубчик.

– Я те дам штурмом. Ишь ты ... (далее эмоционально расшифровывается значение слова «ишь»).

Но, видимо, вести сколько-нибудь длительный бой у группы захвата не было ни желания, ни возможности, она опять затаилась.

Через какое-то время со стороны дороги раздался рёв моторов и показались два болгарских бронетранспортёра с крупнокалиберными пулемётами. После переговоров с нашими командирами один из них начал стрелять по холму, а другой выехал впереди колонны.

– По машинам!

Мы вскочили в кабины и тронулись в путь.

Что была за группа нападающих, с какой целью они пришли, что с ними стало потом, «подбили» мы кого-то или нет, навсегда осталось неизвестным.

Уже при въезде в часть Камбышев остановил колонну и построил нас.

– Молодцы, не обоссались, действовали быстро и слаженно. Но дальше – не болтать! Протасова в санчасть.

– Но что говорить, если товарищи спрашивать будут?

Камбышев засмеялся:

– Скажете, что учения прошли успешно! В процессе отработки плановых операций состоялось учебно-профилактическое боестолкновение!

– А Протасова подранили тоже по-учебному?

– Ну, чего не бывает. Шальная пуля!

Фраза про «учебно-профилактическое боестолкновение» надолго вошла в гарнизонный лексикон.

С нами что-то произошло. Такое, что осознавалось не сразу. Такое, от чего пришло понимание: мы не просто «старики» и «молодые», мы – люди одной страны, одного общества, одной команды. Стало ясно, что тебя не продадут за понюх табака; что товарищи, да, грубоваты, и клея БФ могут выпить, а всё ж они товарищи, с которыми... Ну, продолжайте, читатели! В общем, вы поняли: с ними можно.

И чувствовали себя просто мужиками. Которым всё по силам. И у которых всё впереди.

Уволен в запас

Да, именно такое написание. А почему слитно? Потому что в карманном календаре на 1974-й – ровно двенадцать месяцев, и пробелов между ними нет. Почему заглавные буквы? Потому что у кого поднимется рука про дембель писать строчными? Это такой вот солдатский юмор.

Характерное перечисление и подсчёт дел в оставшиеся до дембеля недели.

Съесть сливы. Потом съесть орехи. Потом выкопать картошку.

Двадцать один раз сходить в наряд, семь раз помыться в бане, выпустить три стенгазеты, провести два комсомольских собрания.

Посмотреть на красиво падающие листья, пошуршать их берцами и подумать: скорее бы опали эти листья. Они полетят на землю, а мы полетим домой.

И, наконец, заключительное и самое главное дело – подготовить дембельский концерт!

Бывали и другие концерты, в которых участвовали все призывы, а также офицеры и их жёны.

Дембельский концерт традиционно становился делом исключительно стариков, их громким и престижным «дасвиданья»; прощальным поцелуем бойцам, горам, целой южной стране:

– Мы славно служили
В Болгарии вашей,
Но нет в мире краше,
Чем Родина наша.
Так будьте здоровы,
Служите как надо,
Мы едем на дембель,
До дома, до хаты...

Не обошлось без цензуры. Если репетиции проводились вполне демократично и творчески, никто в них не вмешивался, то на прогон концерта прибыли замполит Камбышев и особист Белый.

Грянули песню про Жанжибай с дембельским куплетом:

– Вы, салаги, не спешите,
Срок положенный тяните,
А мы будем пить вино,
А мы будем наслаждаться
И с девчонкой целоваться,
Демобилизаци-я-а-а...

– Вы что, с ума сошли, – подпрыгнул со стула полковник, – разве можно такое. Это – издевательство над армией!

– А нам кажется, что в данном случае это юмор.

– Отставить юмор! Давайте что-нибудь на злобу дня, из жизни части...

Стали думать про злобу дня. В офицерских домах открытые балконы, а на них... И сочинили:

– Я увидел на балконе
Не кусочки колбасы,
Не тюльпаны, не пионы –
Разноцветные трусы!

– Все вы как один – сексуальные маньяки, – вмешался особист Белый, – давайте уж без самодеятельности, а что-то известное, народное.

– «Из-за острова на стрежень» пойдет?

– Попробуйте.

У нас в клубе и костюмы театральные кой-какие были. Нарядились во что могли, а «персидской княжной» выбрали самого здорового в части парня – ефрейтора Копанова. При словах «и за борт её бросает» брали ефрейтора за руки, за ноги и бросали за занавес. Копанов падал на мягкий спортивный мат, но одновременно невидимыми из зала руками бросалось бревно, и раздавался страшный грохот.

Камбышев и Белый весело, но испуганно засмеялись и поинтересовались:

– А ему не больно?

– Ничего, потерпит.

– Номер неплохой, оставляем...

Команда самодеятельных солдат-художников изготовила два задника для сцены. Один для первой части концерта: на заднике изображался интерьер части – ставшие родными аккуратные белые домики в окружении роз, слив, грецких орехов. Впрочем, на заднем плане маячила запавшая в душу тропа Хо-Ши-Мина. На втором заднике появлялись аэродром и самолёт, крыло которого (материя, натянутая на металлический каркас), вылезало из задника прямо на сцену...

Обитатели Жанжибая шли на концерт, словно на большой праздник. Офицеры-джентльмены непривычно и слишком вежливо выглядели в благородном штатском, леди снимали сапоги и надевали туфли. Иные во время концерта прикладывали платочки к глазам, чего трезвые до безобразия мужья старались не замечать. Только что буфет с шампанским не развернули.

Артисты... Они были искренни, озорны и улыбкивы. Не по роли, а «по душе» переживали, понравится ли залу то, что придумали, и радовались как дети, когда публика награждала их столь же искренними аплодисментами.

– В осенний вечер мы в последний раз,
Волнуясь, выйдем на широкий плац,
Мы сотни раз здесь встречали развод,
А сегодня – нас дембель в путь зовёт.
Прощай зарядка, марш-бросок и кросс,
Прощай невидимый наш командос,
Прощай, тропа, вещмешок, автомат,
Не нужно больше нам заступать в наряд.
Блестит, блестит крыло самолёта,
Он нас несёт в другие широты...

Аплодисменты звучали сквозь наползающий на горы мягкий снег; прорезали туман, спустившийся на холмы; шелестели вместе с ручьями по камням Балкан и постепенно затихали над близкой теперь, но далеко не познанной страной; сливались с шумом турбин уже не сценического, а настоящего самолёта, ведомого в Россию расплывающимися лучами сонного зимнего солнца...

* * *

Вот теперь уж точно «Одесса милая, привет тебе, привет». Сошли с трапа и таращимся по привычке на сопровождающего офицера:

– Куда теперь?

– К выходу со взлётной полосы. Там автобусы. Можно доехать до гражданского аэропорта, можно – до вокзала. Смотря кому куда надо.

– Так что, всё, что ли?

– До свиданья, ребята...

Группой московских дембелей идём в какую-то одесскую забегаловку, вешаем на дверь табличку «закрыто», гудим. Что в забегаловке вкусно? Да пока всё вкусно! Берём билеты на вечерний поезд в Москву. И вот уже «колёса диктуют вагонные»...

Знаете, какой тогда был Киевский вокзал в Москве? Незаметный. Окружённый маленькими невзрачными домиками, которых давно нет. Но в домиках стояли чудесные автоматы; из них за двадцать копеек наливался стакан сухого, а за пятьдесят – рюмка коньяка. А ещё парикмахерские, где брили опасными бритвами. Понимаете, что это такое? Вряд ли. Теперь не бреют – СПИДа боятся. А тогда не боялись, поскольку про него не знали. И в метро из автоматов пили газировку без сиропа за копейку, а с сиропом – за три. Из многоцветных гранёных стаканов. Во-о-о-т!

Побрился, рюмку дёрнул, мундир из чемодана достал и под гражданскую дублёнку надел. И домой. Что описывать встречу? Как все самые лучшие встречи!

– А тебе тут два письма. Одно почему-то... вроде как от тебя самого.

– Ну да, правильно!

– Саня, здорово!

Как твои дела, как доехал, сбылось ли что-нибудь из того, о чём мечтал два года? Встретился ли с Леной, Мариной, Лидой, друзьями? А я доживаю свои последние часы в армии. Вероятно, завтра дембель. Делать ничего не хочется, всё валится из рук. «Сердце бьётся в упоенье», и скоро для него «воскреснут вновь и божество, и вдохновение, и жизнь, и слёзы, и любовь».

Всё, прощай, Саня, навсегда!

Твой самый лучший друг и двойник сержант Александр Свирин...

Другое письмо от друга Сани Давыдова:

– Приветствую тебя, познавшего всю тяжесть и суровость солдатской службы и дождавшегося Великого Приказа!

Да падут ниц все верные и неверные девы московские, с коими был знаком, и те, которые лишь наслышаны о твоих подвигах.

И да будет благословен светлый день Пресвятой Демобилизации, когда стопы твои коснулись обетованной земли пращуров твоих!

Но в сокровенных местах долгой твоей памяти помни о тех, кто сейчас держит в руках меч, дабы ты мог держать перо...

Я помню. И держу.

Проза

Татьяна Тарковская

Родилась в Барнауле. В 1996 г. пришла в поэтическую студию В. С. Котеленца. В 1999 г. окончила филологический факультет Алтайского государственного университета. Работала на ГТРК «Алтай», главным редактором информационной службы Радио-группы «ФМ-Продакшн», редактором отдела поэзии журнала «Алтай». Лауреат премии им. А. С. Пушкина г. Барнаула (2003), им. Л. С. Мерзликина (2010). Член Союза писателей России

Бог знает почему

Очерк

Пишу, воспользовавшись временным затишьем бурана и внезапным появлением в нашем Приполярье Интернета. Неделю у нас держалось минус 46. Я хожу по избе в валенках – дом страшно продуло... К счастью, утром дали свет – нашу фазу вчера отрубилло...

Спутник, того и гляди, сойдет с орбиты. Тоненькая нить, связывающая нас с Большой землей, оборвется, и до моих городских друзей не дойдет рассказ о том, как я учусь жить без воды, тепла, нормального электричества, сотовой связи, фитнес-клуба и кофе-машины. Я, в недавнем прошлом главный редактор информационной службы крупного радиохолдинга, живу без радио и микрофона, без телевидения, прессы и сетевых ресурсов. Спутниковый Интернет за бешеные деньги здесь годится разве что для почтовой связи, чем уже необыкновенно ценен.

Надежда на спутник живет до 14.00: в это время в Бахте вырубают один дизель и переходят на другой. Сеть «рухнет», а потому я изо всех сил стучу по клавиатуре пальцами, ставшими непослушными от холодной воды. Да ещё правая ладонь обожжена паром – накануне я проверила, не растопился ли лёд на печи, а потом тихо скулила от боли полночи. «Наверное, подружки оценят моё «геройство», – успокаиваю я себя. И надеюсь на их ответы – одолевает голод по весточкам от друзей, оставшихся там, где навыки к обстоятельным письмам утеряны в угоду жалкому чириканью в соцсетях. Попытка загрузить соцсети в Бахте грозит нервным срывом, а потому они не пользуются спросом. Зато особым спросом здесь, на слиянии полноводного Енисея с Бахтой-рекой, пользуется... вода.

Живая вода

На «снежике» ездили за водой на Бахту. Я научилась управляться с «Викингом», правда, слегка обморозилась... Привезли несколько ледяных глыб в бочку, ждём, пока растают... Льдины – торосы с реки, вода – из проруби...

Первый этап осмысления иной жизни уже пройден, летние истерики позади, зимние остужены. Я рассчитываю, что по этим зарисовкам станет понятно, что значит по-настоящему ценить воду. Дураку ясно, что вода – нужна, но при этом мы, общество потребления, рассматриваем её только как естественный ресурс для жизнедеятельности. Лишь в исключительных случаях вода становится поводом для переосмысления ценностей.

Вода, а, вернее, её отсутствие, помогло мне... ожить. То есть перейти из привычки существовать в нормальную, Богом данную жизнь.

Механизм чудесного действия отсутствия воды прост: процесс её «добычи» в нашем селе происходит трудоёмко и медленно. Жизнь будто растягивается, и ты учишься видеть её и осязать – нет

другого выхода, ведь минуты быстрее не побегут. Пока ты связываешь все звенья по обеспечению семьи водой, есть время подумать обо всём без суеты...

«Почему в XXI веке нужно жить, как в начале XIX?!» – гневается моя подруга в письме. Она пытается меня поддержать и дать понять моему мужу, что «нужно что-то делать!». «Да какой там XIX, это же Средневековье!» – разрываюсь я между счастьем оживания и несчастьем выживания. Муж тоже пытается меня поддержать. Он говорит: «Ермак осваивал Сибирь...» – «У Ермака не было жены», – вздыхаю я. «Значит, ему было тяжелее. Никто его не ждал за Уральским хребтом, никто не грел».

Модернизация смирения.

Летний вариант «добывания» воды в Бахте легче. Худо-бедно работает единственная на всю деревню скважина от ЖКХ, да и реки открыты. Существует летний водопровод – центральная труба, к которой у некоторых самодельно присоединены шланги. Правда, и летом изнеженной горожанке трудно смириться с тем, что вода из скважины мутная, с взвесью глины и песка. Её приходится отстаивать, укрывая от света, иначе она мигом зацветает. К тому же её дают ограниченно по часам, а в воскресенье не дают вовсе: ЖКХ отдыхает. Водяные фильтры здесь забиваются за несколько дней, а новых взять негде.

Реки – не лучшая альтернатива, особенно в начале лета, когда идет паводковая вода. Питьевую в магазины не завозят – нет желающих покупать. Платить за воду, да ещё втридорога, с «северной надбавкой», – в водном крае дико. Большинство жителей другой воды не знают и претензий к ней не имеют.

Зимняя вода даётся гораздо труднее, но зато она чище и хорошо хранится. Водопровод перемерзает до июня, поэтому приходится возить воду с реки – в основном с Бахты, считающейся экологически чистой.

Редкая женщина в Бахте сама ездит на снегоходе – требуется физическая сила. А потому без мужчины не обойтись. Порой складываются экстремальные ситуации. Так, в середине нынешнего декабря Богучанская ГЭС приподнесла жителям поселков неприятный сюрприз: спустила воду в Енисей, выдавив уже устоявшийся лед по берегам и затопив наезженные дороги. Путь к реке Бахте, как правило, лежит по краю Енисея. Наш снегоход, рискнув «перепрыгнуть» через образовавшийся провал, сел задом, утопив прицепленные сани с бочкой драгоценной воды. Надо сказать, кроме меня, никто не огорчился: для местных мужиков это житейские мелочи. Они тут же примчались на выручку, и вода, наконец, «приехала» домой.

Так что мужчина, желательнее муж, – большое счастье для северной женщины. Ни о каком феминизме тут не помышляют, да и слов таких не знают. Если же своего мужика нет – а в Бахте около 20 вдов, – то приходится рассчитывать на помощь соседа. Так принято. В семьях, где осенью мужчины уходят на промысел в тайгу, женам и детям оставляют воды впрок – по 7-8 бочек, – до вылазки домой к Новому году. Потом – новая заправка и опять – на охоту. Одиноким женщинам помогают те, кто остаётся в деревне. Взаимовыручка в селе крепка. Иначе не выжить.

Отчаянные домохозяйки в Бахте

...Я стою на морозильной камере и смотрю на некую замысловатую конструкцию сверху вниз, держа в вытянутой руке шланг от насоса, закинутый в столитровый бак под потолком. Из бака спускается другой шланг, который, в свою очередь, подсоединён к стиральной машине, оказавшейся здесь по воле добрых и наивных людей и терзавшей моё воображение с момента нашего приезда. Электронасос качает воду из бочки на улице и натужно ревёт в открытые входные двери, через которые пролегал шланг. «Бежит?!» – кричит муж из сеней. «Мдааа...» – констатирую я происходящую фантазмагорию. Почуввав неладное, муж кричит громче: «Смотри на это философски! Ведь это даже весело!»

А я и смотрю – с высоты это действительно легче, и уже начинаю улыбаться, как вдруг с потолка на меня обрушивается ледяной душ. «Выключи-а-ай!» – ору я страшным голосом, но весёлый философ меня не слышит, и вода, что дороже золота, хлещет из шланга почём зря...

Стирка в деревне – история не для слабонервных горожанок, привыкших получать идеальное бельё нажатием одной кнопки. Местные женщины, знающие почём пуд соли, дают советы.

Во-первых, учит жена охотника Анатолия Валентина, воду в стиральную машину-автомат нужно заливать вручную. «То есть как?» – удивляюсь я. «Да так, – говорит сражённая моим невежеством Валя, – через дырку для порошка! Берёшь кружку, слушаешь, как машина работает. Гудит – значит, воды просит! Ты и льёшь...» – «Но как же, – сомневаюсь я, – там же программа «интеллект»? А если я не вовремя воду подам или не долью, от неравномерной подачи машина сломается. Да и потом, она всегда гудит, как я угадаю...». – «Нормально, – заверяет реформаторша бошевского «интеллекта», – сколь работает, и ничо ей не делается!»

Во-вторых, учит жена охотника Сергея Галина, стирать сначала нужно светлое бельё, а воду от него (она «почти чистая») сливать в ведро, чтобы потом снова залить в отверстие для порошка. И можно будет выстирать бельё второй очереди. И программу желательно выбирать покороче.

На свою беду, я заартачилась. И мы начали налаживать самодельный мини-водопровод из соседского насоса «Малыш», шлангов и пресловутой бочки под потолком. После нескольких испытаний машина всё-таки начала забирать воду самостоятельно. И... заблокировалась уже на второй стирке. Программа «интеллект» распознала воду с примесями глины, песка и прочим микромусором – соринки попали в фильтр при правильной подаче. Нужно было заливать в дырку для порошка!

После недель ручной стирки и походов на реку с распухшими руками, изъеденная таёжным гнусом всех мастей, я сдалась: по три часа плясала у стиральной машины, прикладываясь к ней ухом, заливала ковшиком воду и уже ни на что не сетовала. Идея послушания, коей в начале моего пребывания в «диких условиях» меня пытался расслабить муж, получая в ответ лишь раздражение, каким-то образом начала работать. Видимо, я поняла, что значит трудиться, созидая.

Нужно признать, что при желании и финансовых возможностях можно установить современную домашнюю насосную станцию. Однако, как выяснилось, большинство людей в Бахте к этому не стремятся – привыкли...

«Он не может увезти её туда, это нечестно! Посмотрите, какие там женщины!..» – комментировал намерение моего мужа московский родственник незадолго до нашего отъезда в Бахту. Я не знала, что ему ответить; может, я стану некрасивой, обветренной старухой (но мудрой!), деградирую без интеграции в мировой рынок, без глобализации с либерализацией и прочим (но узнаю, что Бог есть любовь!), а сердце моё оледенеет (но – «откуда такая нежность?»). Пока, однако, я лишь учусь у этих самых женщин быть сильной и смиренной одновременно, учусь не сдаваться и на корню давить малодушие.

«Крым» идет на Север

А уехали мы в конце мая, покинув белый яблоневый город, едва успев надыхнуться весенним обнадёживающим воздухом. Приняв для себя необыкновенно сложное – как с обрыва прыгнуть – решение, я бросила престижную и перспективную работу и повезла себя и детей крушить социальные стереотипы.

«Я купила себе платье!» – на радостях сообщила я по телефону тому, кто ждал нас на Енисее, налаживая лодку. «Купи себе энцефалитку», – ответил он.

Потом был поезд до Красноярска, потом самолёт – он летает всего дважды в неделю до таёжного поселка Бор, и там, на берегу, одухотворённое ожиданием лицо, дюралевая лодчонка «Крым» (лучше не придумать) и неизвестный путь в направлении полярного круга по огромному, тёмному, пугающему ледяным дыханием послезимнему Енисею. К моменту нашего приезда комфортное судно «Хивус» на воздушной подушке застряло на ремонте, не иначе для того, чтобы жизнь нам мёдом не казалась. Кое-как разместившись в лодке – мои рафинированные дети не желали сидеть в безопасном гнезде на полу, – мы отчалили от берега, навсегда попрощавшись с прошлой жизнью. Судорожно вдохнув нового воздуха, подавляя в себе первобытный страх, выплыли на середину реки, и вдруг лодка замерла: вышло из строя рулевое управление. Мне ещё невдомек, что это не страшно, но я новичок, и у меня в лодке двое капризных детей, а вокруг сплошная грозная чернота.

Попытки отремонтировать руль лишь расшатали лодку, не увенчавшись успехом, и дальше мы поплыли на моторном управлении, в чем нет ничего эксклюзивного, – так все плавают на старых катерках или лодках-«деревяшках» вообще без руля.

Во время первого часа умопомрачительных и довольно болезненных «скачек» – лодка бьет с размаху железным брюхом по асфальтово-плотным волнам – пришлось научиться по требованию капитана резать хлеб и сыр, кромсая куски как попало... Господи, может, остановимся? «Может, остановимся?!» – кричу сквозь оглушительный рёв мотора, оглядываясь на корму. «Что?! А-а... некогда!» – «Но ведь ехать недолго?!» – уточняю я. «Да! Часа четыре!» – «Сколько? Ты же говорил, полтора!» – Начиная паниковать, я укутываю детей теплее, успев отметить, что глаза у них уже вполне блаженные. «Я говорил: 120 километров!»

Ладонью отогреваю сыну нос. Климат Севера всё ощутимее, ветер уже ледяной, кое-где плывут остатки льда, по берегам островки снега. У меня в рюкзаке семена самых разных цветов, но эта земля ещё не скоро очнется от мёрзлого сна...

Размышления прерывает крик с кормы: «Открой мне бутылку пива!» – «С ума сошёл?!» А в ответ: «Здорово, что вы приехали, правда?! Посмотри вокруг!»

Река делает поворот, тяжёлое шлепанье по волнам сменяется ровным ходом. Мы попривыкли, угомонились, и, наконец, взору открывается плохо поддающийся осмыслению простор, первозданная красота таёжных берегов одной из самых могучих русских рек. И где-то в солнечном сплетении тикает потаённая тревога: что же я, не умеющая управляться со свободой, стану со всем этим делать? На ближайшие полгода Енисею предстояло стать единственным «информационным каналом» для моей души, обмельчавшей за тринадцать лет служения цивилизации.

Деревенская пьеса.

Самое обсуждаемое в Бахте событие июня: знатный на всю страну холостяк Михаил Тарковский, 25 лет проживший в отшельничестве, привёз себе жену и двоих детей, да ещё из города, да ещё при всём честном бабьем народе! Сей факт по своей чрезвычайности мог бы претендовать даже на событие года (сбежит молодуха или нет?), но, к счастью, каждодневные заботы постепенно вернули деревню в то самое русло, которое искони питает классическую русскую литературу: что ни день, то рассказ! А то и готовая театральная постановка.

А главное, персонажи организованы чудесным образом – есть свои герои, свои злодеи, свои середнячки. И ничего не нужно придумывать!

Общество в 250 человек, по сути, не отличается от общества условного города, да хоть бы и страны. Когда людей мало – все характеры на виду: пятеро таких, пятеро сяких, остальные наблюдают. А в мегаполисе – миллион одних, миллион других и миллионы никаких, но кто каков и чего хочет на самом деле – поди, разберись.

Так что когда в деревне происходит что-нибудь важное при участии общественности, то это выглядит как яркая, хорошо прорисованная иллюстрация к полномасштабному и порой драматическому событию, которое может происходить в любом месте.

Памятная пьеса развернулась погожим июльским днём на центральной сценической площадке Бахты – там, наконец, подготовили место для заливки фундамента будущего музея!

Проект уникального по задумке Музея традиционного таёжного природопользования пробирався в течение нескольких мучительных лет подвижническими усилиями практически одного человека – эта история еще ждет своего часа. Но действующим лицам уже можно аплодировать.

Начальник ЖКХ в Бахте, интуитивно следуя стереотипу поведения большинства российских коммунальщиков, заявляет: «10 тыщ – и будет вам трактор», разом поправ вековые принципы взаимовыручки в родном селе, а заодно отринув свою причастность к социально значимым объектам. Но это и понятно: жэкэхашнику не до высоких материй.

Более парадоксален чиновник, отвечающий за развитие культуры в Туруханском районе. Он вообще устал: «Зачем? Всё это сейчас умирает...» Настолько устал, что произнёс эту реплику в Министерстве культуры региона.

Еще бригада бахтинских парней-калымщиков. Это явно положительные герои: ребята с утра стоически не похмеляются, сидя на брёвнах сруба будущего музея и ожидая команды – начинать ручную или Халимон всё-таки даст трактор?

Да простит меня начальник ЖКХ, получающий благодарности от сельской администрации на

День села, но Бог свидетель – «Халимон» в местном народе больше фигурирует не как фамилия, а как понятие. Именно поэтому фамилия – чудо как хороша! И меня понял бы Чехов.

Как минимум один человек в Бахте понимает, что делает свою работу во благо посёлка и будущих его поколений, – это, конечно, священник. Отец Александр специально приехал освятить закладку фундамента. Таинство освящения происходит на улице, около вбитых в землю колышков – места будущего музея. Это место, наконец, определили в Туруханске после изучения плана села и нескольких бюрократических циклов. Можно уже выдохнуть... и начать, благословясь.

Группа мужиков стоит чуть поодаль, нервно переминаясь с ноги на ногу, наблюдая за странной и даже неловкой какой-то для них церемонией – в ряду с батюшкой глава администрации и ещё пара равнодушных человек. Я оказываюсь между этими двумя лагерями примерно посреди. Предчувствуя заваруху, улавливаю ухом, как слова молитвы с одной стороны перемежаются с забористыми словечками – с другой. Когда непривычное для мужиков действие заканчивается, а батюшка удаляется восвояси, они идут в атаку. Участники таинства в один миг падают с небес на землю – поднимается шум и гам:

– Вы зачем сюда вбили колья? Чего строить собрались? Музей? Какой ещё, на хрен, опять музей?

– Ну, ты же принимал участие в собрании села, всех предупреждали об этом месте! Музей должен стоять фасадом на центральную улицу! Вот же план!

– Да чо мне твой план?! У меня тут 66-й не развернётся! Я тут дрова всю свою жизнь вожу, а ты тут со своим музеем!

– Где вы раньше были?! Что вы теперь орёте? Столько сил убито на это разрешение! Опомнитесь!

– Ничо не знаю, переноси свой музей! С храмом прокатило, построили – красиво, да, но теперь ещё и музей... Переносите! Вон, к футбольному полю! Там места полно!

– Какое футбольное поле?! Ты что? Линия улицы – здесь! Правила такие!

– Мне чо твои правила?! Переноси, говорю, свои колья к едрене фене! К футбольному полю!

– Правильно! И для народа лучше: поиграли в футбол – сходили в музей!

Повинуясь народной воле, разметку переносят, вопреки утверждённому плану. Занавес. То ли ещё будет!

«С храмом прокатило».

В этой трагикомедии неслучайно упомянут храм. Речь идет о храме Святых Новомучеников и Исповедников Российских. Чудная и трудная история его возникновения уже описана (см.: «Путешествие русского храма» («Русский мир.ru», №12, 2012). – Прим. ред.), я добавлю лишь немного.

Пока в Бахте в храм ходят единицы. Хотя, в пропорциях, число прихожан здесь примерно такое же, как в городах: на 250 жителей – 15 человек прихода. Мужчины, кроме Тарковского и собственно отца Александра, приезжающего из Бора, в храм не ходят вообще.

Учительница математики местной школы однажды привела в храм своего ученика. «Теперь ты будешь приходить?» – спросили её. «Да ну что вы, нет, я в учебно-ознакомительных целях».

Учительница физики признаёт: мы воспитаны в атеистической стране, нам поздно меняться.

Учительница русского языка и литературы исповедуется.

На встрече со студентами в Алтайском госуниверситете в Барнауле Михаила Тарковского спросили: «Вы занимаетесь какими-нибудь духовными практиками?» Вопрос был мотивирован предыдущим рассказом о долгих месяцах промысла, когда ты один на один с тайгой, с душой и с Богом. «Духовными» практиками занималась одна канадская экспедиция, которая объелась в тайге мухоморов, – ответил Тарковский. – А мы в Бахте построили храм...».

– Храм, значит, там есть? – переспросил один бывший альпинист, выслушав мой рассказ о жизни в суровом, оторванном от материка селе. – Ну, значит, село существует.

– Да, – хотела я продолжить горделиво, – вообще-то оно существует уже четыреста лет...

Но просто кивнула в ответ.

Лодки-мечты...

«Если бы ты не была журналистом, чем бы занималась?» – спросил меня коллега в разгар рабочего дня, ввалившись в кабинет примерно на 25-м выпуске новостей из 40. Самое пекло на адском конвейере. Не отвываясь от компьютера, ответила механически: «Красила бы лодки на берегу...»

Это было моё откровение.

Самое прекрасное на земле – лодки. Дюралевый «Крым», побитая невзгодами «Обушка», крокодилоподобная и необычайно выносливая «деревяшка», кетская легкая ветка-долбленка – все их необходимо полюбить, прежде чем пересесть на пилотируемый «Хивус» или на какой-нибудь американский Custom Weld.

«Деревяшку» – деревянную самодельную лодку 10 метров длиной – я полюбила навсегда только за то, что мы на ней не утонули. В начале июня, пока ещё не поднялся гнус, мы отправились в своё первое путешествие в тайгу по Бахте. Впереди нас ждали охотничьи избышки на Холодном Ключе, Чёрных воротах, ещё дальше Мишина речка Тынеп... Все эти таинственные места нам предстояло открыть. Сидеть на дне лодки детям в этот раз не пришлось – оказалось, что она нещадно протекает. Михаил правит бал – ведёт нашу «деревяшку», сидя на корме у четырехтактного мотора «Ямаха» (что было озвучено как спасительное заклинание), и на мой вопрос: «А разве так должно быть?» – отвечает с улыбкой: «Конечно!» «Деревяшки» всегда подтекают, высыхают. Вообще-то перед сезоном навигации их конопатят, но в этот раз не критично. Лодка идёт вперёд, вода через нос ручейками стекает к корме, откуда бывалый таежник выплёскивает её черпаком из старой обрезанной канистры. Ну, раз тут так принято, ладно. Не мы первые...

Тяжёлая лодка движется примерно 22 километра в час, поэтому 200 километров нам плыть и плыть. Зато кругом несказанной красоты пейзажи. Мы блаженствуем, лодка течёт.

– Медве-едь, медве-едь! – восторженно визжат дети. Я пытаюсь наладить бинокль и в последний момент вижу, как впереди по левому берегу удирает в кусты перепуганный хозяин тайги. В животе предательски зарождается страх – естественный, но совершенно беспомощный в данной ситуации. «Он услышал мотор и испугался, медведи трусливы», – следует пояснение. В целом все очень довольны, что увидели косолапого, будет о чём написать друзьям и родне. Те только и спрашивают: приходил ли медведь? Будто он живет в соседнем доме.

Мы смеёмся, что-то жуем, пьем чай и разглядываем берега, а лодка всё течет, а рулевой всё вычерпывает воду, будто бьёт поклоны таёжному божеству.

Мы путешествовали четыре дня, открывая в себе небывалые возможности, – дети, оказывается, очень легко приспосабливаются к диким условиям, гораздо легче матерей. К концу нашего тура, стоя на приколе, лодка набирала воды уже почти наполовину. Вычерпывали по очереди и вместе, но почти не волновались: так бывает!

На обратном пути около восьми часов кряду наш капитан свободной от мотора рукой без остановки выплёскивал воду и сообщал разные полезные сведения о здешних местах.

Домой мы прибыли вечером. У крыльца в нетерпении поджидали трое: местный «мэр» с товарищами. До меня доносится: «Михал Саньч! С прибытием! Дай лодку на пару дней...» – «Да ты что, Юрич! Нельзя на ней! Дырявая вся!»

...и всплывающие корабли

Лето, полное переосмыслений, сумасшедших бытовых экспериментов, круглосуточного физического труда с учётом белых ночей и желания допрыгнуть в первые же месяцы до высоко задранной планки, кончилось. Пришло осеннее, а потом и зимнее успокоение. В голые бревенчатые стены нашего дома оно пришло вместе с книгами. Книг много как в домашней, так и в поселковой библиотеке. Тут ведь в чём метод воспитания нравственного закона в детях и взрослых? Никаких общественных «завлекалок» в селе нет: ни центров отдыха, ни кино, ни баров-ресторанов – ничего этого нет, а библиотека – есть. Не хочешь в библиотеку – иди в аптеку; она как раз в библиотеке, можно записаться разом «Ревитом» и Астафьевым... Здорово же. А в другой раз приходи слушать стихи и петь песни. В библиотеку, куда ж ещё. Это даёт свои результаты – бахтинские дети не подсаживаются на компьютерные игры, а пишут стихи и прозу.

Ощущение покоя и правильности пути окончательно укрепилось во мне за чтением книг – без помех и внешних раздражителей. Каждый хоть сколько-нибудь пишущий человек втайне подумывает создать свое произведение, неповторимое, глубокое и смелое. Но последние годы, заглядывая в себя, вынашивая бесконечные творческие планы, больше похожие на формуляры без содержания, я всякий раз была шокирована собственной пустотой: что я могу сказать людям? Почему я все забыла?

Моя память в последние годы – сплошная сиюминутность и, значит, сплошной провал. Отсутствие содержания тем более парадоксально на фоне острых, порой невыносимых порывов к движению. Знаете, из серии «я хотела вам многое сказать, но... не могу, а только бессильно плачу». Я забыла так много! И вот как-то ночью я проснулась, будто от внутреннего толчка: почти физически чувствую, как во мне растёт воспоминание – словно затонувший корабль, вдруг непостижимым образом всплывает во мне история из отрочества, не вспоминаемая никогда! А ведь это сюжет!

Спустя несколько месяцев таёжной реабилитации, такие чудеса исцеления стали повторяться чаще.

Десять лет подряд, после выхода книжки подающего надежды и даже принятого в Союз писателей поэта, все спрашивали, пишу ли я, и приглашали на встречи с читателями. Мне было стыдно отвечать и приходить. Да и некогда: семинары, грандиозные фестивали, победы и провалы на конкурсах, эфиры... Захватывающие, остроумные и остросюжетные рабочие будни в сигаретном дыму другого творчества. Радость профессии, повышения. И посекундная тарификация жизни. И первое осознание: километры информации незаметно оборотились километрами цинизма и начали наматываться на сердце ещё более лихо, туго, с нахлёстом...

Буранным декабрьским вечером я накрывала на стол и вспомнила этот странный текст. Стихотворение, написанное ещё до моей многотрудной карьеры. Бог знает почему.

Закату день, как Богу грешник, верен,
Он пьёт вино и молится всерьёз,
Прощайте, братцы, ухожу на Север,
А попросту – слетаю под откос.
Прощайте на закате, Бога ради,
Чтоб вы наутро не узнали, как
Тоской смертельной белый свет накатит,
Безжалостно зажав меня в кулак.
И всё! Меня не ждите – в невозможном,
Обетованном, северном краю
Я собираю ягоду морошку
И белую пургу боготворю...

Проза

Наталья Советная

Наталья Викторовна Советная родилась в пос. Янтарный Приморского района, Калининградской области, в семье военнослужащего. Десятилетку окончила в г. Городке Витебской области. Продолжила образование в Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена, затем в Ленинградском университете. Кандидат психологических наук. Директор «Психологического реабилитационного центра «МИРВЧ».

Член Союза писателей России (Санкт-Петербургское отделение), член Союза писателей Беларуси, член Союза писателей Союзного государства. Председатель оргкомитета Международных научно-литературных чтений Игора Николаевича Григорьева и оргкомитета Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. поэта и воина Игора Григорьева (1923-1996).

Прозаик, поэт, публицист. Автор публикаций в журналах: «Литературная учёба», «Наши современники», «Московский Парнас», «Нёман», «Новая Немига литературная», «Акно» (Минск), «Качели», «Польмя», «Белая вежа», «Армия и культура», «Невская перспектива», «Мгинские мосты», «Земляки».

Участница многих коллективных сборников и альманахов. Автор книг поэзии и прозы, в т.ч. «В поиске сокровища», «За краем света», «Тайна русского Царя», «Два поклона», «Цветок на морозе», «Увидеть ветер», «Пучок травы», «На земном подсвечнике», «Венчики золотые».

Награждена медалями «Святой Благоверный Великий князь Александр Невский» (2006), «Василий Шукшин» (2014), «За вялікі ўклад ў літаратуру» (СП Беларуси, 2016), «Поэт и воин Игорь Николаевич Григорьев (1923–1996)» (2015), орденом Фонда мира «За веру и верность» (Москва, 2016), орденом «Апостол трезвости Чельшов М. Д. (1866–1915)».

Лауреат литературных конкурсов Белорусского Экзархата РПЦ и газеты «Воскресение» (2008, 2014). Победитель конкурса Фестиваля исторической поэзии «Словенское поле – 2015» (Псков).

Подранда

Отрывок из книги «Пучок травы»

Дуб всё помнит...

Прихватив соломенную шляпу, резиновые перчатки, бутылку с водой и фотоаппарат, я устроилась на переднем сиденье. Володя, муж, уже закинул в багажник лопату, грабли и украшенный проволочными завитушками железный крест, который накануне сварил на даче. Мама прижимала к себе пакет с «помином»: освещённой в церкви кутьёй, пачкой печенья, конфетами, рыбой, котлетами и блинчиками, тарелки с которыми были завернуты в вафельные полотенца для сохранения тепла, – постоянная, сколько себя помню, поминальная кладбищенская трапеза. Раньше о ней заботилась бабушка Дуся. Теперь – мама.

– Зоя Егоровна, – Володя звал тещу уважительно, по имени-отчеству. – По старой или новой дороге?

«Новой» дорога звалась не по срокам её существования – узнали мы короткий путь к погосту, где упокоились наши предки, всего год назад, когда взяли в поездку маминого племянника Сергея, работника Витебских энергосетей, объездившего все деревни в районе, облазившего все столбы с электропроводами. «Через Кисели – на двадцать километров короче. А вы – через Оболь – такой круг нарежете!» – удивился он.

Зоя Егоровна вспомнила слова племянника.

– По короткой, Володя. И время, и горячее сэкономим. Как ехать, запомнили?

Праздник Троицы, когда мы собрались навестить могилки, выпал на последние дни июня. Лето уже разгорелось, дышало жаром, буйствовало луговым многоцветьем, радовало светлой глубиной неба. Ехать приятно-радостно: почитаемый в народе праздник, разговоры-воспоминания, для которых в суете редко выпадает свободная минутка, – легко и спокойно на душе...

Машина миновала одну за другой наполовину опустевшие деревни; в Селище свернула на узкую разбитую шоссейку. Отсюда до Подранды километров десять. Зоя Егоровна помнила, как пятилетней шла с мамой Дусей от дедовой хаты, через те же деревни, до самого дома в Городке! Ноги стёрла в кровь. Надеялись на попутную подводу, да никто не нагнал.

И теперь дорога была пустынна. Промелькнули заброшенные подворья, потянулись поля, густой беспорядочный кустарник обочин. Володя вёл машину неторопливо, объезжая выбоины на асфальте. Мы с мамой глядели по сторонам, пытаясь определить, не ошиблись ли.

За очередным поворотом неожиданно, словно вынырнули, появились два мужичка. Замахали руками – притормози! Немолодые, в пиджаках поверх выношенных футболок, в рабочих брюках, оба – в подпитии. Володя ещё снизил скорость.

– Не останавливайся! – испугалась Зоя Егоровна. – Может, эки сбежавшие? В газете писали...

Я улыбнулась: умеет наша пресса нагнать страху – там убили, тут украли, здесь сбежали...

– Тормози, тормози! – попросила мужа.

– Люди добрые! – бросился к машине мужчина, заросший седоватой щетиной. Второй, помоложе, остался на обочине.

– Вы ж на Кисели? Подвезите меня одного, Николай-то местный, селищанский.

– Какие Кисели! Не едем, – вдруг заупрямилась Зоя Егоровна, хватаясь за ручку дверцы.

– Как... не едете?! Тута ж другой дороги нету...

– Не едем, не едем... – твердила Зоя Егоровна, удерживая дверь.

Зной... Путник тяжело дышал, по отекившим серым щекам катился пот. Не желая упустить чудом оказавшуюся на просёлке попутку, взмолился:

– Тёточки, миленькие, подвезите! Мне ж ещё километров пять... Тёточки-и-и-и!

Я повернулась к мужу. Володя согласно кивнул:

– Садитесь! – и бросил теще строго: – Дверь откройте. Сумки отодвиньте. Дайте место человеку!

Мужчина забрался в машину, помахал товарищу. Тот повернул назад, в сторону Селища.

Винный дух заполнил салон. Зоя Егоровна опустила стекло полностью. Попутчик не скрывал нечаянной радости:

– С праздничком вас! Три дня Троицы. Отметили с Николаем... Спасибо вам, люди добрые! Спасибо, тёточки!

– Небось, дома жена ждёт, переживает, а вы тут с друзьями. – Зоя Егоровна отодвинулась от попутчика.

Мужчина сник.

– Жена у меня шесть лет уже как померла... Помянули с товарищем, стало быть... Дочка в городе. – Он снова оживился: – Эх, тёточки, не дошёл бы я по жару! Лег бы под кустом... Никто меня не ждёт.

Я оглянулась назад. Крупный нос, нависшие брови... А глаза-то – добрые!

– Сколько же вам лет?

Он наморщил лоб, пригладил ладонью волосы и вдруг простодушно рассмеялся:

– А чего тут скрывать? Что я – красна девица? Не на смотринах же! Скоро семьдесят. Старый... старый Василий Кузьмич.

Володя мельком глянул на себя в зеркало: бородка уже не та, что лет десять назад, – посивела. Озорно подмигнул.

– Давно в деревне живёте? – Голос Зои Егоровны смягчился.

– всю жизнь. Дом у меня крепкий. Огород. Сад. Пчёлы, – хвалился попутчик. – У дороги прямо, я покажу.

Кузьмич располагал к себе. Хозяин. всю жизнь на земле. Не сбежал в город. Даже когда один остался, не подался к дочке.

И Володя поделился:

– Мы на кладбище. В Подранду. Крест металлический хочу на могилке поставить. Деревянный сгнил. Помянуть родню её, – он кивнул в мою сторону, – по-христиански надо...

– Подранда? Знаю, знаю! – оживился Кузьмич. – Туда дорога одна: мимо моего дома, значит. Через Кисели. И кладбище знаю. На горушке оно... А Подранду немцы в сорок втором сожгли, спалили вместе с жителями.

Казалось, до усадьбы Кузьмича ехали мы долго-долго. Жалобила мысль: как бы он добирался домой под таким солнцем? Следы страшной войны заросли травой и деревьями. Раны войны сегодняшней, смердящей перегаром, повсюду, как кладбища. Мужики и бабы деревенские – корни народные, выгорают без огня... Не усохнуть бы народному дереву...

– Не надо пить! – неожиданно попросила я. – Долго так, как сегодня, не протянете.

Он согласно закивал:

– Не протяну. Точно. А брошу – годков десять-то смогу прожить...

И вдруг оживился:

– Вот дом мой! На перекрестке. Хата моя. Приезжайте за малиной! Ох, малины много... Кру-упная! Во, какая! – Он показал красный кулак. – А собирать некому, стало быть.

Выходя из машины, задержался, потянулся к Володе:

– На рыбалку! Всё есть: лодка, снасти, рыба в реке. Всякая! Всё есть у Василя-рыбака!

Машина быстро проскочила обезлюдившие Кисели, куда бегали в стародавние времена барышни и парни из Подранды на танцы. Моя бабушка Дуся, девчонкой, босоножь, чтобы сберечь ботиночки (лишь перед деревней обувалась), ходила с подружками в церковь: освящать пасхальные яйца.

За селом, над дорогой, едва не смыкались заросли борщевика, но вскоре показался светлый участок. Где-то здесь жила, дышала, пела голосистыми бабами и девчатами Подранда. Ни таблички с именем былой деревни, ни памятного валуна с надписью, ни креста... Мама высматривала вековой дуб. Он один, страж, – живой свидетель.

...Десятилетняя Зоя с Евдокией, тётей Аней, дядей Ваней впервые ехала на кладбище в Подранду. Добрались пригородным дизелем до станции Бычиха, оттуда пешком по дорожкам-тропкам, приговаривая: «Сейчас, за поворотом, будет пригорок – там и погост. А деревни нашей нет...».

На месте Подранды зеленела трава и высился корявый дуб. Посаженный когда-то поодаль домов, возле пруда-сажалки, где была дедова баня. Потому, видимо, уцелел, что поодаль и возле воды. Дуб всматривался в путников, казалось, замерев от неожиданной встречи. Как же давно не видел эти родные лица! Возмужал Иван, старший сын Федота Есипёнка. Потомок мужиков из рода Аверьяна-богатыря. Дуб помнит, как на глазах у всей деревни Аверьян на плече перенёс через ручей до своего дома лесину-бревно, которую еле-еле тащила из лесу соседская кобыла. На спор.

Встретился с соседом, увидел, как тот лошадь погоняет, сам рядом, чтобы скотине облегчение. А она-то ноги чуть волочит, хрипит от напряжения.

– Ты пошто животину мучаешь? – укорил соседа.

– Жалостливый! – Матвей вытер матерчатой кепкой лицо. – Можя сам заместо кобылы?

– Да уж не слабее. – Аверьян засучил рукава холщёвой косоворотки.

– Запрягайся тады! – раззадорился сосед.

– А давай! На спор! Если смогу лесину на плечах – до своей хаты, то она – моя. А не смогу, твоей худобе меньше тащиться...

– Не-е-е. Ты мне ещё одну лесину приволочёшь!

– Добре! – согласился Аверьян.

Матвей живо отвязал бревно. Он знал, что сосед его – мужик крепкий, жилистый. Коли тушу поросёнка после убоя надо подвязать повыше или даже бычка поднять... Вся деревня Аверьяна на подмогу зовёт. На спор он и подкову гнул. Но чтобы лесину? Не-е-е, лесина потяжелее бычка. Проиграет он, проиграет...

Сгорела та лесина вместе с Аверьяновым домом в сорок втором. Дуб всё помнит...

А кто ж это рядом с Ваней? Неужто сестрица его, Евдокия? Давно из родительского дома выпорхнула. Увёз красавицу в город Егор пришлый, нездешний, человек добрый, работающий. Федот дочку за него без сомнений, без страха отдал... Только сейчас рядом с Дусей мужчин не видеть. Сгнули? Войну не пережили... Треклятая!

– Я помню, помню! Здесь дом дедушкин стоял! – закричала Зоя, указывая в сторону дуба. Великан вздрогнул, вздохнул, зашелестел листвою. Узнала, узнала! А он не сразу признал девчущку. Вылитая Евдокия – эта маленькая Зоя. Не разглядел сразу. Стар стал...

Ветер откуда-то пригнал облака, они сбились в кучу, потемнели. Давно заметил вековой, что на Троицу после литургии, ближе к обеду, всегда дождик. И хоть церкви давно нет, в небе, как всегда... Дуб призывно зашумел. Люди остановились, помахали ему, дедушке. Он заметил трепыхавшийся белый платок, который пыталась повязать на голову Аннушка. Ветер раздувал её пушистые светлые волосы. Отросли они после тифа – закудрявились! Горе-горькое долго Анна мыкала, привязалась беда. Сначала – похоронка на мужа из Ленинграда, он там на пороховом заводе. Потом тиф-болезнь. Сама выкарабкалась, а сыночек-младенец и мать Меланья – вечная им память...

К ним, к бабкам да к деду Аверьяну на родные могилки, торопились, как всегда на Троицу, люди.

Горсточка земли

Машина стояла во дворе. Задний борт откинут, рядом – стул. Девчонки поставили его, чтобы попасть в кузов. Мальчишки подмогой пренебрегали. Ухватившись за протянутую мне руку, оказалась я в крытом брезентом кузове грузовика. «Мягкие» места на тяжёлых матах, позаимствованных из спортзала, были заняты. С трудом отыскала свободное местечко на узкой боковой скамейке. Путь предстоял дальний – почти триста километров к Минску, в Хатынь. «Обязательно отыщи там нашу Подранду!» – напутствовала перед дорогой бабушка.

Следила за посадкой семиклассников Инна Васильевна Бодяко, молодая учительница – строгая, правильная, пунктуально-точная, как и её предмет – математика. Когда я впервые увидела её в классе, обрадовалась: это же она в кинотеатре, на августовской конференции учителей, хвалила меня за чтение стихов! Вытянувшись в шеренгу, мы замерли на сцене. Все в пионерской форме. Синие юбочки-клёш, белые гольфы – у девочек, брюки со стрелочками – у мальчиков. Красные галстуки. Белые рубашки (на моей – ещё погоны и «золотые» пуговицы!). Косички, хвостики, увенчанные пышными капроновыми бантами. Как на плакатах: «Будь готов!» – «Всегда готов!» Звонкие голоса весело скандировали:

Мы учиться в школе рады,
 Нам уроки, как награда!
 В класс спешим скорей, скорей –
 Ждём своих учителей!
 Бодяко сразу узнала меня.

– О, ты девочка с конференции? В моём классе?!

«Своим» Инна Васильевна называла седьмой «а», два года была в нём классным руководителем. Я же перевелась из другой школы, чтобы изучать немецкий язык.

Как старалась я на том первом уроке математики, чтобы не огорчить учительницу! Однако счастливое знакомство не принесло лёгких отметок. Инна Васильевна «любимчиков» не выделяла. После проверки в тетрадке появилась четвёрка. С минусом. Ещё бы немного – и тройка... Ох, как мне было стыдно!

Машина свернула с минской трассы. Мы замолчали, выглядывая из-под брезента, ожидая, когда же появится открытый всего год назад мемориальный комплекс «Хатынь» – память сожжённой вместе с жителями деревне. Никто из нас здесь ещё не был.

Совсем некстати заморосило небо. А может, наоборот, – так и надо? Надо, чтобы наше беззаботное настроение смыл летний дождь, чтобы замолкли неуместные шутки и смех. Чтобы в тишине мы вдруг услышали мерный, тревожный звон множества колоколов. Над каждой печной трубой сгоревшего дома гудел набат, стонал неприкаянный ветер. Я зябко поёжилась – может, от дождевой сырости, может, от нахлынувшего знобкого напряжения.

В ожидании экскурсовода ребята столпились у памятника. Задрав головы, притихшие, смотрели на огромного человека с мёртвым ребёнком на руках. Он возвышался над Хатынью, будто её окаменевшее горе. Двадцать шесть сгоревших домов, сто сорок девять душ... И он. Один. Один, чудом оставшийся в живых, разгребал тлеющие головешки сгоревших младенцев, соседей, родственни-

ков, детишек, жены... Единственный уцелевший взрослый – Иосиф Каминский. Как он после этого жил – вставал по утрам, встречал восходы и закаты, зиму и лето?

Я думала о людском горе, о взрослых, детях... Раненный в руку семилетний Витенька Желобкович, прикрытый телом матери... Вырвавшийся из горящего сарая двенадцатилетний Антон Барановский, от разрывной пули рухнувший на землю, – фашисты приняли за мертвого. Что видел в снах этот мальчик, который был младше меня всего-то на два года? Юные девушки Мария Федорович и Юля Климович выползли из огня. Спрятанные жителями деревни Хворостени – выжили! Но немцы и сюда добрались... Сожгли дома и людей...

И чудо – дети, не обожженные пламенем! Володя и Соня Яскевич, Саша Желобкович... Не замеченные палачами... Чудо спасения... Я не знала Бога, не понимала. Лишь чувствовала свет и мрак, тепло и холод, родительскую ласку, любовь... А теперь ещё – ненависть! К жестокости и войне.

Инна Васильевна поблагодарила гида, посмотрела на часы:

– В нашем распоряжении один час. Сбор у машины. Прошу не опаздывать!

Надо успеть выполнить бабушкину просьбу: отыскать на «Кладбище деревень» её родную Подранду! Я побрела по серым плиточным дорожкам, словно по окаменевшему пеплу. Вчитывалась в списки жильцов сгоревших хат и леденела: женщины, старики, дети – Яскевичи, Иютки, Барановские, Новицкие...

Рядом со мной охали девчонки: «Смотри, смотри: Толику Яскевичу – всего семь недель!.. А вот ещё детки – один годик, три года, пять лет... И в этом доме!.. И здесь!..».

– Галя, – позвала одноклассницу, – пойдем со мной бабушкину деревню искать!

Воробьева, моя верная подруга, отзывчивая Галочка, окинула взглядом территорию поиска:

– Думаешь, успеем? Здесь же сто восемьдесят шесть деревень! Не возродились... «Мурашки» по коже!

– Смотри, области и районы отдельно. Надо сначала наш, Городокский, отыскать.

Галя решительно потянула меня:

– Тогда – полетели!

Из двухсот уничтоженных в районе деревень исчезли навсегда тридцать пять. Бабушкина Подранда немо смотрела на нас из стеклянной урны. Тридцать пять дворов – горсточка земли... Могилка.

Докторка

Инна Васильевна подозвала девочек:

– Скоро отъезжаем, не уходите далеко. Пойдите у Вечного огня.

На его фоне три берёзки, несмотря на молодую крепость, казались по-детски беззащитными. Вместо четвёртой прозрачно и невесомо возносилось к небу пламя, словно светлая, неуловимая взором человеческая душа. Огонь завораживал и пугал.

– Это во всей Белоруссии погиб каждый четвертый. А на Витебщине – каждый третий. На Городокщине – каждый второй.

Учительница смокла.

– А вы, Инна Васильевна, войну помните?

Помнить войну она не могла: родилась в сорок пятом. Но почему-то ей казалось, что когда мама со старшей дочкой, пятилетней Неллей и трёхлетним сыном Толиком пряталась от карателей под густой разлапистой ёлкой в Щелбовском лесу, то и она, Инна, была вместе с ними в партизанском крае. Замирая от страха, шептала вслед за братиком, не научившимся ещё произносить все звуки: «Мама, тисе, тисе, не плачь г'омко – немти нас застлелють!»

Дождь стих, солнце вмиг подсушило и листву, и травы, и дорожки. Ромашки покачивали белыми головками. Небо, светлое, бездонно-голубое, дышало свежестью. Места какие! Берёзы, берёзы, берёзы... ширь да раздолье! Там, в Хвошне, Рудне, Езерище, где прошло её детство, такая же золото-полевая, духмяно-лесная благодать... Там доньне мужики землю пахут, бабы деток рожают. А здесь? Мерный колокольный звон вместо скрипа калиток и младенческого призывного крика: «У-ааа!». Щемяще-погребальный, надрывный, предупреждающий...

Её подопечные ребятишки рассыпались, разбрелись по каменно-пепельной Хатыни. Что они запомнят? Поймут ли? Как пронесут по жизни этот день?

...Звонок в Руднянской школе звучал непривычно долго: звал на встречу с подпольщицей, партизанкой Надеждой Архиповной Мирончик. Инна поправила пионерский галстук, одёрнула фартук, выпрямила спину, руки – на парте, как учили с первого класса. Дочь нынешней гостьи должна выглядеть достойно. Искоса девочка поглядывала на одноклассников – седьмой класс был в сборе, ребята шушукались, ждали.

Её мама возле учительского стола, сцепив пальцы в замок, молчала, всматривалась в лица ребят, словно не знала, с чего начать... Она была молода, всего сорок два года – и белёсые пряди... седина! Сколькo раз слышала Инна о войне... Но от близких – скупo, вскользь, без подробностей: не любили, больно было. Всякий раз – больно.

– Рoждается маленький человек, – нарушила молчание Надежда Архиповна, – говорят, будто он – чистый лист. Что напишешь, то и получится. А так ли это? Каждый родитель мечтает о ласковом, умном ребёнке. В школе – светлому, доброму наставляют. Но приходит час, и делятся люди на героев и предателей. Одни жертвуют собой, другие, ради собственной шкуры, проливают людскую кровь...

Был же Адольф Гитлер маленьким мальчиком? Рос, учился, воевал. Стал верховным главнокомандующим вооружённых сил Германии. Издал приказ «Ауфбау Ост»: в новой войне уничтожить, превратить в рабов миллионы славян. «Мы обязаны истреблять население – это входит в нашу миссию охраны германского народа. Нам придётся развить технику истребления... Если я посылаю цвет германской нации в пекло войны, без малейшей жалости проливая драгоценную немецкую кровь, то, без сомнения, я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как черви...».

Семиклассники ахнули, возмущение, ропот прокатились по классу. У Надежды Архиповны дрогнули губы:

– Я иногда сомневаюсь: так был ли ребёнком этот Адольф? Хотел семьдесят пять процентов белорусов уничтожить! Двадцать пять – онемечить, оставив на каждого немца-господина по два раба-славянина. Сжёл пять тысяч двести девяносто пять белорусских деревень, растерзал на нашей земле два миллиона двести тридцать тысяч детей, женщин, стариков... Нет, это не человек... Дьявол!

Школьники зашумели. Надежда Архиповна подняла руку – все мгновенно смолкли. Говорила она уверенно, горячо:

– Мне было двадцать четыре года, доченьке Нелле – три, сыну Толику всего один годик, когда началась война. Муж мой, Василий Иванович Мирончик, двадцати семи лет, партизанил. Я – в деревне. Куда ж с малыми детками? Была мамой. И партизанской связной. Помогала раненым, пекла хлеб... Пока кто-то не донёс фашистам...

Сознание к Наде возвращалось медленно, хоть полицай щедро обливал её колодезной ледяной водой.

– Ты мне всё скажешь, сучка партизанская! Имена... Явки... Где твой муж?! – орал фашистский холуй, вытирая тряпкой забрызганные кровью руки и по-собачьи преданно ожидая указаний немецкого офицера-хозяина.

Надя приходила в себя, понимая, что возвращается в маленькую каморку полевой жандармерии, где на её истерзанное тело снова посыплются жёсткие удары металлических шомполов. Боль – сверлящая, непрерывная, невыносимая. Сердце металось-колотилось в груди, в голове пронзительно-звонкий гул. Зачем вернулась сюда? Помнила, как стремительно она, невесомая, вскользнула из растерзанного тела и ринулась ввысь. Прозрачным шариком, совсем не ощущая боли, тыкалась в стены каморки, в потолок, пытаюсь найти выход, но его не было... «Господи! – кричала, звала. – Господи, помоги! Помоги-и-и-и!»

Не открывая глаз, застонала. Полицай, отставив пустое ведро, потянулся к шомполам. В это время болезненно тощий немец-жандарм неожиданно закашлялся и, похлопывая себя ладонью по груди, вылетел из тёмной, душной подвальной каморки. И вдруг Надя услышала тихий голос переводчицы:

– Андрей, ты ослеп что ли? На ней места живого нет! Да если бы она что-то знала, уже давно всё рассказала. Разве можно вытерпеть такую боль? Не знает ничего! Наболтал Петька: приглянулась ему молодлица, да отказала, – вот и мстит!

Истязатель оторопело уставился на бывшую учительницу немецкого языка:

– Откуда ведаешь?

– Бабы языками трепали.

Полицай почесал заросший щетиной подбородок.

– Гы-ы! Оболтус энтот домогался, а она не подпустила?!

Переводчица заговорила смелее:

– Слышь, Надька ведь – докторка по скотине. А у меня корова захворала, с выменем что-то. Боюсь, чтоб не околела. Скажи ты начальнику своему, пусть отпустит арестованную, мол, не знает она ничего про партизан, непричастная. Может, Рыжуху мою вылечит докторка?

Полицай молчал, сопел, водил мутным взглядом по забрызганному кровью потолку.

– Андрей, я ж тебя отблагодарю – самогонки дам, у меня цельная бутылка есть, для гостей берегла, – торопливо шептала переводчица. – И закусить найдётся.

...Надежда Архиповна вздохнула, посмотрела в окно. У забора напротив школы, с южной стороны, уже пробилась нетерпеливая зелень, мать-и-мачеха зазолотилась у калитки. Ещё неделя-две – и брызнут из набухших почек берез, лип, тополей, словно молоко из переполненного коровьего вымени, молодые пахучие листья. Крохотная синичка в густом вишеннике, перелетая с ветки на ветку, неожиданно звонко запела-затинькала. И женщина улыбнулась.

– Переводчица служила у немцев по заданию партизан. А корова у неё действительно болела...

Поэзия

Анатолий Аврутин

Анатолий Юрьевич Аврутин родился и живет в Минске. Окончил БГУ. Автор более двадцати поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, двухтомника избранного «Времена», книги избранных произведений «Просветление». Лауреат многих международных литературных премий, в т.ч. им. Э. Хемингуэя (Канада), «Литературный европеец» (Германия), им. К. Бальмонта (Австралия), им. С. Есенина, им. Б. Корнилова, им. А. Чехова, им. В. Пикуля (все – Россия) и др. Член-корреспондент Академии поэзии и Петровской Академии наук и искусств. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Почетный член Союза русскоязычных писателей Болгарии. Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака.

Сквозь глухую летопись времен...

Шепоткам назло, глазам колючим,
Недругам, что ждут невдалеке,
Я пишу на русском, на могучем,
На роднящем души языке.

Я пишу... И слышится далече,
Сквозь глухую летопись времен,
Исполинский рокот русской сечи,
Звонниц серебрястый перезвон.

И живот в бою отдав за друга,
Друг уходит в лучшие миры...
И по-русски просит пить пичуга,
И стучат по-русски топоры.

И рожден родного слова ради,
Будет чист прозренья чудный миг,
Как слезинка кроткого дитяти,
Что стекла на белый воротник...

Полночь... Пусто... Одиноко...
Бренности печать.
В полутьме читаю Блока...
А кого читать?
В сотый раз прочту, ликуя,
Вновь под горлом ком.
Вновь о Родине пишу я...
А писать о ком?
Об Отчизне-недохроге...
В зрелости крещён,
Снова думаю о Боге...
А о ком ещё?

Звук обронил и не поднял
Дальний, невидный певец.
Кто это вышел в исподнем?..
Мне показалось – отец...

Пальцем в забытое тычет,
Палец и худ, и остёр.
Полночь... Кого он там кличет?..
Мне показалось – сестёр...

Скрылся... И с мертвыми косит.
Больше не явит мне плоть.
Кто это хлебушка просит?..
Мне показалось – Господь...

«А я любил советскую страну...»
Геннадий Красников

Скорей не потому, а вопреки,
Что над страной моей погасло солнце,
Я вас люблю, родные старики,
Матросова люблю и краснодонцев.
О, сколько было строек и атак
В моей стране, исчезнувшей!.. Однако
Её люблю, не глядя на ГУЛАГ
И несмотря на травлю Пастернака.
Теперь она отчётливей видна,
Там дух иной и истинность – иная,
Где радио хрипело допоздна,
Что «...широка страна моя родная».
Мне до сих пор ночами напролёт,
Из памяти виденья доставая,
Русланова про «Валенки» поёт

И три танкиста гонят самураев...
Там Сталинград еще не Волгоград,
Там «Тихий Дон», там песенное слово.
И в ноябре, как водится, парад –
Под первый снег... В каникулы... Седьмого...
Мне в детские видения слова
Впечатались, чтоб нынче повториться:
«Столица нашей Родины – Москва...»
Я там же... Не Москва моя столица...
Смахну слезу... На несколько минут
Прижмусь щекой к отцовскому портрету.
Седьмое ноября... У нас – салют...
Во славу той страны, которой нету.

* * *

Вячеславу Лютому

Ничто не бывает печальней,
Чем Родина в сизом дыму,
Чем свет над излучиной дальней,
Колышущий зябкую тьму.

Ничто не бывает созвучней
Неспешному ходу времён,
Чем крик журавлиный, разлучный,
Буравящий даль испокон.

И сам ты на сирой аллее,
Такою ненастной порой,
Вдруг станешь светлей и добрее
Средь этой тоски золотой.

Поймешь – все концы и начала
Смешались средь поздних разлук.
И что-то в тебе зазвучало,
Когда уже кончился звук...

ЗАЧЕМ?

Я всё терзался этой мукой –
Зачем под позднюю луной
Столетний тополь однорукий
Навис над черной глубиной?

Чего он ждёт под небом мрачным,
Зачем здесь поздняя луна?
Ведь глубина – всегда прозрачна,
Всегда бездонна – глубина.

А нынче сам пройдя по краю,
Вам не ответу в миг един –
Зачем я глаз не отрываю
От этих сумрачных глубин?

* * *

Догорала заря... Сивер выл над змеистым обрывом,
Умерла земляника во чреве забытых полян...
А он шел, напевая... Он был озорным и счастливым...
– Как же звать тебя, милай?... И вторило эхо: «Иван...»

Он шагал через луг... Чертыхаясь – несжатой полоской,
Ну а дальше, разувшись, по руслу засохшей реки.
– И куда ты, Иване? – Туда, где красою неброской
Очарован, стекает косматый туман со стрехи...

– Так чего тут искать? Это ж в каждой деревне такое,
Это ж выбери тропку и просто бреди наугад.
И увидишь туман, что с утра зародясь в травостое,
Чуть позднее стекает со стрех цепенеющих хат...

Эх, какая земля! Как здесь всё вековечно и странно!
Здесь густая живица в момент заживляет ладонь.
Здесь токует глухарь... И родится Иван от Ивана –
Подрастёт и вражине промолвит: «Отчизну не тронь!»

Нараспашку душа... Да и двери не заперты на ночь.
Золотистая капля опять замерла на весу...
– Ты откуда, Иван? – Так автобус сломался, Иваныч,
Обещал ведь Ванюшке гостинца... В авоське несущ...

* * *

Серебряный ветер врывается в дом из-под шторы,
Чумная газета от ветра пускается в пляс.
И чудится Гоголь... И долгие страшные споры,
Что вёл с непослушным Андрием чубатый Тарас.

И что-то несётся сквозь ночь... На тебя... Издалёка...
И тайно вершится не божий, не праведный суд.
И чудятся скифы... И чёрная музыка Блока...
Кончатся звуки... А скифы идут и идут.

Полночи без сна... И едва ли усну до зари я...
Приходят виденья, чтоб снова уйти в никуда.
И слышно, как бьется пробитое сердце Андрия,
И слышно, как скачет по отчим просторам Орда.

На мокнувших стеклах полуночных фар перебранка,
И тени мелькают – от форточки наискосок.
А где-то, как некогда, тихо играет тальянка,
И в душу врывается старый, забытый вальсок...

Полоска рассвета, как след от верёвки на вые...
Задёрнется штора... Отныне со мной навсегда
Года роковые, года вы мои ножевые,
Почти не живые, мои ножевые года.

Всё смолкнет внезапно...
Поверишь, что лопнули струны.
Спохватишься – где он, главу не склонивший редут?
Иное столетье... И это не скифы, а гунны,
Зловещие гунны в тяжёлых доспехах идут...

* * *

Октябрь... Во мгле ошетинились ели,
 Потупила женщина раненый взгляд.
 Намокли кусты... Журавли улетели.
 А я всё хочу воротиться назад.
 Туда, где туман над тропинкою ранней,
 На луг васильками стекли небеса,
 Где первые искорки робких желаний,
 Зрачок о зрачок! – высекают глаза.
 Где плющ закурчавился возле беседки,
 Где гроздь рябины кровавят закат,
 Где чахлое солнце повисло на ветке,
 А я всё хочу воротиться назад.
 Туда, где поспела уже ежевика,
 Где осы роятся ... Ужалят... Не трожь!
 И где позади журавлиного крика
 Несжатой полоскою стелется рожь.
 Где сад сторожит дед с берданкою злющей,
 Где все заголовки нахально кричат
 О светлом пути, о счастливом грядущем...
 А я всё хочу воротиться назад.

* * *

Капнет слезинка, плавно двоя
 Дали косые.
 Это Россия, *други моя*,
 Это Россия!
 Тусклый пейзажик, хоть и уныл,
 Неба раздольней.
 Как не поверить шелесту крыл
 Над колокольней?
 Как не поверить шумной гульбе
 В домике нищем,
 Как не поверить черной трубе
 Над пепелищем?
 Тощий багульник... Вялый вираж
 Птицы над пожней.
 Поздно... Возница выпивший наш
 Едет порожний.
 Едет, обиду в сердце тая,
 Согнута выя.
 Это Россия, *други моя*,
 Это Россия...

ВДАЛИ ОТ РОССИИ...

Вдали от России
 не просто быть русским поэтом,
 Непросто Россию
 вдали от России беречь.
 Быть крови нерусской...
 И русским являться при этом,
 Катая под горлом великую русскую речь.

Вдали от России
 и птицы летят по-другому –
 Ещё одиноче безрадостно тающий клин...
 Вдали от России
 труднее дороженька к дому
 Среди потемневших,
 среди поседевших долин.

Вдали от России...
 Да что там – вдали от России,
 Когда ты душою порой вдалеке от себя...
 Дожди моросили...
 Дожди, вы у нас не спросили,
 Как жить вдалеке от России, Россию любя?..

Вдали от России
 круты и пологие спуски,
 Глухи алтари,
 сколь ни падай в смятении ниц.
 Но крикни: «Россия»...
 И эхо ответит по-русски,
 Ведь русское эхо нерусских не знает границ...

* * *

Спасти небесную Россию
 От одноимцы земной,
 Где тоже льют дожди косые
 И воздух в сумраке грибной.
 И так же можно выйти в сени,
 Достать из бочки огурец...
 Там так же помнят, что Есенин –
 Не для парада – для сердец...
 И всё же вся она другая –
 Без той высокой чистоты,
 Что в душах светлое являет,
 Творя иконы и холсты.
 Она ещё патриархальной,
 Чем та, что горьковской сродни –
 Грязнее дном, судьбой печальней,
 Страшней призывом: «Очерни!..»
 Она давно привыкла к смуте,
 К тому, что порют за пустяк –
 При лже-Димитрии, Малюте,
 При Годунове... Но ведь как?..
 Из русских русскость вышибая,
 Наотмашь, истово, взахлёб,
 По-русски песни распевает,
 Совсем по-русски крестит лоб.
 И про «авось» воскликнет спяну,
 И выпьет «горькую» до дна...
 Но та, что в небе – осиянна,
 А эта – злобна и мрачна...

* * *

Потемнели-мне ли-мне ли в небе тучи,
В омут канула последняя звезда,
Это мне ли пред судьбиной неминуемой
Всё считать-читать ущербные года?
Что-то грохнет-охнет-охнет в поднебесье,
За пригорком тропка в мокрое свернёт,
И шальной седок умчится в редколесье,
Редко-редко, но улыбкою сверкнёт.
В буреломе трава-травинка не гнётся,
Бурелом для трын-травинки – трын-трава.
Сизый селезень картова захлебнётся,
И от мрака просветлеет голова.
А потом, когда устало-тало-тало
Небосвод повеселеет ввечеру,
Осенит – таких мгновений очень мало,
Когда Русь не призывают к топору.
Просто дождичек прошел в Руси великой,
И не нужно никому на смертный бой.
И Отчизна Несмеяной светлоликой
Просияла в красном красною красой.
Просто огненно теперь на белом свете,
Вновь пичугами затенькали сады.
Лады-лады-лады-ладушкины дети
Запоют на все весёлые лады.

* * *

Всё багровой зарево...
Ах ты, волчья сыть! –
Разве государево
Дело – слёзы лить?
Государь вершит закон –
Чтоб не ели зря!
Может прослезиться он
Лишь у алтаря.
Та слеза огромнит тьму,
Ранит на весу.
Не дай Бог узреть кому
Царскую слезу!..
Выйдет, усмехнётся: «Хам,
Сможешь? – Володарь...»
Не дай Бог увидеть вам,
Как смеётся царь!..
Тех, кто бит усмешкою
И слезою жжён,
Схватят – и не мешкая –
С тридцати сажён,
С башни... В омут, вырытый
Позади дворца,
Чтобы знали, ироды,
Кто им за отца...
Чтобы и впоследствии,

Через пять колен,
Знали, раболепствуя, —
Царь благословен.
И молили зимами
Господа впотьямах:
«Оживи родимого,
Пусть воротит страх!
Мы во страхе – гордые,
Нас во страхе – тьма.
Нам по нраву, Господи,
Рваная сума...
Ведь не стало рвения
В непонятный век,
Всё без повеления –
И закат, и снег...
Нам бы зреть сквозь зарево,
Только и всего,
Ту усмешку цареву
Да слезу его...»

* * *

Среди зловещей тишины, —
Ни Марс, ни Геба, —
Жена и небо мне нужны,
Жена и небо.

Года спешат по виражу
Под вспышкой дальней...
Жене и небу расскажу
Свой сказ печальный.

Забыв Бодлера и Басё,
Шепну натужно:
«Жена и небо – это всё,
Что в жизни нужно...»

Ну, а в небесную страну
Сведет потреба —
Хочу лишь, Господи, жену
Увидеть с неба.

Чтоб убедиться, как – боса, –
Бредёт по краю.
И с болью смотрит в небеса...
Зачем?.. Не знаю...

* * *

Кто там плачет и кто там хохочет,
Кто там просто ушёл в облака?
То ли кречет кричит, то ли кочет...
То ли пропасть вдали, то ль река...
И гадаю я, тяжко гадаю,
Не поможет здесь даже Господь,—

Где прошли мои предки по краю,
 Чем томили суровую плоть?
 Зажимаю в ладонях монетку
 И бросаю в бездонье пруда —
 Робкий знак позабытому предку,
 Чтобы молвил – откуда?.. Куда?..
 И вибрирует гул непонятный
 Под ладонью, прижатой к земле,
 И какие-то сизые пятна
 Растворяются в сумрачной мгле.
 И вдруг чувствую, дрожью объятый,
 Посреди перекрестья дорог,
 Как ордою идут азиаты
 На восток... На восток... На восток...
 Но не зрится в прозрениях редких,
 Что подобны на детский наив, —
 То ль с ордою идут мои предки,
 То ль с дружиной, орды супротив?
 И пока в непроявленной дали
 Растворяются тени теней,
 Чую – токи идти перестали
 А вокруг всё – мрачней и темней.
 И шатаюсь я вдоль раздорожий,
 Там, где чавкает сохлая гать,
 И всё Бога пытаю: «Я – божий?..»
 А Господь отвечает: «Как знать..»

* * *

Такое время... Сентябрь...
 Всё птичьи свадьбы.
 Как свадьба в воздухе парит! –
 Не помешать бы!

Закрыли солнце... Полумгла...
 Всё выше, круче.
 Лишь брызжут с мокрого крыла
 Искринки тучи.

Парят крикливою семьей
 Почти по кругу.
 Как бережёт он, Боже мой,
 Свою подругу!

Глаза поднимешь – слепнет взгляд,
 Ликует стая.
 Им вслед берёзы шелестят,
 Листву роняя.

Припомнишь – искорка прожгла
 Листок наемни.
 Как в миг последнего тепла,
 Как в день последний...

* * *

Где была излучина
 Высохшей реки,
 На простор измученно
 Смотрят топольки.
 Три листочка... Веточка...
 И ещё листок.
 Деточка... Не деточка...
 Куцый тополек.
 Больно тонок – мается,
 И обид не счесть.
 Птицы опасаются
 На него присесть...
 А над хлипкой кроною,
 В тучах – не резка,
 Всё парит зелёная
 Смертная тоска.
 В общем всё, как давеча –
 Только скрип и стон,
 Только клёкот галочий
 С четырех сторон...

* * *

Берёза музыкой пропахла,
 Пропахли музыкой шаги.
 И лишь осины прутик чахлый
 В тумане встал не с той ноги.
 Он потемнел, он смотрит мрачно,
 Вдоль ветра веточки клоня,
 На то, как в прорези чердачной
 С прищепки рвётся простыня.
 Всё рвётся, бедная, наружу...
 Ему ж не терпится – когда
 Её застиранную душу
 Порыв снесёт на провода?..
 Чтобы оттуда в грязь и жижу
 Она сползла, потрепетав,
 Чтоб с долгим криком: «Не-на-ви-жу!»
 Угомонилась среди трав.
 Чтоб ветер выл... Листы летели.
 Раскрыло клювы вороньё.
 И все с презрением глядели
 На распростертую, её...

* * *

Лицом к врагу, спиной ли к другу –
 И оглянуться не с руки.
 Мы всё по кругу, всё по кругу,
 Хотя казалось – напрямки...
 И осознается едва ли,
 Среди забот, среди разлук,
 Что круг тревоги и печали –
 Внезапно кончившийся круг...

Поэзия

Людмила Ашеко

Людмила Ашеко родилась 1 марта 1945 года в Свердловской области, в эвакуации. Автор четырёх поэтических книг, двух книг прозы. Печаталась в журналах «Днипро» (Чернигов), «Немига» (Минск), «Южная Звезда» (Ставрополь), «Наш современник», «Российский колокол» (Москва). Член Союза писателей России, лауреат литературной премии им. Н.И. Рыленкова, им. Ф.И. Тютчева «Русский путь», лауреат Всероссийского литературного конкурса современной прозы им. В.И. Белова, победитель Всероссийского литературно-публицистического конкурса «Спасибо тебе, солдат!», победитель конкурса «Славянская лира» (номинация драматургия). Живёт в Брянске

КТО ТЫ?

Он шёл навстречу, юностью блистая,
Клубились кудри светлые, как дым.
Глаза, немую силу изливая,
Лучились дивным светом неземным.
Полётный шаг едва земли касался,
Ломалась тьмы тяжёлая стена:
Щит солнца на одной руке вращался,
А на другой – созревшая луна.
Бесстрастной красотой лицо сияло,
А хмурилось – сгущалась плотно мгла...
И я, окаменевшая, стояла –
Ни двинуться, ни вскрикнуть не могла.
Он шёл и шёл, но мало приближался.
Напряжена, я утомилась ждать.
Но вот он близко. Вот и поравнялся.
О, Боже! Да его и не узнать!
Лицо померкло, залегли морщины,
Ссутилась спина, в глазах печаль.
Не золотые кудри, а седины
Метелью сизой бьются по плечам.
Вот и прошёл. Я обернулась. Что-то
В душе осело – не по силам бремя!..
Собрав всю волю, я спросила: «Кто ты?»
Старик затрясся в хохоте: «Я – ВРЕМЯ!»

РАДОСТНАЯ СМЕЛОСТЬ

В жизни многого хотелось!..
Вдруг, на грани роковой,
Вспыхнет радостная смелость,
Опьянит и бросит в бой!

И летишь неудержимо
(Для души предела нет,
Все соблазны счастья – мимо) –
Словно бабочка на свет!

В неоправданном разгоне
Наломашь сходу дров...
Сдохли ль бешеные кони?
Пролилась ли вражья кровь?

Не узнать. За все усилия —
Пенной радости подъём
Да развёрнутые крылья,
Опалённые огнём...

* * *

Ценю стремленье к простоте —
Не стоит вычурность стараний.
Нет напряженья в красоте,
Как нет спокойствия в страданье.
Не отрицая всех затей
Искусников любого рода,
Всё больше верю красоте,
Которой нас дарит природа.
В ней – разум, воля, доброта,
Незыблемость и быстротечность...
Всё человечье – суета,
А всё Божественное – вечность.

* * *

Как мы живём! Натужно и нервозно,
На спор с судьбою тратя пот и кровь.
И жалуемся, что приходят поздно
И мудрость, и признание, и любовь...
Всё хочется опередить кого-то,
Быть лучше – привлекательней, умней...
Какая непосильная забота!
Как нелегко не поддаваться ей!
А судьи кто? Такие же. О, Боже!
Как наша жизнь стремительно идёт.
Вдруг осознаешь в страхе, в нервной дрожи:
«Есть грозный суд: он ждёт».

ПИР НА ВЕСЬ МИР

* * *

Ложится гибко на тарелку
Кусочек нежной ветчины —
Все в блёстках перламутра мелких,
Волокна мякоти видны.
И, раздражая ароматом
И подновляя аппетит,
Венок трёхцветного салата —
Зелёно-красно-бел – развит.
Селёdochка сияет тускло,
Строга, как вражеский клинок.
Бела кудрявая капуста,
А сыр, как лоб эстета, взмок.
Бруски огурчиков солёных,
Холодной водки чистый яд...
А вот в желудках утомлённых —
Огонь – шашлычный аромат.
Потом варенье – объеденье,
Чай замерцал, как очи дев...
И торт – о, райское виденье! —
Возник, цветы свои воздев...
Был разговор пустой, бесплодный,
Лениво было и тепло...
А за окном, в зиме голодной,
Синичка билась к нам в стекло.

НЕНАСЫТНАЯ СТРАСТЬ

В меня влюбился пёс соседский —
Шальной подросток по уму.
Но повод обожанья веский:
Я косточки ношу ему.
И мы друг друга понимаем,
Как и положено друзьям —
Любовь к цыплёнку разделяем:
Я – к мякоти, а он – к костям.
Да, пировать, да, наслаждаться,
В своих пристрастьях совпадать...
А для чего на грудь кидаться
И языком лицо лизать?
Я эту страсть не поощряю:
— Отстань! Испачкаешь наряд!
Но день за днём любовь прельщает,
Не только дани, мне он рад.
И я гляжу в глаза собачьи,
В них обожание горит.
Он весь трепещет, чуть не плачет,
Скулит!.. Вот-вот заговорит!
Я захожу нечасто в гости,
Опаску тайную храня,
Вдруг взвизгнет пёс: «Ты лучше кости!»
И страстно слопаёт меня.

В шкуру новую не влезть...
Как нащупать твердь?
Справа выросла болезнь,
Слева встала смерть.
Сразу – будто бы одна.
Пусто, давит мгла.
А болезнь черным черна,
Смерть белым бела.
Болью высветит виски,
Зачернит глаза...
Нет лекарства от тоски,
Нет пути назад.
Рук моих презрев борьбу,
Тянут две сестры
Тело, душу и судьбу —
С кручи – на обрыв.
Вот уже неровный край,
Шорох, камнепад...
Снится, мнится ... светлый рай?
Опалённый ад?
Вот и вычислен мой век,
Взвешен на крылах:
На одном – белей, чем снег,
На другом – как прах.
Это чёрное крыло
Накреняет вниз.
Белое, хоть тяжело,
Бьётся, рвётся ввысь!
Шарик только оттолкнёшь —
И нельзя понять:
То ли в бездну упадёшь,
То ль начнёшь летать...
Жизнь, ты только началась
Или меркнет свет?
Всё утихло: боль и страсть,
И желаний нет.

ИСЦЕЛЕНИЕ

Лампа, стол. Кладут его —
Холод, твердота,
А на теле – ничего,
Окромя креста.
— Эй, – хирург глазами ест, —
Мать и перемать!
Почему не сняли крест?
— Не давал снимать.
— Маску!
Спрятали лицо,
Воля отнята.
Цепь – разъятое кольцо —
Вот и нет креста...

А когда его душа
Изошла взлететь,
Молвил врач, едва дыша:
— Надо б крест надеть.
Только с телом слиплась медь,
Как церковный хор,
Стал сигнал о жизни петь,
Подключив прибор.
И хирург, в приливе сил,
Сделал всё, что мог:
Завершил, сушил и шил —
Воскресил, как Бог.
А больной, разъяв уста,
Жадно воздух пил...
После снятия с креста,
К свету приходил.

РАЗГОВОР С ЛЮБИМОЙ

Где пал мой дед – на той войне
Всем довелось страдать.
Но редкий жребий выпал мне,
Меня вам не понять.
Здесь все танцуют и поют,
Здесь ценят деньги и уют...
Как странник на чужом пиру
Ценю, что завтра не умру.
Война прошла через меня —
В спине осколок ёжится.
От этой боли и огня
Душа во мне кукожится.
А в непогоду ноет кость —
Рука пустая мается...
И накапливает в сердце злость:
Шипит, кричит, ругается!
Я прав! Я шёл без страха в бой,
Солдатский долг верша!
Я виноват перед тобой:
Ведь я пришёл с войны другой...
И хуже, чем рукав пустой,
Пуста моя душа.
Всё, что я видел на войне,
Убило молодость во мне.
Ты посмотри, мне двадцать лет,
А я устал. Я зол, я сед.
И нет во мне огня.
Он отгорел там, на войне...
Приникни, милая, ко мне
И обогрей меня!
Легко любить красивого,
Легко любить сердечного.
А полюби-ка ты меня:
Строптивного, увечного...

НА РОДИНЕ

В этот уголок душа стремится
От привычных городских забот.
Подъезжаю. Сердце бьётся птицей
И поёт. От радости поёт!
Надо печь топить, чтоб выгнать холод,
Брошенного дома неуют...
Путь с ведром воды тяжёл и долог,
Грядки незасеянные ждут...
Что мне эта старенькая хата,
Как гнездо воронье среди раки?
Веткой ивы, солнышком закатным
Родина в окошко мне глядит.

СВЯТКИ

В Рождество морозы затрещали,
Засияло солнце по утрам!
Белизной искрились и сверкали
Снежные долины, старый храм.

А к нему расчищенной дорогой
Вереницей люди шли и шли...
Русь святая! К твоему порогу
Мы свои заботы принесли.

В полутемноте горели свечи,
Ладан веял мир и благодать.
В покаянной речи сердцу легче:
Пред иконой не посмеешь лгать.

И когда, сливая голос с хором,
«Отче наш» восплачешь, воспоёшь,
Понимаешь, что душе опору
В чистоте моленья обретёшь.

Снежная, морозная... До края
Полненная мукой и слезой,
Снова молит Бога Русь святая,
Чтобы быть ей светлой и святой.

* * *

Сияет зелень свежестью... Весна!
И в городе – лесной, волшебный запах.
Вот катится из облака луна —
Прозрачный мячик в мягких белых лапах.

С ней облако играло до поры,
Слегка измяло страстную игроу...
Но все мы – жертвы ласковой игры,
Измятые любовью и судьбою.

Так хорошо! Как всякою весной:
Предчувствуешь, надеешься, мечтаешь...
А вечер золотисто-голубой.
Невольно шаг, как в вальсе замедляешь...

И вот уже таинственно скользишь
На глади посвежевшего асфальта,
И веришь, и доверчиво глядишь
В какое-то загадочное завтра.

МАЛЕНЬКИЙ САД

Я тебя обожаю,
Мой маленький сад!
Не твои урожаи
Меня веселят,
А порою весенней —
Трав, цветов пестрота!
И порою осенней
Тишина, пустота...
Я рыхлю твою землю,
Подрезаю кусты.
Молча шелесту внемлю
До первой звезды...
На дурманной душице
Пью воздушный настой.
Ах, как праведно спится
После встречи с тобой!

ВДОХНОВЕНЬЕ

О, как прекрасно вдохновенье!
Вдохни в меня —
Твоё послушное творенье —
Поток огня!

Он, как пожар, очистит душу
От сорных чувств...
Негромкий вышний голос слушать
Я научусь.

Прольюсь, наполнившись словами,
Дождём росы.
Сожги меня, святое пламя,
И воскреси!

РОДНИКИ

Оазис сердца моего
Хранит в себе родник глубокий.
Пустыня спит вокруг него
В своей беспечности жестокой.
Ей дела нет до тех, кто в ней
Стремится удержаться, выжить...
За многолетья жгучих дней
В ней ген сочувственности выжжен.
Блескуч нетронутый песок,
А небо тусклое белесо,
Лишь луч его наискосок
Мечом каркающим прорезал.
Барханы горами лежат —
Могилы почвы неродящей.
Оазис, как тискамы, сжат,
И слаб родник животворящий...
Но верю, он не одинок!
И, влагу через сушь протиснув,
Сольются все! Помчит поток,
Чтоб освежить сердца и мысли.
Чтоб речь правдивая лилась,
Своя, не чуждая, родная!
Чтоб по всему святому краю
Пустыни пересилить власть.

Поэзия

Ольга Старушко

Ольга Старушко – автор сборников стихов: в 2014-м вышла «Корабельная сторона» (2014), «Чёрно-белое» (2015). Подборка стихотворений о родном городе Севастополе была опубликована в 2015 году на сайте альманаха «Артбухта» (Севастополь-Москва), отдельные стихи публиковались в онлайн-журнале «Окно в Донбасс»

ЗАДЫХАЯСЬ

Теперь могу сказать
по праву рождения:
вот звук,
который преследует
как наваждение –
подводная лодка
уходит за бонное ограждение,
носом клюёт за чертой
из бетонных глыб.
Бухта воронкой
делает громче
протяжный всхлип.
Так выдыхает флот,
который – нет! – не погиб,
так провожают на службу
братьев,
сынов,
отцов.
Сизый туман тяжёл,
как крышка люка.
Свинцов.
Пока что на внешнем рейде
ещё стоит «Кузнецов».
Стон перед погружением.
Дежурный спуск
на глубину,
в которой потом
задохнётся «Курск».
Никто не в курсе,
что Родина резко
изменит курс.
Никто не знает,
что Крым останется за бортом,
что будем со всхлипом
ловить ускользящий воздух
ртом,
пока темнеет в глазах.
Это будет потом.
Потом.
Если бы знать о том
затяжном погружении

сегодня – смогли бы вы сдать
вот так, без сражения?
Я слышала все отговорки
и все возражения.
И речь не о быте,
о сытости и деньгах.
Я тоже была
в растерянности
и в бегах.
Я тоже утратила
ориентиры
и берега.
Я четверть века,
как вы,
училась дышать под водой.
Август.
Солнце краснеет
за облачной дальней грядой,
горит
и колет глаза
пятилучевой
звездой.

19-21 августа 2016

ЮЖАК

Море под южаком
кажется наждаком.
Лижет шершавым своим языком,
морщится: вдруг чужая?
Не говори, южак:
вроде и не чужак,
и не своя, не в доску, а так –
изредка приезжаю.
Что же ты сгоряча?
Будет тебе серчать!
Видишь – бретелька ползёт с плеча,
выйдет на снимке криво.
Встречный поток упруг,
и, подхватив игру,
чайка ложится ветру на грудь,
просто шагнув с обрыва,
виснет у самых ног.

Резок твой свист, высок:
 что мне морзянка стучит в висок,
 ритмы каких элегий?
 Вот бы взлететь вдвоём,
 сверху увидеть дом,
 взглядом окинуть весь окоём
 от Кальфы и до Омеги...
 Не вышибай слезу,
 ладно? Брожу внизу.
 Пробую выманить здесь, на мысу,
 крабов из их пещерок.
 Гладь, не толкай, южак.
 – Бабушка, это рак?
 Тащит к воде на красных ногах
 раковину отшельник.
 Словно удар под дых:
 прядей полно седых.
 Что ж ты теперь замечаешь следы
 пылью по ржавой глине,
 солью по волоскам,
 пеной по облакам?
 Гонишь волну за мной по пятам
 наискось, валом длинным.
 Что мне с твоих даров?
 Просто не будь суров,
 тронь осьмьгранник Башни Ветров –
 и поминай как звали...
 Створку не рви из рук:
 сонно вздыхает внук.
 Время заходит на третий круг
 раковинной спирали.

СЕВАСТОПОЛЬ, ПЕСНИ В ТРОЛЛЕЙБУСЕ

Я помню: шёл троллейбус на парад.
 Девятого. Родимая “девятка”
 скрипела, словно сорок лет назад,
 как в детстве. Но к привычному порядку:
 названья улиц, спуски, светофор –
 добавились вдруг песни из кабины.
 В лесу прифронтовом душевный хор.
 Землянка. Клин летящий журавлиный.
 Потом мне рассказали, что везде –
 в автобусах, троллейбусах, маршрутках –
 заговорили песни в этот день.
 И затихали и слова, и шутки.
 И только музыка. И флаги корабля
 у каждого причала Южной бухты.
 Лишь “Экипаж машины поздравля...”
 вставлял водитель. И кивал кондуктор.
 Вы помните четырнадцатый свой?
 Вы чувствовали, как нам было надо

тогда вдоль улиц встать живой стеной
 и ждать часами этого парада?
 И не было желания важней.
 ...На остановке у матроса Кошки
 вошли в троллейбус четверо парней,
 о чём-то отсмеявшись на подножке.
 И тут накрыло. Пули по степи.
 Дороги, что дымятся. День Победы.
 Давай, неси, “девяточка”, скрипи.
 И пусть никто из них беды не ведал,
 но за спиной – великий русский город.
 И видимо, рвануло изнутри:
 и парни спели эти песни. Хором.
 И после попросили повторить.

ШАМПАНЫ

Кто там наступает? Привыкли. Уже не впервой.
 И сорок второй на подходе.
 И фрицы.
 Какие тут шутки...
 Здесь в толще скалы целый город живёт под землёй.
 Здесь делают мины.
 И хлеб.
 Оперируют.
 Сутки за сутками.
 Снарядами нас не возьмёшь, хоть из «Доры» пали.
 Когда-то отсюда – из штолен, из недр Инкермана –
 на башню Малахова камень добытый везли.
 А после турецкой – вино заложили в шампаны.
 ...Полгода войны: нескончаемых, тяжких боёв.
 Волну наступленья отбили, но катит вторая.
 Стираем в игристом вине и бинты, и бельё.
 И раненых поим.
 Детей.
 Нам воды не хватает.
 Когда-нибудь вы за столом, поднимая бокал,
 глотнёте привычно шипучий напиток и даже
 не вспомните тех, кто погиб под обломками скал
 от страшного взрыва –
 всех нас, похороненных заживо.
 До чёрного моря,
 до берега чёрной реки
 осыпалась груда надгробных камней многотонных,
 и несколько дней к ним бежали вина ручейки
 и крови погибших –
 и всё ещё слышались стоны.
 Вагоны снарядов из штолен и годы спустя
 считают на сотни, тревожа здесь память земную.
 Вторжений они не прощают.
 И рвутся.
 И мстят.
 И лишь виноградники к скалам рискуют – вплотную.

НА ТРИДЦАТЬ ПЯТОЙ БЕРЕГОВОЙ БАТАРЕЕ.
НЕЧАЯННОЕ

– ...Вы простите, что с личным я:
в списках здесь
тридцать тысяч – без отчества.
Вероятно,
есть его фамилия.
Имя есть.
Я отца своего тут искал.
Лопатина.
Если можно,
я вот что у вас хотел
уточнить:
способен ли кто в архивах
между сотен фамилий
на букву “Л”
обнаружить,
пока мы помним и живы,
пусть не отчество – адрес,
откуда был
призван он.
И сразу станет понятнее:
там в деревне у нас из любой избы
ты кого ни возьми – это мы, Лопатины...
Старика провожает экскурсовод.
Солнце в мае слепит глаза,
но не греет.
Двадцатиметровый бетонный свод.
Тридцать
пятая
батарея.
Этот батюшка,
в чёрном,
седой,
худой,
слушал молча,
лишь горбил сильнее плечи.
И спросил ещё:
правда, что под водой
здесь стояли погибших тела,
как свечи –
вертикально –
что не было места вдоль
берегов,
чтоб не в море,
а в землю лечь им?
– Я о них и у старца просил молитв:
за отцов,
за бесчисленные утраты
пусть Россию когда-нибудь
Бог простит...
Он ответил:
уже простил.
В сорок пятом.

ПО ЖИВОМУ

Чем, Севастополь, ты зацепишь в этот раз,
когда кусает ветер треснувшие губы?
Когда, царапая незащищённый глаз,
оскалят зубы парусов твои яхт-клубы?
Грозят занозами заборы здешних бухт,
где для меня уже не будет дня как прежде,
где, обречённые на общую судьбу,
стареют борт о борт “Романтик” и “Надежда”.
И проступает – утирай, не утирай –
в глазах непрошенная влага колкой соли.
Почтовых ящиков шербатый ржавый край
не скроет писем. А они не вскроют боли.
Так остро пахнет здесь, к чему ни прикоснись:
ореха палый лист, стволы в лишае струпьев...
И как сожжённая вдали от дома жизнь,
клубится пепел на кострах горящих скумпий.
И режет правду свет. И правда же – дотла...
И жгучей серой осыпают землю кедры.
И сквозь ноздрю известняка торчит игла,
вся в каплях крови – куст и ягоды эфедры.
Пусти, зизифус, ты разделся донага,
дай мне сойти к мазутным водам вниз по склону:
там горький дым углей чьего-то очага,
который стелется над балкой
А-
пол-
ло-
но-
вой.
Воздух плотен, в нём смятение и вой –
гудка профундо и сирены окрик птичий.
И точит ветер, скрежеща над головой,
кривые черные ножи твоих гледичий.

ТУК-ТУК

Расскажи-ка нам, древний историк, скорей
не про эллинов или этрусков:
почему в Византии на картах морей
море Чёрное значилось Русским?
Как ходили с дружиной князя торговать?
Тихо-мирно. Но ежели надо,
нам не в лом договор и щиты прибавить
к меднолобым воротам Царьграда.
Воевали — на Вы. Торговали — на ты.
Не хотите торговли и мира?
Так теперь, защищая, мы держим щиты
над Хмеймимом, Дамаском, Пальмирой.
Не хотите добром, так получите рать.
Вы готовы к таким оборотам?
И Перун вас избави однажды узнать,
как стучимся мы в чьи-то ворота.

МЫТАРСТВА

Помню литые, долгие дни
дочкиных тех каникул.
Папа сказал: уж ты извини,
нынче я без клубники.

...В Харькове душно. Плацкарт, стомлён,
ждёт обирал. Таможню.
“Сумки відкрийте!” И тычет он
в банку: “Ось це – не можна!”
Я же везу три литра всего!
Думал, гостинец внучке.
Что ещё крымского, своего?
Мытарь царапнул ручкой
строчку в блокноте. Замер вагон:
муху слышать в полёте.
Я к нему как к человеку. А он:
“Швидше або виходьте!”
И проводник, опустив глаза,
(сам – на базар черешню):
батя, мол, слушай, теперь нельзя...
“Сидячи в Криму – ешьте!”
Как сыпану на перрон: да на!
Хочешь – подынешь с полу.
Выронил банку в сердцах: со дна
аж отлетел осколок...

Грядки, покуда хватает сил.
Гордость сынов крестьянских.
Ни у кого ни о чём не просил
выросший под Бердянском,
ведавший голод, стрельбу-войну,
суржик и мову: мамо!
Только разбили его страну,
да на осколки прямо,
чтобы из Харькова танки шли
в край, где печёт подошвы
пласт опалённой степной земли,
где, отзываясь прошлым,
снова грохочет беда-война,
и паренёк загорелый
горстку клубники возьмёт со дна
банки под артобстрелом.
Грядки в пороховом дыму.
– Сколько, бабуль?
– Нисколько!
Внуку гостинец бы своему...
Сладкая.
Без осколков.

«ОТСТАИВАЙТЕ ЖЕ СЕВАСТОПОЛЬ!»

*Слова, сказанные
смертельно раненым Корниловым в 1854 году,
вернулись в город весной 2014-го,
160 лет спустя*

Сказано: всяк да несёт свой крест.
Не убоись креста.
Эхо тройное: скорбная весть,
тихо, из уст в уста.

Что адмиралам отставка? Смерть
срежет их на посту.
Каждый послужит – кто как сумел –
Андреевскому кресту.

Все они двадцать семь лет назад
сдюжили Наварин.
Лазарев вырастил: лейтенант...
мичман... гардемарин...

Где офицеры твои, капитан?
Рядом с тобой. Втроём.
Трое держали Малахов курган.
Трое легли на нём.

Гибнет Корнилов. Из ядер крест
молча кладет матрос.
Бруствер. Нахимов. Ружейный треск...
Истомин. Снова ядро...

Эхо наследия – не собор,
видевший две войны.
Эти надгробья – какой позор! –
были осквернены.

Но отражаясь от скал и вод,
якоря и креста,
эхо подхватит и донесёт
русской весне: ”Отстааа!..”

Берега Новороссии

Андрей Чернов

Жертвенное стояние Донбасса. Интервью с писателем Николаем Ивановым

Сопредседатель Правления Союза писателей России, лауреат литературных премий им. Н. Островского, М. Булгакова, «Сталинград», автор многих книг Николай Иванов не понаслышке знает слово «война». Довелось ему воевать в Афгане, побывать в плену у чеченских боевиков, посмотреть на войну в Южной Осетии. После начала военных действий писатель неоднократно приезжал в Донбасс. О войне, гражданском мужестве писателя, духовных и творческих связях Донбасса с Россией рассказывает Николай Иванов в эксклюзивном интервью порталу «Луганск 1».

– Война в Донбассе для Вас, Николай Фёдорович, не первая, которую вы видите воочию. Похожа ли она на остальные? Или имеет свои особенности?

– Война одинакова по человеческим страданиям. При этом высшая доблесть любого командира после выполнения боевой задачи и сохранения подчиненных – это облегчить участь мирного населения. В высшую доблесть графу Суворову в Итальянском походе зарубежные историки относят, кстати, именно то, что его армия не тронула ни одного мирного человека, а женщины подносили к нему своих детей, чтобы он их просто перекрестил...

Тактика действий современной Российской армии не допускает нанесения массированных ударов по объектам противника, если под них подпадает хоть один гражданский. Армия США, по утверждениям их командиров, допускает данный порог в 50 человек. И тут мы подошли к войне в Донбассе.

То, что творят украинские военные, выходит за рамки понятия чести, отваги и доблести. Это и стало лично для меня главной особенностью – полное презрение к военным и в первую очередь к офицерам, убивающим детей и стариков. У такой армии нет будущего, и даже самые сведомые историки будут стыдливо обходить эти её страницы. Позор и бесчестие одних и жертвенное стояние других – вот что такое война в Донбассе. Нигде более в войнах и современных горячих точках не произошло такого нравственного разделения, как здесь.

Потому войны, где тактика и стратегия уходят на второй план, обретают у защитников своей земли понятия «священных».

– Может ли писатель занимать нейтральную позицию, отстраняться от противостояния?

– Я всегда удивляюсь, когда говорят: время всё расставит на свои места. Но ведь историю пишут конкретные люди со своими политическими и человеческими пристрастиями. Даже немую фотографию одного и того же объекта можно снять с разных ракурсов.

Отстраниться художнику в своих произведениях от происходящих событий не удастся. Отстранённый писатель – это существо среднего рода, у которого к тому же не пульсирует кровь. У театральных режиссёров есть требование к их профессии – температура события на сцене должна быть на несколько градусов выше, чем у зрителя. Иначе спектакль не станут смотреть. К книге это относится в той же мере.

Я усмехнулся, когда появилась «Независимая газета». И улыбался всё шире, когда в ней стали менять главных редакторов в зависимости от политических пристрастий издателя.

Где в некоторой степени возможна (и даже желательна) отстранённость создателя – это энциклопедии. Казалось бы, требуются только голые факты. Но даже здесь история учит нас: если в СССР, вынесшем на своих плечах Великую Отечественную, о ней было создано всего 12 томов, то Англия пишет уже 40-томную историю Второй мировой, японский взгляд на неё – уже 110 томов. А потом удивляемся тому, что мир ищет – а кто же истинный победитель?

Мы не всегда дочитываем до конца Николая Некрасова с его знаменитым «Поэтом можешь ты не быть»...

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан!

А что такое гражданин?
...Он, как свои, на теле носит
Все раны Родины своей!

– **Часто можно встретить, особенно в СМИ, понятие «правда о войне». В чём, на ваш взгляд, эта правда? Есть ли она? И может ли один человек сказать всю правду?**

– У каждого своя правда. И о войне тем более. Правда солдата и генерала. Окопника и тыловика. Снайпера и штабного связиста...

Однажды в Афганистане нас, офицеров, собрал командир дивизии и зачитал солдатское письмо: «Дорогая мама. Извини, что долго не писал. Несколько суток не выходили из боя. «Духи» лезли на нашу высоту непрерывно, автоматы раскалялись докрасна, руки уже по локоть в крови»... Оказалось, письмо написал... повар, который никогда не был на боевых. Но ему хотелось выглядеть в глазах родных и знакомых героем. Поэтому даже к воспоминаниям участников боевых действий я отношусь спокойно. Меня учил В.О. Богомолов, автор знаменитой книги «В августе 44-го»: «О всяком событии ищи сведения из трех источников!»

А по мне ещё лучше – самому добраться до войны и посмотреть на неё собственными глазами. Из своего окопа. Это тоже будет правда о войне. Один штрих её. Но чем больше будет живых свидетельств о ней, тем больше материала для будущих исследователей. Есть люди, которые пишут историю. А есть – которые переписывают. Писатель-участник события может оказаться тем щитом, который оградит правду от желающих её перевернуть...

Не противоречу сам себе. Правды одного человека мало о войне. Но писать о ней надо. Я напишу взгляд из траншеи перед атакой, другой – из Генштаба, третий – с оборонного завода, где вытачиваются болванки для снарядов, которые помогут мне подняться в атаку. Некоторые издательства, выпуская определённые серии книг, работают в том числе и с корешками книг. Берёшь какой-то том – на корешке непонятные штрихи. А выставишь всю серию на полке – и корешки дают целостную картину: то ли морского боя, то ли ночного Эрмитажа. При этом авторы у серии разные...

– **Как вы оцениваете деятельность Союза писателей ЛНР? Вызывает ли интерес в России творчество писателей Донбасса? Если да, то почему?**

– По большому счёту, у Союза писателей России установились более тесные творческие и дружеские связи-отношения с писательской организацией ЛНР, чем с некоторыми региональными организациями внутри России.

Радует, что вы сами идёте на контакты и предлагаете участие в тех или иных своих проектах. В Союзе писателей России в подавляющем большинстве своём – единомышленники, и потому ваши боль и мужество пропускаем через свои сердца. А главное, мы чувствуем истинную ценность слова и чувств в творчестве писателей ЛНР.

Снаряды взрывают не только землю, дома, но и сердца творческих людей, а оно, раненое, пульсирует только правдой. Этого зачастую не хватает в современной литературе. Писатели Луганска и Донецка оказались достойны своего переломного времени и своего народа. Творчество А.Сигиды, Е.Настоящей, Л. Гонтаревой, А.Чернова, В.Скобцова, В.Русанова, Г.Боброва, Е.Заславской, А.Ревякиной, И.Горбань, И.Донецкого, А.Сурнина и других (здесь не разделяю писателей по территориальной принадлежности ЛНР и ДНР, само время поставило вас вместе, как патроны в обойме) на слуху у российского читателя. Не случайно вышло уже несколько совместных литературных сборников. Ранее снисходительно называемые «Братскими могилами», коллективные работы вдруг засверкали индивидуальными бриллиантками, в них ищешь знакомые и полюбившиеся имена. Мы рады видеть писателей воюющих республик у себя в Москве и на Комсомольском, 13 (здание Союза писателей России – ред.), чувствуем тепло, когда приезжаем к вам. Вы – настоящие, потому что не сбежали, не спрятались. Можно улыбнуться здесь интерпретации фамилии поэта Лены Настоящей, в социальных сетях выступающей иногда как «Сюрреал»...

– **Могут ли писатели способствовать излечению тяжёлых ран общества?**

– Да, слёзы над истинными произведениями очищают и врачуют души. И вправляют мозги.

– **Какова роль писателя в обществе?**

– Война в Донбассе в какой-то степени принесла многим литературную известность. Но так было всегда и будет в будущем. Вы оказались на острие событий и не дрогнули ни сердцем, ни пером.

Берега Новороссии

Елена Родченкова

Рождение Новороссии

Поэма

Прочитанную книгу пишет Бог.
Рождает Слово – миг, мгновенье, вечность...
От первого движенья – в бесконечность,
От буквы – буква, и от слога – слог,
От слова – слово, от строки – строка...
Так жизни заполняются страницы,
И главы расцветают, словно лица,
Собою оживившие века.
Исполненный предвечною любовью,
Здесь каждый знак таинственно велик.
Когда глава совсем исходит болью,
То раскрывается невидимый тайник,
И вдруг выходит сокровенный смысл,
Соединяя воедино строчки,
И скручивает их
Всерусский дух,
Чтоб не поставить точки,
Чтобы конец в начало перешел,
Без суеты, без знаков препинания,
Чтоб новой фразы новое звучанье
Вновь повторило прежних звуков хор.

* * *

Ничто из ничего, но всё – из Слова,
Натянутого звонкою струной,
Иль сжатого пружиною стальной.
Коснись – заплакать, закричать готово!
И Слово было Бог.
Когда строка
В подлунном мире ясно прозвучала,
Она уже была концом начала,
Началом бесконечного конца,
Передавая власть и силу звука.
От Бога было Слова.
Вот – глава
И в ней – несокрушимые слова
Написаны одно поверх другого.

Легко понять, но нелегко принять:
РОССИЯ и ПОЭЗИЯ – едины.
Две сросшиеся сути не разъять.
Они бессмертны и непобедимы.
Как в строчку угодивший перевод,
Как для души неграмотной – подстрочник,
Как зеркало, где всё наоборот,
Где не узнать:
Что – устье,
Что – источник.
РОССИЯ
И ПОЭЗИЯ –
Одно.

* * *

Высока изба
Тридцать три венца.
Ладно скроена,
Кость широкая,
Белолицая,
Синеокая,
Да с приветливой, крепкой ладонью крыльца.
И раскрыта ладонь для прохожего.
Для негожего и для гожего.
Заходи гостевать, люди Божии!

* * *

А вокруг избы – огромная, высокая стена.
За стеною величавые, холодные дома.
И с утра и до полудня,
И с полудня дотемна
Словоблудни, сплетни, будни
Вязко тянутся в домах.
Там хитры и зорки люди,
И просчитано в умах:
Что – в карманах?
Что – на блюде?

Что – в суммах?
 Что – в закромах?
 От полудня и до ночи,
 От полночи до утра
 Умными зубами точат
 Острие у топора.
 Вжих! – дурная голова
 Отлетает от двора.
 Хрясь! – врубается в права
 Мир по обух топора.
 Взмах! – и страны, как дрова
 Падают от топора...

* * *

Накагивают стихией
 Лихие года, лихие!
 Уже не впервой, Россия,
 Ты глянулась чёрным сватам.
 За косы твои золотые,
 За речи твои простые,
 За очи твои святые
 Господь тебя любит Сам.
 Затворнице – горькая доля,
 Невольницу манит воля...
 Кого там средь волчьего воя
 Из мёртвых домов несёт?!
 Ты вей, ветер, вой!
 Ветер воет.
 Разбей их, развей на просторе,
 Преполнилось сердце от боли.
 Ты лей, ливень, лей!
 Ливень льёт.
 Мети, ледяная стихия,
 Храни себя, свете-Россия!
 То мечутся кони лихие
 Иль дикий, неведомый зверь?
 Да вой, ветер, вой!
 Ветер воет,
 Ничто его не успокоит.
 Бей, вьюга, во все колокольни!
 Да лей, ливень, лей, ливень, лей!

* * *

Но юлит разлюли-метелюшка,
 Стелет люленьки и постелюшки,
 Да ковры на крыльце перекошенном,
 Да дорожки на травах некошенных.
 Закружила она и завьюжила,
 Заморозила нежное кружево,
 Затуманила, занавесила
 Замела ливни с ветрами весело.
 Двери настезь открылися,
 Печи век не топилися.

Ни гостей, ни друзей – тишина-
 В ледяной избе – Русь одна.

* * *

У неё глаза, как у гадины.
 Под глазами – глубокие впадины.
 И ключицы торчат, как кресты.
 Серой нитью зажат молчаливый рот.
 И огромный, тяжёлый, большой живот,
 А в замерзших руках – цветы.
 Думы серым свинцом налиты.
 Ни следа от былой красоты.
 Неужели, Русь, это – ты?

* * *

Пропила я, раздала и прокутила
 Всё, что в годы добрые копила.
 Нету за душою ни гроша.
 Да и где она, моя душа?
 Сбилась я со столбовой дороги.
 И свой крест, попутав явь со сном.
 Бросила топтать чужим под ноги,
 Опостылел мне теперь и дом...
 Вьюга в сердце, вьюга за окном...
 Праздники похмелия не стоят,
 Только что ж не пить, раз поют? Пью.
 Во хмелю щедра, своей рукою
 Всем вора́м богатства раздаю.
 Пусть берут. Не знают суть мою.
 Главное-то я внутри таю.

* * *

Помнишь, помнишь?
 За вольность – по душам дрожь,
 Телу недуг, а сердцу – страсть,
 Помнишь, лился дождь, колокольный дождь
 С колоколен – в безверия пасть.
 И срывались, и падали колокола
 Глухо оземь, как взрывы грез,
 И смешалась с землею под ними трава,
 До живых не дожившая рос.
 Помнишь, молнии жалили, била гроза,
 Когда с луковок куполов
 Словно слёзы, словно живые глаза
 Капли падали колоколов?

* * *

Мое распутье – это не проклятье.
 И оговор – ещё не приговор.
 Не воровала я, не продавала.
 Но предана была и словно вор
 Таила главное в себе,
 От всех скрывала.

Чужое осужденье – не позор.
Что скажет – Бог?
Молчанье – не проклятье.
Решение исполнит Высший Суд.
Что сохранила я, то не отнимут.
Безвременье свой остановит ход.
В утробе вызрел мой здоровый плод.
Настанет час, и он меня покинет.
Победой возликует небосвод!

* * *

У неё глаза – как у гадины.
Под глазами – глубокие впадины.
И ключицы торчат, как кресты.
Серой нитью натянут зажатый рот,
И огромный, тяжёлый, большой живот,
А в холодных руках – цветы.
Схватки близятся, смерть ей грезится,
И рычит она, как медведица
В новолуния буйную ночь.
Стоны долгие и рыдания,
В горькой боли, в глухих страданиях
Пресвятая родится дочь.
Так рождается месяц тоненький –
Ветер мечется в колоколенках,
Завывает в колоколах.
Тучи чёрные в небе носятся,
Ливни острые в землю просятся,
И густой разливается страх.
Гнутся долу дубы вековойные,
С корнем падают – недостойные,
И впиваются жалами молнии
В огненосные вены земли.
Все пути-перекрёстки крестятся
В буйну ночь рождения месяца.
Только там, высоко, вдали
Тонкий серпик, закутанный в облачко,
В мягком облачке, как в коробочке,
Переждёт, перемучает ночь.
Утро вызвенит золотой струной,
Запоёт благодатною тишиной...
Скоро, скоро родится дочь.

* * *

Боль. Боль.
Боже!
Роженице дай же силы!
Выжить помоги, не умереть!
Голоси, родимая Россия,
В черных окнах – черной тенью – смерть...
Острой костью по стеклу скребётся
И косою ржавою гремит.
Что же ей не терпится, неймётся..

Вон пошла, слепая!
Дом закрыт!

Вон пошла, поганая старуха!
Бездна, пропасть! Вон отсюда, вон!
Собирай в округе, побируха,
Грязных разгулявшихся ворон.
Прочь от окон, в поле, за ворота,
В лес сухой, в поганые болота,
И обратный путь навек забудь.
Жизнь ты не сумеешь обмануть.
Что с тобою, Русь?
В глазах лишь муть...

* * *

Боль, боль,
Дикая боль.
Боль – это жизнь.
Но она – смерть.
Боль, боль,
Тело дугой.
Надо терпеть, надо терпеть.
Пой, пой, горькая боль.
Свет уж не мил,
Рушится мир.
Лучше убей, всякий, любой,
Только – не боль
Страшная боль.
Вой, вой, вой, ветер, вой!
Лей, лей, лей, ливень, лей!
Ор-рёт дикая боль,
Р-ревет раненый зверь,
Визжит чёрная мгла,
Р-рычит ужас в ночи...
Русь, ты сожгла
Душу дотла.
Нет её почти.
Закричи!...

* * *

У неё глаза, как у гадины.
Под глазами – глубокие впадины
И ключицы торчат, как кресты.
Серой нитью зажат молчаливый рот
И огромный, тяжёлый, тугой живот,
А в холодных руках – цветы.
Смотрит в землю Русь и молчит.

* * *

То ли снег, то ль саван пред избою
Двери перемазаны смолою,
Что же ты, Россия, что с тобою?

Почему не отвечаешь ты?
Где вы, грозы, где вы, вьюги, – войте!
Рвите саван, чисто двери мойте.
Где вы, ветры, где вы, ливни, – лейте!
Заглушите страшный голос смерти!

* * *

Только смерть устало говорит.
«Не помогут они, дом – открыт.
Не гони меня, я справедлива.
И пришла ненужное забрать.

КАК РОДИТСЯ НОВАЯ РОССИЯ,
В ТОТ ЖЕ МИГ УСНЕТ НАВЕКИ МАТЬ.

Испокон веков моя работа –
Отмерять добро мерилом зла.
Ты не знаешь тайный смысл ухода,
Потому не лезь в мои дела.
Делаю работу и смиренья
Требую не только от людей.
Я – беда.
Но клятвопреступленья
И предательство – меня сильней.
Все – моё, что миру отслужило.

Каждому отмеряно пути
Ровно столько, сколько хватит силы.
У России нет их.
Отпусти.
Ворожить не надо
И молиться –
Проку нет, напрасные слова.
Точкой завершается страница
И другая следует глава.

* * *

И долгий, долгий выдох тишины.
Такая тишь...
Могучая, как вздох.
Мир онемел.
Огромный мир оглох.
Тягучим ожиданием полны
Травинка каждая и каждый лепесток.
Внезапно – он! – чуть слышный плач иль крик,
Как тонкий серпик месяца из тучи-
Пронзил, прорезался –
Возник!!
Рожденья миг!
Таинственный, трагический, могучий!
Так беззащитен, нежен, слаб... – велик!
Новорождения Новороссии – КРИК...

Берега Новороссии

Владислав Русанов

Владислав Русанов родился 12 июня 1966 года в Донецке. В 1988 году окончил Донецкий политехнический институт (ныне — Донецкий национальный технический университет). Кандидат технических наук по специальности «Бурение скважин», доцент. Прозаик, поэт, переводчик.

Член Союза писателей Донецкой народной республики, Совета по фантастической и приключенческой литературе при СП РФ, Интернационального Союза писателей.

Автор 19 романов. Рассказы и повести публиковались в журналах «Искатель», «Порог», «Человек и наука», «Химия и жизнь», ряде газет и межавторских сборников, а также в «сольном» сборнике «Дороги и судьбы» («Шико», Луганск, 2011 г.). Стихотворения публиковались в сборниках

«Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014–2015 гг.» (Москва), «Мой город охрип от молитв» (Донецк), «Непокорившийся Донбасс. Стихи блокадных поэтов 2014–2015 гг.» (Луганск), в «Литературной газете», «Российской газете», газете «Литературный маяк». Лауреат Международного фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг» (2012, 2013, 2014 гг.), обладатель золотого нагрудного знака «Лунная радуга» (присуждается Фондом Сергея Павлова за достижения в области литературы, Москва, 2014 г.)

* * *

Нет ни эллина, ни иудея,
а дороги к храму отмощены
черепами. Воскликнешь «Где я?!»
пред ощеренной пастью площади.
Свет фальшфайера. Воню тленную
растекается ненависть-сукровица.
С перебитыми вдрызг коленами,
ты опять не поспеешь к заутрене.
Перерезанным воешь горлом ты,
хрипло булькаешь чёрными сгустками,
нет дороги тропею торною,
только стёжкой кривой да узкою.
Ныне судьбы чертой означены
и осколком навывлет ранены.
То ли тёткою, то ли мачехой
крест пропившая мне Украина.
Лебезит кнутом, лупит пряником,
дланью щедрой дарует отметины.
То ли пасынки, то ли племянники,
заслоняемся тыном плетённым
из упрямства да из отчаяния,
круг рисуем со странными знаками.
Пропеют ли мне величальную
или в яму кинут собакою?

* * *

Я хотел бы построить башню
из росы, паутинок, иллюзий,
чтобы башня парила над пашней,
чуть покачиваясь в ритме блюза,
чтобы даже в январскую стужу
соловьи выводили бы трели,
чтобы сполох жар-птичьих кружев
озарял вековечные ели.
Я хотел бы построить город
из форшлагов и флажолетов,
чтобы изысканные аккорды
ткали музыку навьего лета,
чтобы знали окрестные веси
справедливость незыблемой власти,
менестрели слагали бы песни,
а поэты — сонеты и стансы.
И в долину войти осторожно,
где господствуют башня и город,
чтобы дыханием не потревожить
лабиринты в багряном уборе,
и присев под раскидистым клёном,
прочитать на растресканной глине,
эту сказку о маге, влюблённом
в королеву волшебной долины.

ГОРОД

Уходит всё — виденья, знаки, сроки,
Стихи от первой до последней буквы.
Шуршит пергамент в горле, вязнут строки
И рифмы на зубах скрипучей клюквой.

Тень с запада зовёт, играет, манит
Похлёбкой за уступку первородства.
С натугой тянет скаредные длани
К востоку. Залп. И пала тьма на Город.

Но Город жив и, вопреки наветам,
Восстанет, смерть поправ, неопалимый.
Чем гуще мрак, тем ближе час рассвета.
И знай — с востока свет, с востока силы!

ДОНБАССКАЯ...

Кресты кружатся воронья на небе белом.
Зафевралело в сентябре, зафевралело.
Вразнос кибитку жизни мчит шальная кляча,
А небо плачет на ветру, а небо плачет.
Листает залп за разом раз судьбы тетради,
Ложатся «грады» у двора, ложатся «грады».
И ты летишь к земле ничком, лютуют мрази.
Из князей в грязь, упав щекой, от князей к грязи.
Выводит мины хвостовик шальное соло,
Шипит осколок в колее, шипит осколок.
Побрал бы чёрт и этот дождь, и эту осень!
И вдруг проносит артобстрел, и вдруг проносит.
А ты лежишь, обняв Донбасс, — пошире руки!
Такая штука эта жизнь, такая штука...

* * *

Подпруга лопнула, и колокол заныл.
На паперти уснул усталый нищий.
Растяжки средь заброшенных могил
Роняют бабы слёзы в пепелище.
Ergatum est — ну что ещё сказать?
В начале было слово и в итоге.
Безмолвен крик или пусты глаза,
Но ты как нищий, мнётся на пороге.

Бездвижен ты, затих последний стих.
Клоп в янтаре и пугало на жерди.
И подвываешь, благостен и тих,
За медный грош, за пайку милосердья.
Хлеб горький или кислое вино
Уже не примешь — нечем. Виновато
Вздых обронив, запомнишь лишь одно —
Когда бескрыл, то быть нельзя распятым.

* * *

Увечен проклятый закат,
И смолкли праведные гимны.
Тысячезвучьем бьёт набат
В стране, поверженной в руину.
Всё поглотит в один присест
Тьмопастно порожденье смерти
И Бог Наживы, Жёлтый Бес,
Ведёт под ручку Эль-Муэрто
Туда, где флигель-адъютант
Напялил каску генерала,
Туда, где белый школьный бант,
Пропитан кровью, рдеет алым.
Почтовой маркой станет грош,
А бандеролью — домовина.
Дамоклов меч иль острый нож,
Но ты «двухсота», Украина.

* * *

Окоёмы, окоёмы
в бородавках терриконов.
Не посконны, не исконны,
знаковы, но не знакомы.
Не сермяжны, не тепличны —
где-то вспышки, где-то тени.
В абрикосовом цветеньи
полустанково-криничны.
Не вальяжны, не системны,
пролетарски бесшабашны
Эти силосные башни,
валирийские тотемы.
Разноцветьем разнотравья,
не по знакам, по приметам
унесёт и это лето,
то русалочье, то навье,
что скрывают окоёмы
за кристально-гладкой гранью,
за беззвучно-зыбкой ранью,
неизбежностью клеймёной.
Ни тоска, ни полудрёма...
Над копрами звёзд без счёта.
Донкихотская работа —
раздвиганье окоёмов.

* * *

Можешь спорить, буянить, бражничать
И работать до хруста кости.
Час пробьёт, и стволы «лепажевы»
От груди твоей не отвести.
Загляни, как в замочную скважину,
В мир, где снова честь не в чести,
Через срезы стволов «лепажевых»
Не удастся её пронести.

Через яр, буерак, овражины
Краем Рая сумеешь ползти.
Костылями стволы «лепажевы»
Твою совесть будут блюсти.
Всё что скоплено, всё что нажито
Поместится порою в горсти
Пред очами стволов «лепажевых»
Скажешь: «Царю Небесный, прости..»

ПСЫ ВОЙНЫ

Когда отгремит канонада
И Смерть опрокинет весы,
Украдкой, ползком из засады
Выходят голодные псы.

Поправ вековечное право
Руки, что ласкает и бьёт,
По самому краю оврага
Проводит их страх и чутьё.

Их много. Война и разруха
Коснулись не только людей.
Наполнить несытое брюхо
Мечтают они поскорей.

Каков твоей правды оттенок,
Скакал ты в мороз или нет,
Парковщик ты или тенор,
Для них ты всего лишь обед.

Нет, псы не играют в Мессию
Но чтят непреложный закон.
Тела пожирая людские,
Они не порочат имён.

* * *

Гроб. Яма. Крест. Возможно, залп.
Как ни беги, исход летален.
Простак ты или гениален,
Но обмануть судьбу нельзя.

Кольчуга. Меч. Подруга. Конь.
И ждёт безумца Палестина.
Пусть врут, что Вера не в чести, но
Сердца зажгутся, только тронь.

Ботфорты. Шпага. И мушкет.
Плечом к плечу стоит пехота.
Позиций не сдавали роты
Один вопрос. Один ответ.

Разгрузка. Каска. Два рожка.
«Калаш». Подствольник. Тепловизор.
А в небе БПА сюрпризом
И отголоски ДШК.

Могила. Крест. И крест на грудь.
Свеча. Горбушка. Похоронка.
И льготный проездной к Харону.
И тихий голос: «Не забудь...»

Берега Новороссии

Валентина Беляева

Валентина Ивановна Беляева родилась в 1951 г. в г. Бурыни Сумской области Украины. Окончила факультет прикладной математики Воронежского государственного университета. Работала инженером-программистом.

Автор книг публицистики, пяти поэтических сборников, а также книги для детей «Лики радужных дождей». Печаталась в Антологии сетевой поэзии, в газете «День литературы», в литературно-художественных журналах «Новый енисейский литератор», «Дальний восток», «Невский альманах», «Новая Немига литературная» (Беларусь), «Подъём», «Родная Ладога», «Берега», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Роман-журнал XXI век», альманахе «Академия поэзии». Лауреат газеты «Российский писатель» 2015 г. и литературного конкурса «Кольцовский край» 2016 г.

Член СПР. Живёт в Воронеже.

Дух Новороссии. Украине

* * *

Ты боле не увидишь никогда
Свой прежний лик в иконном обрамленье.
Взгляни! Вон там, в неистовом моленье,
Архангел твой – в дыму, уже незрим,
Склонился изваянием стыда,
Жестоко и немислимо страдая.
Уже не плачет, нет... И молодая
Весна смешалась с ужасом твоим.
Ты боле не увидишь прежний лик –
Разлёт бровей сокольными крылами
Над древними днепровскими холмами
И звонницами дрогнувших церквей...
Но слышишь ли ты мой вот этот крик –
На русском! – из души изнемождённой?
Я знаю – нет!!! Останься ж непрощённой
В трагедии незыблемой моей...

* * *

В моих глазах – впервые образ рока.
И пусть пройдут несметные года –
Я не прошу тебе уж никогда –
Сквозь чёрный дым летящий луч с востока.
Твой дым! Твой жуткий дым средневековья –
С Майдана в обезумевшем огне.
Он и тогда уже был страшен мне.
Уже тогда блестел моею кровью...
И ты пришла в мой Русский Дом с войною,

Отребье подкормив из грязных рук.
И вот – с небес летит зловещий звук.
И твой Трезубец виснет надо мною.
Открой глаза! Вон – Маша из Донецка,
Голодная, без ручки до плеча,
Бросает хлеб воронам и грачам –
С улыбкою убийственно недетской.
Гляди! Вон – на окраине Луганска –
Мальш, Богдан, уже без карих глаз,
Во тьме крошечной шепчет в сотый раз:
«Где мама?» – пред твоей усмешкой панской.
А там – в каком-то странном ожиданье,
С бороздкой влаги на худой щеке –
Старик, уж древний, с орденом в руке,
Глядит на запад, словно изваянье.
Он помнит и победный залп армады,
И Киев, и Берлин в густом дыму.
Он смотрит на тебя! Скажи ему –
Зачем теперь в него стреляют «Грады»?!
А там – седая женщина. Склонилась
К младенцу на коленях. У креста.
И чудится ей, что в ногах – звезда...
Его улыбка на рассвете снилась.
Гляди сюда! Дождём, по снежным лужам, –
То ль тени, то ли призраки людей.
И всё едино им: что звон церковей,
Что стон гвоздя в доске, пронзивший душу.
Взгляни в глаза сибирскому студенту –
С раздробленными рёбрами, без ног, –

Тому, что здесь не быть уже не мог!
А на восходе солнца предан кем-то...
Он русский! Он на русском изъяснялся,
На русском плакал, мир осознал.
И трепетную скрипку обнимал,
И Гидре, что убьёт её, поклялся.
И, глядя в звёзд восточное мерцанье,
Не смея мыслить: «Господи, спаси...» –
Для вновь рождённой Киевской Руси
Бросает жизнь свою на растерзанье...

* * *

Я помню всё... Слезу в глазах каштана.
И чёрный дым ревущего Майдана –
Сплошной непроницаемой стеной.
Горело всё. И летописи истин,
И русский слог, уже столь ненавистен,
Который, как и мне, тебе родной.

Под замершей от ужаса луною
Зверьё ходило страшное, хмельное –
В зловещих бликах факельных глазниц.
И западные флаги развевались,
И всё это мне сном тогда казалось –
Из чёрных масок и безумных лиц...
Я не прощу тебе – в снегу – ребёнка.
И в нём же, на груди его, иконку –
Здесь – на земле обугленной моей...
И дымом занавешенное небо,
И в копоти его кусочек хлеба.
И красные глаза ползущих змей.
И никогда не быть с тобой нам вместе...
Но час придёт. Придёт моё возмездье –
За эти терриконы под огнём,
Расстрелянные мраморные плиты,
За холмик, вешним дождиком размытый.
И женщину недвижимую на нём...

Берега Новороссии

Андрей Авраменков

Авраменков Андрей Михайлович 1990 года рождения. Родился и жил в Луганске. Окончил Восточноукраинский университет имени Владимира Даля, специальность «Издательское дело и редактирование». С конца 2011 года работаю корреспондентом в различных изданиях.

Весной 2014 года освещал все митинги и собрания в Луганске. И первые бои и бомбежки тоже. Затем летом переехал в Воронежскую область. Печатался в университетском альманахе, молодежном литературном журнале «Индиго», в журнале «Подъем».

Оля и снаряд

Рассказ

Жара начинала спадать. К середине августа стало холодать по вечерам, днем — тепло и приятно, в полдень можно было спокойно выйти прогуляться в магазин или на рынок, не опасаясь солнечного удара или вспотеть, как мышь. Проблема заключалась в том, что все рынки и большинство магазинов работали до часа, и самые многочисленные скопления народа приходились на первую половину дня. Народ по утрам с опаской выползал из домов в поисках вещей первой необходимости: еды, воды, лекарств и разной мелочи, например, свечек, спичек или сигарет, которые стало трудно достать. Весь быт здесь перестал быть маленьким и незначительным, а стал первоосновой выживания.

Город постоянно обстреливала артиллерия и авиация. Вокруг Луганска и даже в некоторых его частях шли ожесточенные бои. Опустевший полумиллионник находился в окружении уже больше месяца, а в тяжёлом положении — две недели. Люди жили без электричества, воды и мобильной связи. С продуктами ситуация тоже сложилась напряжённая, но достать их ещё было реально.

Всё началось с того, что местные жители, не признавшие новую киевскую власть и не желающие дружным стадом идти в Европу, выступили с акциями протеста. Вскоре стало понятно, что никто не рассматривает всерьёз требования народа, что власти плевать хотели на мнение людей. Самые отчаянные взяли за оружие и захватили административные здания. Военный конфликт стал неизбежен, опасность и плохие предчувствия охватили уже всех, а не только тех, кто чувствовал неладное с первых дней Майдана.

После первых боёв между властями и ополчением, в стремлении помочь, потоком хлынули добровольцы из России. У многих на Донбассе жили родственники и друзья, этот край всегда был родным для русских людей.

Обернулось всё нескончаемым потоком крови, обломками разлетающихся крыш и стен домов, сломанными судьбами, блокадой Луганска, на который каждый день беспорядочно ложились десятки самых разнообразных снарядов. Но люди здесь остались. Город только на первый взгляд мог показаться пустым и заброшенным. На самом деле здесь в тяжёлых условиях выживали тысячи людей, которых ненавидели и убивали только за то, что мнение большинства из них отличалось от позиции официальных властей и остальной Украины.

* * *

Оля с утра оббегала несколько магазинов в поисках спичек или хотя бы зажигалок. Ведь газ в квартиры ещё подавался, и приготовить поесть не составляло труда, были бы продукты. Оля предусмотрительно ещё до дефицита и блокады сделала солидные запасы крупы, макарон, картошки, соли, хлеба и спичек. Последние кончились быстрее всего.

Несколько магазинов находилось напротив её дома, достаточно было перейти через проезжую часть. Ни в одном из них не оказалось спичек, но несколько зажигалок женщине удалось купить. «Отлично, повезло, приготовлю суп. А то Миша придёт с работы голодный», — подумала она, искренне радуясь за мужа.

Вдалеке громыхали разрывы, долго и интенсивно. Жители смирились с этим и научились не замечать. Женщина вышла из магазина и по узкой аллее направилась дворами в сторону проезжей части. Опасаться автомобилей не стоило — частный транспорт здесь уже давно стал редкостью.

Слух прорезал мощный, пронизывающий до мурашек свист снаряда. Она услышала металлический стук совсем рядом, но испугаться просто не успела. Через мгновение взрывная волна отбросила её на несколько метров...

* * *

Ещё в начале лета кровавая вакханалия в Луганске только начинала набирать обороты. Муж твёрдо заявил, что никуда из города не уедет, пока у него есть работа. А у Оли как раз начался официальный отпуск. Она могла уехать, но не уехала, решив остаться с мужем и поддержать его решение.

Оля была очень хорошенькой и симпатичной. В больнице, где она работала, к Оле часто приставали пациенты, то ли в шутку, то ли всерьёз предлагая выйти замуж. Им она отвечала, что у неё есть любимый муж и она уже 25 лет счастлива в браке с ним. Находящиеся на лечении бабушки, с которыми Оля в силу доброго характера всегда общалась, говорили, что она симпатичная девочка и всё у неё впереди, спрашивали, на каком курсе университета учится. Им Оля отвечала, что её сын уже давно окончил университет.

Михаил был высоким и сильным, по дому умел делать всё, поскольку сам приехал в Луганск из деревни, любил поработать руками. Эта фанатичная преданность пролетария своей работе и долгу стала основной причиной того, что Миша и Оля остались в городе.

В середине июня звонил сын.

— Мама, надо уезжать, всё будет только ухудшаться. Позвони бабушке. Решайтесь, потому что времени осталось мало, — говорил он.

— Ты же знаешь, что папа упёрся и никуда не собирается. У него работа, — ответила Оля.

— Да какая к черту работа! — орал в трубку сын. — Работа на складе — это не предел мечтаний. Там найдёт. Нам ведь есть куда ехать!

— Кому мы там, в России, нужны? — грустно и тихо сказала женщина.

— А здесь кому мы нужны? Снарядам? Понимаешь, город уничтожат, сотрут с лица земли. Ну, если у папы работа, давай хоть ты с нами?!

— Всё будет хорошо. Вы уезжайте. А мы останемся, я без папы никуда не уеду. Люблю, целую вас, — женщина дала окончательный ответ, и спорить с ней было бессмысленно.

Оба нажали на кнопку отбоя с тяжёлым сердцем и слезами на глазах.

Сын со своей женой уехал. Он считал, что родители — люди взрослые и сами могут решить, что им делать, а ему нужно защищать свою маленькую семью. Позже он позвонил из России, сообщил, что добрались они благополучно. Оля ответила:

— Я почему-то такая спокойная теперь. Главное, что вы выбрались. Мне теперь ничего не страшно. Я уверена, что всё будет хорошо.

Они созванивались каждый день, и неизменно в разговоре проскальзывала уже приевшаяся фраза Оли: «У нас всё нормально, стреляют». Это так корбило сына. Как? Как может быть всё нормально, если стреляют? Но для оставшихся это как раз и стало нормой, привычным течением жизни.

* * *

Миша каждый день ходил на работу. Преимущественно пешком, потому что городской транспорт стал ходить редко и нерегулярно. Хорошо, что место работы находилось недалеко и можно было просто прогуляться. Правда, дорога приобрела очень живописный вид — снаряды часто попадали на эту открытую местность, вырывая куски асфальта и разбрасывая их на десятки метров вокруг.

В один из вечеров он возвращался домой, неторопливо и расслаблено шагая, наслаждаясь теплом и солнцем. Говорил по телефону с Олей.

— Я Любе звонила, на Южном сильные обстрелы, они уже в подвалах ночуют. Остановку возле магазина «Максим» разбомбили.

— Погоди, — ответил муж.

Рядом по пустой проезжей части небыстро катился джип, раскрашенный в камуфляжные цвета. Миша смотрел на людей с оружием внутри машины, а они смотрели на него. Авто начало притормаживать и остановилось рядом, преградив путь.

– Я перезвоню.

Из машины резво выбрались несколько человек в бронежилетах, густо обвешанные автоматами Калашникова. Все высокие и плотные, ручища здоровенные. В карманах сменные рожки для оружия. У одного из них было обожжённое лицо. Ополченцы.

– С кем говорил? – бесцеремонно спросил обожжённый.

– С женой, – спокойно ответил Миша.

– Можно глянуть?

Он протянул ополченцам мобильный телефон. Обожжённый пролистал в нём все входящие и исходящие вызовы. Почти все из них – «Жена», а в телефонном справочнике всего с десяток номеров. Подозрительно, подумал повстанец. Объяснялось всё просто. Дело в том, что неразговорчивый Михаил не любил мобильные, телефон появился у него всего полгода назад. Да и друзей у него было немного, а собеседников в такие тяжелые времена стало ещё меньше.

Обожжённый ополченец, глядя на Мишу, набрал номер, записанный как «Жена».

– Алле, Миша, что там такое? Я испугалась за тебя! Там что, где-то рядом стреляют или что? – начала тараторить в трубку Оля. – Ты скоро придёшь уже...

– Это не Миша, – ответил незнакомец.

– А кто это? Где мой муж? С ним всё в порядке? – в звонком женском голосе явно слышался страх.

Мужчина с АК отдал мобильный телефон владельцу.

– Всё нормально, – сказал муж. – Я сейчас перезвоню. А в чем дело? – обратился к группе Михаил.

– Да ищем наводчиков, – уже без напряжения ответил обожжённый. – Слышишь, бахает? Город начали усиленно обстреливать диверсионные группы, вот и патрулируем, ищем этих тварей. Ну, бывай, мужик.

Они сели в машину и медленно покатались дальше по трамвайной линии в сторону центра.

* * *

По одной из окраин Луганска, на перекрёстке в районе квартала 50 лет Октября, был нанесен авиационный удар. Десятки луганчан погибли и столько же получили ранения. Воронки на асфальте, выбитые окна жилых домов, покорёженный металл, согнувшийся светофор, который лишился своих цветных фонарей, потрёпанная аптека теперь выглядела тёмным склепом с зияющими отверстиями в стене. Но самое страшное — человеческие тела, в которых минуту назад были души, изуродованные трупы горожан: невинные женщины и дети.

Люди, начавшие подходить к месту очередной трагедии, плакали. Все, включая мужчин. Народ пытался помочь тем, кто получил ранения, но уцелел. Подошла и Оля, которая во время жуткого взрыва, оказавшегося безжалостным нападением стальной сине-желтой птицы, ходила совсем рядом по рынку в поисках овощей. Она ужаснулась масштабам гибели людей, потому что всё это выглядело местом бойни, причём для животных. Впечатлительная женщина, не сдерживая эмоций, расплакалась, отошла в сторонку, чтобы не видеть мёртвых людей, достала бутылочку с водой и таблетки. Через время пульс пришёл в норму, а нервы чуть успокоились.

Бомбёжка произошла рядом с домом, в котором жила с семьей подруга Миши — Тая. От взрывов стекла в её квартире вылетели вместе с рамами. Повезло, что она вместе с детьми уехала из города раньше. После работы Миша с Олей пришли и заколотили досками окна, чтобы местные мародеры не влезли и не растащили оставшиеся вещи.

* * *

С каждым днем Луганску становилось всё хуже, словно город заболел и страдал от паразитов, которые атаковали его изнутри и снаружи. Разрушения прибавлялись, любимые скверы, знаковые для горожан места и достопримечательности методично и настойчиво уничтожались, оставляя после себя жалкие обломки. Город сопротивлялся как единый живой организм. Коммунальщики, ко-

торых в мирное время не жаловали, оказались настоящими мужиками, которые даже под обстрелами выполняли работу, чинили объекты, рискуя жизнями. Мусор вывозился, поломки устранялись. Но наплыв чужеродных враждебных организмов продолжался. Луганск стало лихорадить, так как собственных сил освободиться от фанатичных европейских микробов у него не хватало.

– Мама, я постоянно читаю, что город обстреливают сами ополченцы. Это правда? – спрашивал во время телефонных разговоров Олю сын.

– Нет, не верь в это. Нас даже самолеты бомбят! Разве у повстанцев они есть? Или что тогда получается; армия и ополчение действует заодно и уничтожает мирное население? Это всё бред, сынок. Не верь...

В начале августа яростно обстреливаемый человеконенавистниками город начал умирать, забирая с собой всё и вся. Пропало электричество, вода и связь. У Луганска появился новый правитель, самый жестокий и властный из всех возможных, капризный и неуравновешенный в своем настроении, словно ребенок, непредсказуемый, как удар молнии. Верней, правительница. Одна и единственная — Смерть. Давно старая властная женщина положила глаз на этот город и теперь успешно управляла жизнями горожан. Успешно для себя самой, но не для них. Она накрыла чёрной тенью город на реке Лугань, её плащ взял под жёсткую опеку людей и давал им единственное, что мог дать — страх и гибель. Ничтожным утешением являлся тот факт, что эта новая королева Донбасса во многом была честней людских президентов и вождей — она не брала взяток, и её невозможно было подкупить.

* * *

...Слух прорезал мощный, пронизывающий до мурашек свист снаряда. Оля не успела испугаться, услышав металлический стук совсем рядом. Через мгновение взрывной волной её отбросило на несколько метров. Грохот, хруст деревьев, взрытая земля и громыхание обломков камней. Женщину протянуло по асфальту, и она ударилась о дерево. Ноги все были в крови. Почти сразу, как всё затихло, из ближних домов вышли люди, они помогли женщине подняться. Она была цела, только немного в шоке от произошедшего. Глаза округлились от испуга, ноги тряслись и самостоятельно стоять она не могла. Давление поднялось, и сердце выскакивало из груди. Уши и голова сильно болели, Оля не могла сосредоточиться, мысли путались, вопросы жильцов и остальные звуки были почти не слышны.

Приходя в себя, она огляделась: мина пробила крышку канализационного люка, упала вниз и уже там взорвалась. Женщина поняла, что именно это её и спасло. Упав снаряд на поверхность земли, в стороны разлетелись бы осколки и попросту лишили её жизни. Ободранные ноги и легкая контузия — не самое плохое, что могло случиться в этой ситуации.

Когда Миша пришел с работы и узнал о происшествии, он крепко обнял Олю, которая лежала на кровати и всё ещё отходила от случившегося утром. Муж нежно гладил её левой рукой, а правой прижал к груди. Из глаз супругов капали слёзы.

– Родная, это из-за меня всё... Если бы не моя упёртость..., – начал Миша.

– Успокойся, ты не виноват. Не ты обстреливаешь наш город.

– Если бы мы уехали, то тебе не пришлось бы испытать этот ужас...

– Всё в порядке. Некоторым сейчас намного хуже. Мне главное, что ты со мной, – со слезами говорила Оля. – Я всегда тебя поддержу, любое твоё решение. Ты молодец, что остался работать и не взял в руки оружие, я тобой горжусь. Когда-то давно мы связали свои жизни навсегда, в радости и горести. Это ведь не просто слова, это священная клятва. Клятва перед лицом Господа.

– Ты самая лучшая жена, без тебя я бы не выжил, – улыбнулся Миша, сидя возле кровати в тёмной комнате. Улицу освещала только Луна и то и дело появляющиеся зарева от взрывающихся снарядов.

Только самоотверженная любовь способна спасти в такие трудные времена. Впрочем, достаточно было остаться в Луганске, чтобы увидеть ад на земле.

Берега Новороссии

Елена Настоящая

Баллада о летнем городе

«Кто-то плачет, а кто-то молчит,
А кто-то так рад, кто-то так рад...»

В. Цой

1

Линия горизонта – это
было моим летом.
Присутствие света в отсутствии света.
Золото. Синее небо. Дым.
Взрывы и раны на теле города.
Мы – не сдаёмся!
Мы – сильные, смелые, гордые!
Мы это уже доказали,
спрятавшись в тёмном подвале.
А город чуть не умер
со всеми своими Лениными,
едва не сбежавшими с пьедесталов.
Даже Ворошилова это всё достало.
Он тоже хочет слезть с коня и стать на колени
или уехать в Киев,
лишь бы это всё прекратилось.
Но не судьба.
Да.
Линия горизонта – тонкая,
будто вот-вот оборвётся,
взорвётся
новыми вспышками звёзд-камикадзе,
а они только рады стараться –
не разорваться
и залечь привычным свинцом.
Их особенно хорошо было видно днём,
когда всё выходили посмотреть на смерть
и сказать:
«Вот так и живём,
Тушёнку да гречку жуём».
Линия горизонта – чёткая,
будто всех нас перечёркивает,
делит всё на синеву неба,
синеву глаз, смотрящих в прицел,
синеву тех, кто попался в цель,
и смотрит обратно в небо
широко раскрытыми глазами
и оглушительно молчит...

2

Говорит Москва.
Передаёт Луганску привет.
Сколько мы вместе натворили бед...
Приличные люди давно об этом молчат вслух.
А неприличные где-то в лондонах (тоже давно)
испустили дух.

Говорит украинская армия.
Передаёт Луганску привет.
Тот, что побольше, посердечнее, погорячее.
Говорит: «Потерпите, милые,
мы постараемся как можно скорее
освободить Донбасс от сепаратистов.
И реверсом вернуть Крым.
И реверсом отжать газ».
Ну, чего уж там, терпи, брат, терпи,
пока нас освободят от нас.

Говорит Обама,
что-то о том, как мама мыла раму,
впрочем, он всегда несёт довольно ясный бред.
Но Луганску, вместе с Псаки,
Барак тоже передает привет.

Говорит Ворошилов-град –
всей истерзанной лентой дорог,
всей укатанной лентой дорог
с гусеничными следами.
Он не знает, что будет с нами.
Он от этого очень устал.
Но помехи мешают понять.
И теряется голос в свисте,
И латаются раны быстро...
И латаются раны наспех.
И срывается голос на крик.
Нет, ошиблась, Луганск не кричит.
За него отвечает «град».
Говорит Ворошилов-град.

* * *

Кто нас научил этому?
Кто вбил это в голову?
Быть в первых рядах и лезть под пули.
Мы знаем, что нас просто обманули,
И кто-то сверху заигрался в войну.
Мы будем стоять над последним камнем,
И знаем – утро нас встретит здесь же завтра.
Снаряды плавно уходят в весну...
И города наши – вскрытая рана:
Что стиснувший зубы герой Стаханов,
Что молча плачущий в тени небес,
Ставший родным вдруг Славяносербск,
Разбитый, израненный, измотанный вкрай
Держащийся кое-как Первомайск.
И пусть никого не обманет твой сон –
Сердце в груди горит – Краснодар.
Земля никогда тебя не предаст.
Поэтому мы с тобой, Донбасс.
Кто нас научил этому?
Кто вбил это в голову?
Мы в первых рядах и мы лезем под пули.
Но мы себя вовсе не обманули –
Мы встретим рассвет. Мы встретим весну.

* * *

Держись.
Возвращайся домой.
Не думай о смерти – нет её.
Я вижу: лицо обветрено
И чёртова тьма за душой.

И давит безумно усталость.
Но сколько б тебе ни досталось,
В глазах вечно небо и сталь.
Прости мне дурную печаль.

Не мне ведь судить о боли,
Когда собирают с поля
Товарищей,
Ближних,
Друзей.

Не мне ведь судить о страхе,
Когда всех – одним махом,
Так просто
И без затей.

Я знаю, там дым и порох.
Забыты давно все споры.
Держись.
Возвращайся домой.

* * *

Столько всего случилось за это время.
Твой взгляд, похоже, совсем стал каменным,
чистыми – руки,
слова – пламенными.

Да, Командор с нечистой совестью,
наши жизни давно стали повестью,
посвященной убитым и раненым.
Нет, это не «Тихий Дон».
И даже не «Война и мир».
Хотя похоже –
и на кинохронику, и на чёрно-белый сон,
где опять безнадежно шмалает в небо Комбат,
зная,
что
погиб командир.

Вот ведь оно какое дело – война.
Кто-то гибнет. Кто-то живёт. Кто-то наживается.
Ты никогда не думал –
а не завышена ли на наши жизни цена,
когда рядом бьёт канонада,
а мы в клетках домов
от угла до угла
просто и праздно шатаемся?
Я думала.
И о том, что мир стал проще:
есть «наши», а есть – «не наши».
С «не нашими» не сварить зелёный борщ,
и горькой останется каша.
«Не наши» – они далеко, за Донцом,
«не наши», они ведь не с нами.
И вот уже воюет сын с отцом.
Парит кровавая баня.
И каждой твари
здесь не по паре,
а каждой твари –
по пуле.

Так сколько же тварей из «наших» рядов
пока ещё не бомбанули?..
Забудь.
Я не люблю январь.
Я люблю август,
простые вещи.
Золото солнца, синь неба, гарь,
ветер, что в листьях трепещет.
И нервный лязг автомата.
И то, что случилось с нами.
И твёрдость во взгляде русского солдата
С небесного цвета глазами.

Берега Новороссии

Алексей Шорохов

Гробы для диктатуры олигархата

Мозговой был виноват. Перед торгашами углём и гуманитарной помощью там и перед торговцами русским будущим и Новороссией здесь, перед свежаявленными «своими» на Луганщине и перед закоренелыми чужими в России. Он поразительным образом не устраивал никого. Он раздражал госпатриотов с окладом и оптимистов в штатском, лощёных крупье при любых геополитических пасьянсах и бомжеватых политехнологов из машин с мигалками. Мозговой не вписывался в нынешнюю клоунату русской политической жизни, доставшуюся нам в наследство от XX века. С потомственными клоунами в погонах и внучатыми палачами на кафедрах.

Именно благодаря ему в Алчевске, в начале мая 2015 года, удалось провести форум международной солидарности «Антифашизм, интернационализм, солидарность», в котором приняли участие делегаты из России, Украины, Белоруссии, Италии, Испании, Греции, Великобритании, Германии, Турции и других стран. При прямом противодействии структурных управленцев и фактурных назначенцев.

Потомственный казак, воин и поэт, он был точно также неуместен в постмодернистском аквариуме современной политики, как строки Тютчева или Есенина неуместны в свальном грехе современной культуры. Со своим боевым товарищем, казачьим атаманом Павлом Дремовым он за несколько дней до гибели обратился к руководству России с просьбой поддержать «Русский Проект». Они заявили, что конфликт на Украине возник, в частности, ещё и потому, что в России на государственном уровне отсутствует национальная идея и на законодательном уровне никак не закреплены права самого большого в мире разделенного народа – русского народа. Совместное обращение Мозгового и Дремова было направлено 19 мая председателю Государственной думы РФ Сергею Нарышкину и председателю Совета Федерации Валентине Матвиенко.

Это в чём-то сродни публикации книги «Диалектика мифа» другого потомственного казака – одного из крупнейших русских религиозных философов XX века А.Ф. Лосева. В 1930 году! Посреди троцкистского шабаша и марксистского аутсорсинга! С незамедлительной конфискацией тиража и самого философа. На десять лет лагерей.

Только вот Мозгового конфисковали уже вместе с жизнью...

Не успели остыть обломки расстрелянного в упор автомобиля комбрига, как появились версии убийства. Первая и главная (официальная): враги хотят рассорить командиров ополчения с руководством республик, и поэтому они, враги, подкараулили именно Мозгового и сделали своё чёрное дело. Следуя этой версии, всеильные и вездесущие враги в любой момент могут уничтожить всё руководство ЛДНР скопом и по отдельности, но почему-то тянут с этим. А вот с Мозговым тянуть не стали и, обладая всей информацией о перемещениях руководства непризнанных республик – подкараулили, расстреляли и незаметно ушли. Но рассорить не смогли, и теперь кусают локти. Поэтому давайте же сплотимся и так далее.

Вторая, появившаяся благодаря первой (вражеская): это диверсанты из алтайской бронетанковой ордена хана Батяя бригады спецназа ГРУ по заданию руководства ЛНР уничтожили неуправляемого командира в результате внутренних разборок в ополчении. Тем не менее, за граница нам поможет, в стане врага разброд и шатание, поэтому давайте же сплотимся и так далее.

Остальные версии застыли между, около или в непосредственной близости от первых двух.

Но дело не в версиях. Я думаю, что Мозговой погиб, потому что не мог победить. Потому что он бросил вызов не только шизофрении укросвидомости и агрессии евронацизма. Он единственный, кто последовательно и до конца повторял январское 2014 года: «Банду геть!» Подразумевая под «бандой» не только Януковича со сродники, но и весь транснациональный корпорационал современного мироустройства. С кооперативом «Озеро», включительно...

Русский Че Гевара, не дождавшийся своего Фиделя. Впрочем, как и памятный Че – он может победить. Если с рабочего стола твоего компьютера, с твоей футболки или постера на стене будет смотреть Алексей Мозговой. Под его спокойным взглядом они всегда будут ёжиться.

Рязанские берега

Вячеслав Егоров

Родился 1 ноября 1941 года в деревне Кочугурки Скопинского района. Высшее техническое и гуманитарное образование. Работал директором производственных предприятий, средней школы, краеведческого музея. Автор ряда книг по краеведению и эстетическому краеведению «Легенда о Скопине», «Гончарная сказка», «Скопин – осень 1941 года». Активно печатался в местной периодике и коллективных сборниках области.

Янтарная баллада

У ног моих Балтийская стихия,
Накрытая седою пеленой,
Ветрами и морозами лихими
Закованная в панцирь ледяной.
Безмолвною, безжизненной пустыней
Покажется она совсем, пока
Заметишь, как у горизонта стынет
Мерцающая точка рыбака.
Но стоит заглянуть у волнолома
В бездонные глазищи полыньи,
Откроет море, как давно знакомым,
Вам тайны сокровенные свои.
И вспомнилось мне ласковое утро
У Юрмалы на Рижском берегу,
Легенда капли маленькой, но мудрой,
Которую поныне берегу.
Тогда мне море утром подарило
Малюсенький кусочек янтаря,
И будто вдруг со мной заговорило,
Мне тайну сокровенную дая.
Свет капельки той маленькой янтарной
И моря несмолкающего бас
О Балтии седой и легендарной
Поведали мне дивный этот сказ.
Влюбилось Небо в тайный облик ели
И не сводило с ней своих очей.
Года с веками над землёй летели
Под Солнцем дней и под Луной ночей.
Дивилось на волос зелёных кудри
И плеч её покатых красоту,
На взор очей, грустящих изумрудов,
На тонкий стан и персей высоту.
На нрав её спокойный величавый,
На плавные движенья рук-ветвей.
Грустило Небо, если Ель скучала,
И улыбалось, коль смеялась Ель.
А Ель жила, не замечая
Любви небес и их лазурных глаз:
С другим она веселью предавалась –

Ей был по сердцу Ветер-ловелас.
Во всякий раз, когда вставало Солнце,
Стерев с небес лучами облака,
То Ель ждала с жеманною истомцей
Желанного прилёта Ветерка.
Ах, как она, дождавшись, трепетала,
В нескромности его не обвиня,
Под ласками заклатья лепетала,
Иголками серебряно звеня.
А он, забыв совсем про стыд и скромность,
У сосен на виду в объятьях струй
Сжимал её и с губ, раскрытых томно,
Срывал за поцелуем поцелуй.
Он персей нераскрытые бутоны
Бесстыдно мимоходом задевал
И, будто не слыхав заклятий-стонов,
Её и обнимал, и целовал,
То вдруг, разжав бездумные объятья
Движеньем, оскорбительно тугим,
Презрев легко её мольбы-заклатья.
Стремился прочь за ласками к другим.
А Небо хмуро с болью наблюдало,
Как тешился над Елью Ветер-Лель,
И как потом стенала и рыдала,
Покинутая им бедняжка Ель.
Она ж в бессилье ветви опускала,
И грусть лилась с её зелёных глаз,
Но снова прилетал он, и ласкалась
Она к нему, как в самый первый раз.
Безмерно распаясь в великом гневе,
Сердилось Солнце с каждым днём сильнее,
С укором горьким говорило Небу:
Пора бы посчитаться с ним и с ней.
Ну что ты смотришь на проделки эти
Повесы, Дон-Жуана, летуна –
Ведь для него святого нет на свете,
Она ж к тебе безмерно холодна.
О! Если ты не сыщешь сил небесных,
Чтоб прекратить бездумный сей позор,

То я спалю и Ель и с нею лес весь,
Весь без остатка, вплоть до Синих гор.
А Небо, хоть от ревности страдало,
Мрачней средь тяжёлых чёрных туч,
Но гибели ей с Ветром не желало,
Лишь дождик-слёзы лило с грустных круч.
А Ветер, забавляясь с облаками,
Их в шутку как пушиночки гоня,
Легко месил порывами-руками,
Пришпоривал, как резвого коня.
Он до того увлёкся этим делом,
Что мрак согнал с бледнеющих небес.
Тогда-то Солнце, став от гнева белым,
Весь жар свой опрокинуло на лес.
От страшного безжалостного зноя,
Сошедшего с безоблачных небес,
Распалась в прах кудрявых елей хвоя.
Истёк смолою-кровью хвойный лес.
Сердца деревьев лопались от жара,
Разбрызгиваясь каплями смолы,
И таяли от солнечного жала,
Как свечи, оплывавшие стволы.
Увидел Ветер, как его подруга
Вот-вот в огне погибнет роковым,
И бросился неистово упруго,

Чтоб пламя сбить порывом-рукавом.
Но пламя только жарче разгорелось,
И не успелдохнуть безумец-Лель,
В огонь совсем ушло девичье тело,
Со стоном тяжким в нём исчезла Ель.
Как долго он кружил над пепелищем,
Желая будто оживить её,
И до сих пор нередко там же ищет
Проигранное счастье своё.
Огонь огромный, дико с ветром споря,
Вершины ледяные растопил,
Над пепелищем расплеснулось море,
Его простор лесные раны скрыл.
И там, где раньше закипали страсти,
Морские волны в тайну погребли
Волнующую жизненную сказку,
Великую трагедию Любви.
А утром здесь под плач и стоны чаек,
Когда всходила алая заря,
Услышал я историю случайно
От капельки чудесной янтара.
Закованная в панцирь ледяной
Ветрами и морозами лихими,
Закрытая седою пеленой
У ног моих Балтийская стихия.

Рязанские берега

Марина Бондарева

Работник культуры, мастер народного творчества, художник-модельер народных костюмов

МОЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Итак,
Она звалась Марина.
Крещенье. Ночь, когда рябина
На снег роняла красный свет.

Хотелось много. Вышло мало.
Единственной утехой стала
Дочь. А полночные стихи –
Лекарством верным от тоски.

...Дом, как у всех. Работа та же.
Забот нелёгкая поклажа.
И в сорок с малым лишком лет,
Как прежде, я несу обет:

На все стихи, на все дела,
На свет, который отдала,
На боль, которую делю,
Кладу фамилию свою.

Её (всё время дочкой звал)
Мне дядя мой однажды дал
На всё житьё, на всё бытьё...
Марина Бондарева. Всё!

И БУДЕТ...

И будет ночь. И звёзды будут греть
Заблудших путников и страждущих напрасно.
И яблоня глазами яблок красных
На ночь и вечность выйдет посмотреть.

И будет свет. Один на весь проём
Окна. Один на весь проём Вселенной.
И месяц непреложно и надменно
Свой свет вольёт в залитый светом дом.

И будет радость. Стук. Шаги. И взгляд.
И россыпь яблок. И немного хлеба.
И россыпь звёзд на присмирившем небе.
И тихий звук срываемых заплат

С сердец. И снова ночь. И будет свет гореть.
И вперемешку яблоки и звёзды...
И шар земной спокойно и серьёзно
На свет в ночи захочет посмотреть...

ДУША

И опять, иль ещё не стара,
Сумасбродная, в клочья нагая,
Сумасшедшая, певчая, злая,
Выкипает страстями душа.

Не по капельке меряный пыл,
Не по краешку, робко и тихо,
С болью, с кровью, тоскливо и лихо
Мы с душой в это пламя летим.

Обжигает – ещё не стара!
Навзничь. Напрочь, насквозь, неизбежно.
...Как блаженные, меряем бездну,
А иначе зачем нам крыла?!

Рязанские берега

Наталья Кострикова

Наталья Иосифовна родилась 58 лет назад и прожила всю жизнь в родном городе Скопине. Работала учителем физики в школах города и района. В 1992 году в результате тяжёлой болезни стала инвалидом, но не утратила творческого духа и даже открыла в себе тягу к поэтическому самовыражению. Активно публиковалась в местной периодике. Автор книги «Сказ о прощёном колодце».

ЧЕЛОВЕКУ, РОЖДЁННОМУ ПРЕДВОЕННОЙ ВЕСНОЙ

Тебе, рождённому весной,
Над колыбелью пели птицы.
Сквозь материнские ресницы
Светились радость и покой.
И, пробуждаясь, тополя
Струились терпким ароматом.
Вечерний алый луч заката
Баюкал тёплые поля.
Тебе, рождённому весной,
Играли первые зарницы.
Каким богам тебе молиться
За всё, что отнято войной?
За непришедшего отца,
За мать, утраченную в детстве,
За то, что выжил в годы бедствий
По милосердию Творца.
...Пройдя нелёгкий путь земной,
Ты, не умеющий молиться,
С улыбкой вспомни, что весной
Тебе когда-то пели птицы...

* * *

Дарю тебе свободу и покой.
Живи, как жил, не мучайся сомненьем.
Не принимая жертвоприношений,
Я и сама не жертвую собой.
И ничего не требую взамен:
Ни редких встреч, ни дружеской защиты,
Предпочитаю быть совсем забытой,

Чем превратить любовь в постылый плен.
Поэтому дарю тебе – тебя:
Мне надо всё иль ничего не надо.
И вспоминай меня без злой досады –
Ты это ты, а я, как видишь, я

* * *

Жизнь есть борьба.
И романтика битвы –
Разве не нам пламенеющий вызов?
Алыми строчками чётких девизов
Нам ли с тобой в этой битве
быть битыми?

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Не первый разменяв десяток,
От бурных отошла стихий,
И скрашивают лет остаток
Мне странным образом стихи.
Снимает скучную усталость
Строк прорифмованных игра,
Рождая солнечную радость
В скользящем росчерке пера.
Пусть не блистают меткой фразой,
Жемчужной россыпью ума
Мои стихи – в них я сама,
Мой мир улыбчивых фантазий,
Мой мир чудес, вернувший мне
Из детских снов звезду живую,
И ожиданье в тишине,
И радость, и любовь земную.

Молодые берега

Виталий Савров

Савров Виталий. 24 года. Автор поэтического сборника «Белая книга». Личное кредо: Твоё дело зажигать Свет, а не гасить его. Живёт в Калининграде

ВЕРА В НЕЁ.

Ты боишься погасить свечу,
Зажимаешь сотни мыслей в руку.
Нам развеять время по плечу,
Только сложно распредметить скуку.
Собирать пылинками момент,
Там, где счастье и удары грома.
Запечатать горькое в цемент,
И воскреснуть на пороге дома.
За дыханьем видеть тот огонь –
Что беречь нам надо пуше тела.
Положить бы Душу на ладонь,
Чтобы всё замёрзшее согрела.
Ты боишься обесточить суть,
Оскорбить незнанием Святое.
Но горит свеча и славен путь,
В вечный мир, где время золотое.

СТО ТРИДЦАТЬ

Это утро как будто сто тридцать дней –
Безмятежности. Кофе на молоке.
Улыбаюсь. Чуть-чуть открываю дверь.
Просыпаюсь. Песня на языке.
Этот город. Ведущий к морям балкон.
И начало. Мне мил сигаретный дым.
Я с тобою в сто тридцать дверей рождён.
Я с тобою совсем становлюсь другим.
Мне теперь очень просто сровнять весы,
Между горем и радостью выбрать миг.
Не смотрю и не верю, что есть часы.
Я с тобою сто тридцать миров постиг.

* * *

Такого света не бывало прошлым летом,
Таких имён ещё не грели звуки.
Всё заново, и говорю за это –
Спасибо. Я забыл, что есть разлука.

Но вспомнил, как согреть руками руки,
И бессловесно получать ответы.
Растёт тепло и ветер очень южный,
Прогретый камень бьёт лучи волнами.

Наш срок земной – смешной и неуклюжий,
Но время не помеха между нами,
И воздух стал землёю под ногами –
Лишь от того, что я кому-то нужный.

* * *

У меня для тебя ничего не осталось,
Ни мотыги, ни плуга, ни старой косы.
Где искать наше время, коль всё потерялось?
Или как положить пустоту на весы.

Я могу отдавать тебе горы тумана,
Чистый воздух и тихую песню воды.
Только это никак не приложишь на рану,
На таком не уйдёшь далеко от беды.

Слышишь – шепчут в бору незаметные ели?
Листьев ворох негромкою кучкой бредёт.
За такое не просят вставать на колени,
При такой толщине не выходят на лёд.

У меня для тебя есть лишь то, что повсюду,
Полный мир, тишина, что не помнит руки.
Что спасает внутри, но не лечит простуду,
И пустые стоят в третий ряд сундуки.

ЗАЯЧЬЯ ШКУРА

Разобраться с зимой в июле,
Как-то вовремя выпал снег...
Я был в заячьей белой шкуре,
Испугавшийся человек.
Испугался, что шерсть темнела,
Что мне стало так хорошо.
И послушное было тело,
Время гладко и быстро шло.
Был такой очень ясный вечер,
Солнце падало на маяк.
Белый цвет опускался в плечи,
И я был измененьям рад.
И за час наступило лето,
Снег сошёл, и взошла земля.
Я не белый, простишь мне это?
Ты простишь? Изменился я.

Всё границу нашло в июле,
Время пройдено, вышел снег.
Человек – но у зайца в шкуре,
В серой шкуре, но человек.

* * *

Мало воздухом просто дышать.
Мало пить родниковую воду.
Надо солнце глотками вбирать,
Ловить ветер в ресницах. Свободу –
по-другому, увы, не узнать.

Начинается что-то внутри,
Ты предчувствуешь тёплые ночи.
И считаешь с нуля – раз, два, три,
Если глазом не видишь. Смотри –
своим сердцем. Такой путь короче.

* * *

Всё, кажется, пустилось кувырком,
И почвы нет и под ногами веса.
Мы говорим никак и ни о ком,
И я блуждаю в середине леса.

Ищу дороги, кличу имена,
Ору «ау» и прислоняюсь к соснам.
Такая странная тоска без дна,
И почему-то с ней живётся сносно.

И мы с тобой подолгу говорим,
Потом молчим, второй январь без снега...
И в соснах трёх себя не разглядим,
Хотя в уме мы все с приставкой «мега».

Люблю я лес, но где остался путь?
Скажи скорей как выйти на дорогу.
Скажи как есть и как себя вернуть,
Тому, кто лес, ему, другому – Богу.

* * *

Если просто – выходят в дверь,
Если скучно – идут в окно.
Каждый здесь лишь отчасти зверь,
Лишь отчасти нам всё равно.
Как-то сложно всё уместить,
Это так, лишь набросок твой.
Можно тонко и долго мстить,
А потом всё закрыть собой.
Нам отчасти плевать на всех.
Но отчасти нам повезло.
Вот оттуда – сквозь горе смех,
Вот оттуда – как жить назло.
Ты не хочешь, а это есть.
Ты не просишь, а вдруг дают.
Не благая, но всё же весть.
Где не ждёшь, там обычно ждут.

БАБЬЕ ЛЕТО (ПРАБАБУШКЕ)

Бабье лето, бабье лето,
Мне приснилась баба Вера.
Почему сейчас и где ты?
У меня теперь карьера...
Бабье лето, паутинки,
Так легко и беззаботно.
Как на простенькой картинке,
Небеса почти полотна.
В бабье лето помню точно,
Бабу Веру хоронили.
Паутина рвётся в клочья,
Запах горя, запах пыли.
Только был тогда ребёнком,
И не знал, что значит горе.
От него стоял в сторонке,
Ограждён от всякой боли.
Я болел, а ты мне пела...
Навсегда запомню это.
Мне приснилась баба Вера,
Наступило бабье лето.

Молодые берега

Алина Лысикова

Успела родиться в последние месяцы прошлого века. Возможно, буду одним из самых молодых авторов, которых вы встретите на этих страницах. Театрал, но это не помогает читать выразительнее. Пловец, но это не прибавляет уверенности. Не поэт, но не писать не имею сил. Пишу с очень раннего возраста. Первое стихотворение я написала в пять лет маркером на обоях и посвятила его своей кошке, что вполне обычно для маленькой девочки. С тех пор я выросла, и мои стихи выросли вместе со мной. Надеюсь, когда-нибудь посмею назвать себя поэтом. Всему свое время. А пока – рада знакомству!

* * *

Я всё чаще с улыбкой плачу
И всё реже смеюсь навзрыд.
Понадеялась на удачу,
И мой мир оказался вскрыт.

Положившись на силу духа,
Я опять попаду впросак.
Будто зрения или слуха
Я лишилась, и всё не так.

Быть должна бы на перепутье,
Оказалась на пустыре...
Мне хотелось бы не проснуться
В этом чертовом декабре.

* * *

Я ловила твоё дыхание
И плела из него стихи.
До короткого замыкания
Мы бывали с тобой близки.
Мы руками друг друга плавил,
Разжигая внутри пожар.
Но последствия возгорания
Не такие ты обещал...
Я поймала твоё дыхание
И сплела из него стихи.
Почему теперь вместо пламени
Только иней моей тоски?..

* * *

По пустынным аллеям неслышно пройду,
Драгоценные плечи твои обнимая.
Околдован тобой, я как будто в бреду,
Надышаться пытаюсь дурманящим маем.

Мы одни, и никто не спугнёт поцелуй,
Лишь с тобой разделю недалёкие звёзды.
Надышаться навек, надышаться весной.
Поллюбить невозможно ни рано, ни поздно.

Мы сейчас – неделимый союз, мы – одно.
Миллиметра не сыщется между телами.
Омут глаз увлекает безумца на дно.
Надышусь напоследок тобой или... нами?

* * *

В адском кругу чужекровных картин
В поисках двери, щелей или люка.
Сказку расскажешь, что я не один.
Слушай: шаги мои очень уж гулко
Стали звучать в тишине переулка
В адском кругу силуэтов, людей...
Вечно чужой, этим миром не принят.
И отвергающий проклятый мир.
Выход ищу, чтобы тело отринуть.
Никем не прощён. Никого не простил.
Люди без душ? Или души без тел...
Нас не забыть. И тебя не покинуть.
В адском кругу намечаю маршрут.
Ты остаёшься. Ну что же... До встречи.
Ты не поймает меня на лету.
Горят облака, одуванчики, свечи.
Я отправляюсь исследовать вечность.
Я за душой ухожу в пустоту.

* * *

Уезжаешь? Ну что ж... Отлично.
Просто помни, что я люблю.
Мои чувства сожгли, как спичкой.
Память тоже отдай огню.

А потом уезжай. Не плача.
Я останусь ещё жива.
Только, вылета час назначив,
Снова вспомни мои слова.
Повторяй их потом, как мантру.
Повторяй их всю жизнь свою.
Только не прилетай. Не надо.
Просто помни, что я люблю.

* * *

Давай уедем с тобой подальше,
Куда-нибудь за Урал.
А если будут звонить и спрашивать –
Скажи, что меня украл.
Давай уедем с тобой пораньше
От старых ненужных встреч.
Я полюблю все твои замашки,
Чтоб только тебя сберечь.
Давай поедem навстречу солнцу
Из тянущей темноты.
Давай сюда уже не вернёмся?
(Подписано) прежний ты.

* * *

Помнишь, чем были раньше мои стихи?
Я в них кричала, рвала на клочки себя.
Строчки – обломками бедствий, миров, стихий...
В слове любом изнутри вырывалось «Я».
Больше не так. То ли поменьше чувств,
То ли уже разучилась писать совсем.
Страшно до одури. Может быть, я проснусь
И не найду для сложения строчек тем.

* * *

Я полюблю вышивание крестиком,
Буду готовить овсяные кашицы,
Как от упавшего с дерева листика,
Пусть ничего от меня не останется.
Мысли свободные юности ветренной
Пусть унесет сквозняком через форточку
В мир без ответов, такой неизведанный,
Перебивающий душу по косточкам.
Я же останусь в бетонном укрытии,
Грудю замков повешу на выходе.
С детства меня научили родители
Быть человеком, которого видели.
Вот же, мамуля, я милая девочка,
Всё проживала твоими советами.
Утром мне небо причудилось в клеточку.
Мама, ты точно хотела мне этого?

* * *

Стынет лавка под тенью фонарных столбов,
Ты вырастаешь в меня. Я к тебе не готов.
В этих черных ночах зимним холодом свет.
Повисает во мне на вопрос неответ.

Под ногами хрустит, ветер свистом в ушах,
Зря я вышел из дома. Ты ставишь мне шах.
Я из черного в белый шагаю квадрат.
Я влюбился в тебя. И ты ставишь мне мат.

* * *

Ветер что-то насвистывал
Флейтами ржавых труб,
Молчаливо-неистово
Чувства слетали с губ.
Листья все были списаны.
Каждый последний миг
Им казался невысказанным.
Строчки слетали с книг.
Бой гитары над пропастью.
Струны – как провода.
Паучок в невесомости
Плел паутинку льда.
В неудержанном рвении
Капли сплетались в вальс.
Их приют, к сожалению –
Уголки твоих глаз.
Я просила прощения,
Но сигнал пропадал.
Осень – это падение
Времени в никуда.

* * *

Время – просто число случайное,
Но к закату всегда час пик.
Ты молчишь под моё молчание.
Наша встреча зашла в тупик.
Все «приветкакдела» – из прошлого.
Все «в порядке» уже соврал.
Мы настолько с тобой изношены,
Что, пожалуй, уже пора...
Только я, как ребенок выросший
Из любимых своих вещей,
 Попрошу: постирай и высуши,
Если где порвалось – зашей...
Я ещё не готов к прощанию,
Но и слов мне остаться нет.
Я молчу под твоё молчание,
А на небе стихает свет.

Молодые берега

Дарья Фао

О себе: Дарья Фао. «Апологет животворящей пустоты».

Дата рождения: 6 мая 1993 года.

«Поэзия – мой способ переодеть и отпустить эмоцию. Она дарит освобождение, понимание себя и порой буквально помогает творить действительность».

Я – Жи.В.В.¹

Я буду всем.
Позвольте ногам моим следовать
За вашим безумием.
Я буду нем
И истине вашей, следовательно,
Не поврежу слабоумием.
Я буду хром,
Чтобы строй не нарушить ваш
Неверным, ровным шагом.
Я вашим флагом
Освящу свой дом.
Я буду тих,
Если вы кожу мою потребуете ссечь
С тонких костей моих —
С этих худых
И больных
Плеч.
Я буду всем,
Чем дано стать этой федерации
Нерешенных проблем.
Буду обогащать корпорации,
Посещать конференции,
Терпеть инфляции
И метастазы
Чужеродной нации
В пульсации
своих вен.
Я буду всем.
И вскоре я переживу вас всех,
Перерасту сто веков,
Прожую ваш век;
И новый человек
Станет портным прорех
В гобелене вашем.
И тогда для него,
Перестроив пространство
И не канув к гордыне в плен,
Я – стану всем.

Январь 2012 год.

Я ЧУВСТВУЮ.

Я чувствую все свои кости
И слышу, как циркулирует кровь.
Откланяйтесь своей молодости —
Скоро стянут мясной покров!
Я чувствую в позвоночнике
Вибрации старых веков.
Разграблены все источники,
И погребальный костер готов!
Я чувствую себя хрупко,
Не отвечаю ни на единый зов –
Астения меня, подруга,
Жалеет до скрипа зубов.
Я чувствую – я вне времени
В этом завороте миров.
Только Вы, пожелав, перемените
Всей эпохи своей эпилог.
Я чувствую – мысли те же
Гнездятся у ваших голов:
Живших замертво толкните же
К пустоте в разъявленный ров!
Я чувствую, Сфинксу хочется
Рассмеяться во сто голосов.
Я чувствую – время кончится,
И не будет прощальных слов.

AUTOPSIA PRAEMATURA²

раскройте грудную клетку –
я хочу видеть биение сердца,
я хочу слышать, чем тело дышит,
чем голос ваш наполняется.
раскройте по спаям череп –
я хочу выскоблить мыслей разлад.
Позвольте замерить в своих головах
до какой ватерлинии наводнился Ад.
раскрошите душу по поз-вон-кам –
всю ее хочу до единого рубца!
весь ее вздор и хлам!
и гарантию с фирменным знаком Творца!

¹ Я – жизнь. Время. Вечность

² Praematurus (лат.) – преждевременный; autopsyia – вскрытие.

разрешите, я выпотрошу вас до конца –
я хочу ваш смысл, истину, вашу суть!
ее понять, ее вдохнуть, воедино слиться!
хочу насквозь вас знать
и как книгу знакомую читать ваши лица!..
...но не кроется правда на острие ножа –
и безумьем дрожа, взвою – «да, как же!!!?»
этих нервов и мяса груди!?
откуда в ней Человек – откуда!!!?
где Вы тлитесь, где выжжены!!!?
покажитесь!!!
кто же, да, кто же Вы?!!!

Апрель 2013 г.

* * *

Шарниры закручены до хрустального хруста,
На натянутых жильных струнах играет свет.
Сегодня ... я целовал пустоту в уста,
И она ... молчала в ответ.

3 января 2014 г.

* * *

Во мне молчат иссушенные струны;
Во мне мертво движение речей;
И стон моей беспозвоночной шхуны
Шрапнелию застрял в груди моей.

4 января 2014 г.

ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ

Позвольте зашориться, зашториться
И шариться в самом себе.
Разржавились рессоры сердца,
Сжимают грудь грубей.
Меха дыхания схилели, ссохлись:
Хрипеть – не колыхнуть
Чертогов реберных, крутую грудь.
Спины надтреснутой разомкнул свод:
Кнут нервов хлещет, свищет и дерет.
На кожном полотнище нищем вязь:
Кровосочится скоропись
По жилистости рук ложась
Оттенком синевы.
Не выгноить, не выгнать злую ржавь,
И сладость слабости слепит.
Пусти, пусть будет пустота – оставь.
Окостеневший механизм – пусть спит!

13 мая 2013 г.

* * *

Истомленная бесконечность
шарфом ложиться мне на плечи.
Ей всё равно – кричи иль не кричи.
Во мне мешается благоговенье к встрече
С удушью затухающей свечи.

26 января 2014 г.

IDENTIFICO

Скалозубое поднебесье чрез шершавый язык полей изливает речную влагу.
В поднебесье – весь я: воплощаюсь в земную твердь, вторю каждому шагу.
Скороветрым движеньем губ пробегаю испуганный лик разрушенной церкви.
Старый жилистый сруб идолических древ распустился в моей крови.
Шелкокрылый рой птиц разгнезвился в ветвях кровеносных сосудов моих.
Вешний гром, пробуждаясь, теснится в подреберных сводах – с истомой, и
Яснеют соцветья созвездий на древних ладонях – от линии к линии.
Я – лишь выбеленная пустотою страница, полустих – полустрока,
А Вселенная в каждом выдохе ширится, умещаюсь на кончике моего языка.

2 октября 2014 г.

* * *

Я дышу как лес, тронутый сажеей заката, что вычервлен срубом труб.
И как с холмов – со спины покатою тянет время бетонный плуг.
Чует тело, под теплой оленьей кожей прорезается первый рог —
так во мне, пропотевший дрожью, страх от прикосновенья рук.
Задичаю – в печали уйду буреломами, перегрызши зло сбрую дня...
Волком, вспоротым, но не пойманным — нутро алое подымаю.

05 апреля 2015 г.

* * *

Расскажи, расскажи мне, краток ли мой путь?
Веки закрыты, значит взгляд – вглубь...
Расскажи, расскажи мне! Если не ты, то кто
на сплетенных бычачьих жилах расстелет музыку пустот?
Сыграй мне молча, незряче всё, что меня ждет: как с неудачей удача руки переплетет.
Как будет дальше и дальше шпорить меня день.
Расскажи, расскажи: обгону ли собственную тень?

12 июня 2015 г.

Переводы

Саир Зайнеддин

Писатель, поэт и переводчик Саир Зайнеддин, который сейчас живет и работает недалеко от Алеппо, посвятил любимому поэту Сирии оду.

Чем интересен этот человек российскому читателю? Высшее образование он получил в России. Выпускник Электромеханического факультета, Университет Дамаска, 1986 г.

– кандидат технических наук, Москва, 1993 г.

Удостоин Премий:

– Орден алжирской Национальной библиотеки, 2008 г.

– Орден ливо-русского дома, 2009 г.

– премия журнала «Литературная позиция», 2005 г.

– Поощрительная премия перевода, Союза арабских писателей Сирии, 2011 г.

– Поощрительная государственная премия по литературе в 2013 году.

– Медали им. Л.Н. Толстого и диплома им. Шекспира на Национальной литературной премии Золотое перо Руси 2016 г.

В Дамаске выпущено 7 книг его стихов. И множество книг переводов русских авторов Булгакова, Есенина, Брюсова, Достоевского – всего около 20, и множество работ по литературной критике.

Поэму Саира Зайнеддина, посвященную Аль-Мутанабби, мы представляем нашим читателям.

ПЕСНИ на АЛЬ-МАНСИ.

Сирия. Дамаск

Перевод Светланы Савицкой

Слово от переводчика

НЕМНОГО АРАБСКОЙ ПОЭЗИИ

Что для нас арабская поэзия? Автор книги «Абракадабры. Декодировка смысла» Николай Вашкевич утверждает, что русский и арабский разошлись когда-то из одного корня и являются системными языками мозга. Всякое непонятное слово или выражение надо написать арабскими буквами, получившееся найти в толковом арабском словаре и прочитав толкование.

Что же касается поэзии арабского мира – она таит в себе скрытые смыслы и глубинные понятия, удивляя и восхищая. Наиболее выдающимся поэтом арабов считается Абу-т-Тайиб Ахмад ибн аль-Хусейн аль-Мутанабби. Он родился в Куфе (современный Ирак) в семье водоноса. Когда карматы напали на Куфу в 924 году, он ушёл с ними и жил в пустыне, изучив их диалект арабского, близкий к классическому арабскому. В 932 году он возглавил восстание карматов, выдавая себя за пророка; после поражения восстания попал в тюрьму. За это он получил прозвище, Аль-Мутанабби. В 935 году его освободили из тюрьмы, и он стал странствующим поэтом, зарабатывая деньги стихами. В 948 году был принят ко двору халебского князя Сайф ад-Даулы. Многие его произведения написаны под покровительством князя. Покинул двор в результате интриг и в 957 году поступил ко двору Абу аль-Миск Кафура в Египте. Пытался стать губернатором Сидона, но не был назначен, и в отместку написал сатирическое стихотворение на Кафура и вынужден был бежать в 961 году. До 965 года был при дворе в Ширазе, затем в сентябре 965 года совершил путешествие в Куфу, где и был убит, предположительно в результате мести за оскорбление.

От аль-Мутанабби до нас дошли свыше ста од (касыд) и до двухсот мелких стихотворений и фрагментов. Его язык богат, а композиция поэзии содержит новшества. Лирический герой аль-Мутанабби чрезвычайно горд; в одном из стихотворений он утверждает, что его поэзия столь мощна, что даже слепые могут её читать, и слова столь наполнены значением, что даже глухие их слышат.

Его перу принадлежит диван, состоящий из 289 касыд и небольших поэтических отрывков (мактуат). Касыды делятся на 5 циклов: «Шамият», «Сейфият», «Кяфурият», «Амидийат», «Ададийат».

Специалисты называют Мутанабби поэтом – новатором, который завершил длительный процесс развития средневековой арабской поэзии. Традиционные для доисламского периода сдержанность и суровость сменились в его касыдах красочностью описаний, насыщенных гиперболами и космическими сравнениями. Стихи Аль-Мутанабби совершенны в звуковом отношении.

Аль-Мутанабби был убит неким Фатихом аль-Асади за сатиру, высмеивающую его сестру.

Перевернув страницы тысячелетий, мы находим следы Аль-Матанабби в современной поэзии.

ПОСЛЕДНИЕ ТРЕВОГИ МУТАНАББИ

Ты потерял мечту Эмиром стать.
Ты потерял Года. И кубок выпит...
Ты заставлял себя переезжать
с Ирака – в Сирию, из Сирии – в Египет.
Кто продает перо за Эмират?
И кто подарит меч тебе, став ближе?
Но ведь мечом он станет угрожать!
Бросай же пыль дороги!
Отдохни же!
Пронзая одиночество пустынь,
Ты вытираешь вновь и вновь от праха
Клинок мечты. И сумасшедший Рим
На Севере беснуется от страха!
И наши оккупанты, привязав
Коней своих у пальмы в святотатстве,
Их ужасают! Ужасаюсь я,
Царей на каждом метре видя рабство.
Считаешь ты спасителем себя?
Но будь почтительней. Ты – главный из поэтов!
И страны те, поэзии не зная,
Твоим пером талантливим воспеты,
Тебя распяли.
И изрек Султан: «Господь лишь я!»
Вернись же, друг, к поэме!
Динары принцев, золота обман
Оставь все это, радуясь измене!
Ты будешь дальше двигаться быстрее
Стремительного огненного шага,
И мыслью сна пленять красавиц всех,
Сердца людей пронзишь глагола шпагой.
И к путнику, что постучится в дверь,
Вином и пищей станешь благодатной.
Бросай же злато злобных королей
К поэме возвращайся необъятной.
Её ты станешь истым королём,
Строителем полей, садов и храмов,
Она не выдаст, не пронзит мечом
Предателя, в ночи у балагана.

И пепел тела твоего в степях
Однажды рано утром не рассеет.
Не переспит с рабами во дворцах,
И честь поэта сохранить сумеет.
Вернись же друг к поэме!
Лишь она дороже злата и богатств несметных.
Все царства эфемерны, но в веках
Одна страна поэзии бессмертна!

1993

УЕЗЖАЙ, ПОЕЗД!

Секрет уходящего поезда
В душе моей на платформе.
Узлом затянувшего пояса –
Волнение где-то у горла.
Разлуки часы не затягивай,
Неси к тополям белолиственным.
От ран застаревших не вздрагивай,
От глаз и родных и таинственных.
Мы вдаль унесем от той весны,
От юношеского максимализма.
От самых прекрасных и сладостных
Мгновений стремительной жизни.
Секрет уходящего поезда
В его бессердечной утробе.
О! Если бы я с той же скоростью
Забывать мог о тех, кто мне дорог!
И прирастал к скитаниям,
На снежной искрящейся замети,
К разлукам и расставаниям,
В пространствах мятежной памяти.
Но только душа моя соткана
Огнями, страстями в терниях.
Секрет уходящего поезда
В разбрасывании нас по времени.
В утробе вагонов медленных
Объятия и желания
Утонут в пролетах ветряных
И в поцелуях пламенных.

Секрет уходящего поезда
В крови моей перебесится.
Разлукою сердце вскроется
Раскромсанным полумесяцем.
Сосуды души воспеются
кровавым вином страдания,
и через край расплещется
в раскаяниях душа моя!
Я выйду на первой станции,
О! Если бы сердце было бы
Твое не стальной субстанцией,
Почувствовала б слёзы, милая.
Разорванные объятия
Тайгой, городами, странами,
Языческими проклятьями,
Не смоются океанами
На острове необитаемом.
Секрет уходящего поезда
Не защитит страдания.
И сердце не успокоится.
Секрет уходящего поезда
В полете сокола гордого.
В обмене ума и совести.
В обмене любви на Родину.
Отчизна песен и подвигов,
Трагедий и бед бесчисленных
Дамасской ты стали Родина,
Султанов, ничтожных мыслями.
Конфликтами ты расколота.
Измучена силой черною.
К курьезам нужды и золота
Вернусь я сыном покорным.
Вернусь!
Чтобы мама хвасталась
Соседкам моим дипломом.
Прошепчет: «Он справился с ласками
Блондинок в дали от дома!»
И, пыль вымывая дорожную,
Очистит меня от страдания.
Неси меня. Поезд, на Родину!
В прозрение осознания,
А та, что тенью идет за тобой, –
Глупейшая из всех женщин,
Не видит, за взглядом араба – боль,
Не чувствует бесконечность!
Гнездятся лишь пчелы в ее душе,
Упрямыми фуриями,
Как кошка дикая в мираже!
Умнейшая или дура?
Ведь знает, конец меня ждет! Конец!
Болотная топь! Неволя!
Красавица! Мода – ее венец,
А мне – от костра уголья!

Она как всегда в сад цветущий свой
Войдет, улыбаясь ветру,
Она нарядится в наряд золотой,
И выйдет на оперетту.
Она улыбаясь оденет шаль
И выпорхнет бабочкой милой.
Ах! Если бы только моя печаль
На сердце ее отразилась!
Но я бы хотел, чтоб она, как тень
Печаль мою бросив в мусор,
Решительно затворила дверь
Пред птицей любовной музыки.
А я, закаленный, как сталь, вернусь
С победою в город детства
Друзей созову, и скрывая грусть,
Отпразднуем радость вместе.
Оденусь, как принц, в золотой хитон,
У жертвенника остыну.
И постарею от боли той,
Портьерой любовь задвинув.
Сувейда 1993–1994 г.

ТВОЙ ЛИК

Твой лик –
дождливый день и сердца крик,
загадка старых окон, песни яркой,
и майская гроза, и снов ледник,
и ветра проводник –
твой лик...
Твой лик
среди походов и интриг –
Исход народов из пустыни жаркой
И чаек над волной в полете миг,
И наслаждения тупик –
твой лик.
Твой лик – судов за океаном пик,
Языческое таинство гадалки,
И вечность концентрирующий сдвиг,
Луны язык –
Твой лик.
Твой лик,
к могуществу богов приник.
Он сделает меня царем вселенной!
Благодаря ему и я достиг
Блаженства напрямик...
Твой лик –
Прозрачный дух
Младенцев и старух –
Луну и солнце соберет в ладонях.
Надменность в сердце бедном похоронит,
Не разрывая круг,
Где наслажденье двух!
Твой неземной волшебный чудный лик –

В любви чарующей, суровой, зримой, вечной!
 Божественно-прекрасной, человеческой,
 он неожиданно воздвиг сонета штрих.
 Как я люблю его, твой лик!
 Пусть он уйдет и возвратясь свободным,
 Заставит снова трепетать тростник,
 И молодости стих.
 Твой лик.

06/01/1994

ОН ВЕРНЕТСЯ ЕЩЕ РАЗ

Ты проснешься с утра – и изменится всё:
 Как жасмин, распустившийся от сновидений,
 Вдруг улыбка осветит сияньем лицо,
 Ты посмотришь вокруг вдохновенно.
 Моё имя тихонько слетит с твоих губ,
 Как молитва, как вздох синей сказочной птицы,
 И вспорхнет от постели к балкону в снегу,
 И обратно слетит на ресницы.
 Если б ты принесла, как и раньше в постель
 Чашку кофе, и стол на двоих нам накрыла...
 Только пепел от тех сигарет прогорел,
 И в окурках мечтаний остыл он.
 Тот, кто клятву нарушил – предаст снова в ночь
 Обещания воспоминаний забытых.
 Отрицай, я смогу эту боль превозмочь.
 И тебя никогда я не выдам.
 Провоцирует пусть деканат, институт,
 И учебный процесс, нарушая меж плясок,
 Твои непослушания позовут
 в мир пролившихся слёз из-под масок.
 Эти слёзы, как темные птицы потом
 Приземлятся на тОполя ветви печально,
 Ветер снимет с тебя элегантно пальто,
 Грустью высушит необычайной.
 Политических прений бесплоднейший бред
 Удлинится дорогою тусклой и дальней.
 Но ты помни – я близко, твой верный поэт,
 Расстояньем – в два мечтанья.
 Поневоле уехавший, время дробя,
 Уничтоженный пламенем искренно-нежным.
 Но дыханье мое окружает тебя,
 Как вуаль из любви безнадежной.
 Позовешь, я вернусь, как пиратский корабль,
 Точно вождь диких доисторических греков,
 Я добуду тебя, словно золото Синдбад,
 У разбойников смелым набегом.
 Позовёшь и послушный влюбленный слепец
 Из источника адава, сна невозврата,
 Прилетит, и вернется к себе, наконец,
 Прикорнув на плече у Евфрата.

Халеб 31/07/1994

СПАСИБО ЕЙ

Спасибо ей.
 Огромное спасибо.
 За то, что вновь приходит из мечты.
 И покрывает шрамы горделиво
 Цветов охапкой дивной красоты.
 Спасибо ей, что птицы трепетали
 В моей крови.
 Что стройною сосной
 Она являлась следом за мечтами,
 Ладонями борясь с моей тоской.
 И лишь накроет проливная туча
 Лоз виноградных трепет, и ветвей,
 Спасибо женщине – мне станет лучше,
 Свежее станет и планете всей.
 Земля в несправедливости вращенья
 От лжи, что гнездами свивает зло,
 В неугасимость звезд зовет прощеньем,
 Спасибо ей – мне сильно повезло!
 И одиночество разрыв нарушив,
 И монотонность буден разведа,
 Вновь заколдует ласковую душу,
 Наполнит сердце радостью, шутя.
 Благодарю, что снова грусть забуду.
 Спасибо за луну чрез наш балкон,
 Что стыд наш не заметит, не осудит,
 Тела оденет в призрачный хитон.
 Спасибо за прекрасную дорогу,
 Где поцелуями усеяв дни,
 На струнах слёз мы поклялись друг другу,
 Что не обманем, чувства сохранив.
 Моя очаровательная лгунья,
 Ты говорила, что я был любим
 И первым и последним. Ты колдунья
 Мгновеньем счастья была моим.
 Спасибо, что любил я беззаветно,
 Как будто жил взахлеб, последний миг.
 Я точно виноградник неприметный,
 Что вызрел в срок, лозою к ней приник.
 Спасибо за счастливый домик рая,
 Где под крылом божественных забот
 Мы вместе с нею мебель выбирали
 Цветы и шторы, в детскую полог.
 Но вдруг рассердится мое виденье
 И унесется вдаль за облака.
 Спасибо радости. Спасибо вдохновенью.
 Спасибо, что надежда не легка.
 Спасибо и за то, что я повсюду
 За ней последую, ну хоть в Эдемский сад.
 Пускай одна она войдет. Я ж буду
 Разбито одиноком у двери ждать.

Халеб / 9/1994

СКАЗКА

Посвящено Салаху
В сказке жизни моей я красотке сказал:
«Ты прижми меня крепче к груди,
И мои ты добавь к своим нежным мечтам.
Чуть помедли! Не уходи!»
И глаза, от желаний сгорая своих
В полукруге дрожащих ресниц
Нашу ночь освещали одну на двоих,
И снега станций падали ниц.
Вторая песне былой, повторяла она,
Целовала два раза в уста,
Отпивая, шутя из бокала вина,
Прежде чем нам отправиться спать,
Говорила: «Не пой о любви, соловей,
Той девчонке, что так не скромна.
Клятвы, что отдаешь ты в порыве страстей,
До рассвета забудет она!»

...

А потом пролетели, как птицы, года.
Я случайно увидел ее.
Я узнал сквозь дождливые холода
Свою девушку с новой семьей.
Браком женщина вроде довольна сполна,
Две девчонки и муж молодец.
Но, когда о делах вопрошала она,
Рассмеялась на мой интерес.
В сказке жизни моей я красотке сказал:
«Ты прижми меня крепче к груди,
И мои ты добавь к своим нежным мечтам,
Птица хитрая, не уходи!»

Сувейда 17/11/1994

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ СЕЙЧАС

Люблю тебя сейчас
Не тайно – напоказ.
Не «после» и не «до»,
в лучах твоих сгораю...

Владимир Высоцкий

Люблю я в этот миг
Люблю я в этот час,
И за минуту до,
И после через год.
Я вовсе не постиг
Загадки без прикрас.
Сто тысяч лет назад
Любил я без забот.
У Нила воздвигал
Я храмы для тебя,
Иль хижины из пальм –
Не важно! Я любил!

И у Евфрата стал
Влюбленным навсегда
Я ненавижу «Был!»
Любить буду всегда.
Что толку молодым
Болтать о глубине –
Люблю, как дьявол я
И я люблю, как Бог,
Любить буду седым,
Как лилию во сне,
Как капельку дождя,
Как радости веноч.
Милей прекрасных книг
В домах Иштара жриц
Ты – наслажденье лун,
Люблю тебя сейчас.
Мне не дано любить
Других, кроме тебя.
В тумане растворюсь,
Уйду в рассветный час.

Халеб 14/01/1995

ТЫ ЛУЧШЕ

Ты лучше
Нежной сбывшейся мечты,
Ты лучше
Лжи, прочтенной во спасенье,
Ты лучше,
Чем весенние цветы,
Ты лучше,
Чем подарок в день рождения.
Ты лучше
мудрых песен старика,
Ты лучше
Соловьиных звонких трелей,
Ты лучше
В зной спасенья ветерка,
И голубя урчание в апреле.
Ты лучше
Восхитительной Звезды,
Что в небе летнем со всем миром спорит.
Ты лучше
Редких устриц красоты
Коралловых дворцов в глубине моря.
Ты лучше
Бабочек, что пьют росу.
Брюнетка! – Точно одержим тобою,
Я, как олень мечусь – один в лесу,
Прострелянный стрелой любовной боли.
Как будто из охотников заслон,
Или волками загнан я в неволю.
Смогу ли выплыть я в реке времен,
Растерзанный, раскромсанный тобою?

Сувейда 06/10/1995

Переводы

Салам Сарван

Салам Сарван – известный поэт-модернист Азербайджана. Родился в 1966-м году. По образованию экономист. Автор четырех книг стихов и ряда публикаций. Стихи переводились на русский, английский, украинский, турецкий языки. Живет и работает в Баку.

Перевод Ниджата Мамедова

ЛЮБОВЬ

Бомж, каждый день собирающий
хлебные корки из мусорных ящиков...
на сей раз собирал выброшенные увядшие цветы
своей подруге в подарок.

СИТУАЦИЯ

Я от поездов почти неотличим:
для них есть лишь один путь
выхода на свободу с рельсов-оков – катастрофа!

МУЖЧИНА

Хлеб, добытый тысячью мук,
делит дома каждый вечер –
каждому кусок:
детям, жене и себе,
и в мышеловку чуток...

ТРОПА

Тоскую...
мысли кружатся вокруг тебя,
хождением по комнате
я проторил тропу на паркетном полу.
Порой по «тропинке» той
на велосипеде катается мой маленький сын.

ЛИНИИ

Ладони стариковских рук,
раскрытых перед гадалкой,
показывали всё то же самое:
«В 17 лет найдешь свою любовь...»

КАНАТОХОДЕЦ

Этот старик, чья молодость прошла на канате,
теперь утешает себя на мосту.

ВСЯКАЯ БЕССОННИЦА

Разнится бессонница в глазах
неспящих в один и тот же час ночи.

В эту тихую ночь я размышляю
о своих близких, оставленных вдали.
Только сейчас я понял:
солнечный свет лишь для того,
чтобы видеть близь,
а ночная тьма – даль.

ДЕРЕВНЯ И САХАР

Дом в деревне, где я родился и вырос,
обвалился теперь.
Тот дом покинули все и всё.
Но муравьи, облепившие сахар,
что я надкусил и бросил на пол в детстве,
всё еще там.

ИЛИ

Всё еще не ведаем, что значит любовь:
целовать после постели женщине руки
или целовать кусок хлеба с голоду?

EXIT

Покинешь мир, словно квартиру –
выключишь свет, запрешь дверь и подумаешь:
ничего не забыл?
никого не забыл?

ПОВЕРХ ПЛЕЧ ЛЮБИМОЙ

Поверх плеч любимой,
к лицу которой прижимаем лица
мы смотрим на тех, кого покидаем.
Понял теперь, почему, по сути, скучаем?!

КАК ТРАМВАИ...

Подождали бы еще чуть-чуть
и мы вернулись бы как трамвай
к тем, кто глядя вверх видит наши провода,
а глядя вниз – наши рельсы.

МАНЕКЕНЩИЦА

Не стоит бояться...
В соревновании самоубийц, бросающихся
с высоты,
первый приземлившийся тоже победитель.
Не стоит скучать...
На свете еще много чего интересного:
к примеру, походка манекенщицы,
демонстрирующая всю ее душевную боль.

ЖИТЬЕ

Стакан воды, по сути, жизни лишен:
вода живет в состоянии замораживания и таяния.
Земля, вынутая из вырытых ям и колодцев –
уже мусор.
Так и ты, дружище, не живешь почти:
медленно выпадают твои волосы и зубы –
только это и есть признаки жизни.

ВЗГЛЯД

Я предстал пред тобой как оконное стекло,
чтобы ты сквозь меня увидела мир.
Но ты посмотрелась как в зеркало и мимо прошла.

ПАССАЖИРКА

О, Пассажирка, оставшаяся стоять
в переполненном битком вагоне...
Я встаю со всех своих мест,
что в этом мире у меня есть –
извольте присесть.

ОДНИМ УТРОМ

Рано ли, поздно ли это случится:
Когда все люди одним утром
вместо приветствия
попросят друг у друга прощения.

СИММЕТРИЯ

Вижу как твои глаза с любовью смотрятся друг
в друга,
как твои пальцы страстно переплетаются,
как твои ноги с наслаждением ложатся друг
на друга.
Даа, в симметрии каждого тела есть двое –
женщина и мужчина.

ЖИТЬЕ

В грозу забегаю домой,
в землетрясение выбегаю наружу.
Для перемещения
нет иных каких-то причин.

СУДЬБА

У этого бедняги снова рухнул дом,
возведенный в мечтах –
от оползня в душе.

ФОТО И ФОН

Вчера сильно заскучал.
Вывалил перед собой все фотографии:
я смотрел не на запечатленных людей,
а на деревья и здания, составившие фон.

СРЕДИ ЧУЖИХ ВЕЩЕЙ

Говоришь, что тверд и грозен?!
Но это всего лишь твердость
мокрой одежды, схваченной морозом.
Говоришь, что одинок в целом мире?!
Но это лишь одиночество человека
среди чужих вещей в семной квартире.

ГУЛ ХОЛОДИЛЬНИКА

Эту пустоту и бессмысленность
никто не заполнит лучше тебя.
Чем выпивать с продажными друзьями
или попусту бродить по улицам
лучше целый день торчать у входа метро –
обманывать и обманываться
будто ждешь кого-то.
Предав забвению всё и всех, считай, почти мертв.
Лишь прерывистый гул холодильника
напоминает порой о течении жизни.

ЗАЙКАТЬСЯ РУКАМИ

Придет время... И твои руки, которые
некогда одним угрожали, другим вслед махали,
А третьих ласкали, состарятся и станут трястись.
То есть, придет время, и твои руки,
некогда бегло говорившие знаками, отсохнут.
Заикаться руками ужаснее некуда!

САМИ

Надписи на лентах венков перед памятниками,
на подаренных сувенирах, на надгробьях родных,
мы поручили написать другим.
Даже слово «мама» на нашу руку
наколот другой.
Что же мы сами написали?!

Берега Памяти

Людмила Голенищева-Кутузова

Родилась в Москве. В 1967 году закончила Московское Театрально-художественное училище (МТХТУ) по специальности «Художник по театральным куклам». Работала по распределению в театре кукол С.В. Образцова. Затем, до 1985 г. на Центральном телевидении мастером по изготовлению кукол для передачи «Спокойной ночи малыши», художником-постановщиком кукольных передач, а затем, руководителем мастерской по изготовлению телевизионных кукол.

С 1985 по 1989 г. работала художником-постановщиком в Детском музыкальном театре Наталии Сац. Закончив в 1994 г. двухгодичную иконописную школу, до настоящего времени работает художником реставратором древнерусской живописи в мастерской при храме Равноапостольного князя Владимира в Старых Садах, что в Китай городе. С 2014 г. состоит в Ассоциации художников Российского Дворянского Собрании, участвует в ежегодных выставках, проводимых Ассоциацией.

Пять поколений Голенищевых-Кутузовых на службе Отечеству

Недавно женщина-туроператор, просматривая мою анкету на визу, участливо спросила: «Как же Вы живёте с такой фамилией?» Однозначного ответа не получилось. И я задумалась: кто из моих родителей проявил большую заботу о будущем ребёнка – отец, который записал в метрику родившейся дочери «Кутузова Людмила», или бабушка, восстановившая полную фамилию внучке перед поступлением в школу? Наверное, каждый из них был по-своему прав. В 1945 году мой отец, Вадим Дмитриевич Голенищев-Кутузов, сын репрессированного «врага народа», старался обезопасить свою дочь от будущих проблем, связанных с этой громкой фамилией. У бабушки, его матери, взявшей меня на воспитание, были в 1953 году другие мотивы. После смерти Сталина появилась, видимо, надежда на восстановление справедливости и на «светлое будущее», поэтому надо было сохранить для потомства фамилию древнего знатного рода. Отец был категорически против, возник конфликт, ссора, но бабушкин патриотизм одержал победу: фамилия была восстановлена. К сожалению, она уже почти угасает: её носит моя дочь и две троюродные сестры, живущие в Балашихе и Гомеле.

Дворянский род Голенищевых-Кутузовых ведёт своё происхождение от «мужа честна» Гавриила Олексича, выехавшего «из Прус» в Новгород Великий в середине 13 века на службу к Александру Невскому. Его сын, Андрей Гавшич, занял видное место среди Новгородской боярской аристократии: это имя значится среди патронов церкви Спаса Нередицы под Новгородом, где он был похоронен вместе со своим сыном Прокшей. Его правнук Александр Прокшич по прозвищу «Кутуз» (бешеный по – татарски) стал родоначальником Кутузовых, а боярин Словенского конца Новгорода, Василий Ананьевич Кутузов по прозвищу «Голенище» стал родоначальником рода Голенищевых-Кутузовых.

Голенищевы-Кутузовы неоднократно упоминались и в ратной службе, и в посольских делах, и в дворцовых интригах, и в междоусобных династических распрях великих московских князей. В седьмом колене Голенищевы-Кутузовы вышли в окольничьи, избирались в члены великокняжеской думы. При Василии III Фёдор Юрьевич Голенищев-Кутузов стал боярином, а его потомки начали родниться с высшей аристократией России. Так, например, две дочери Андрея Кутузова вышли замуж за князей Фёдора Андреевича Куракина и Василия Фёдоровича Телепнева-Оболенского, а его третья дочь Мария, повелением Ивана Грозного, была выдана за последнего Казанского царя Едигера, в крещении Симеона.

Отец нашего знаменитого полководца Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова, Илларион Матвеевич, находился в троюродном родстве с отцом Тимофея Ивановича Голенищева-Кутузова,

Герб Голенищевых-Кутузовых

участника войны 1812 года и моего прапрадеда. Между ними была разница всего в 12 лет. Таким образом, Тимофей Иванович Голенищев-Кутузов приходился четвероюродным братом Михаилу Илларионовичу. Он родился в 1792 году, был сыном подпоручика Ивана Тимофеевича Голенищева-Кутузова. Учился в кадетском корпусе АИШКК-2КК. В 1809 г. выпущен из кадетского корпуса в чине подпоручика в 22-ю артиллерийскую бригаду полковника М.М. Колотинского. Из послужного списка известно, что на 1 января 1812 г. Тимофею Ивановичу было 19 лет. Участвовал в Русско-турецкой войне 1806–1812 гг., в боевых действиях под Рущуком (1810 г.) и Слободзей (1811 г.). Из заграничных походов – Волковыск (1812 г.), Глогау (1813 г.), Дрезден (1813 г.), Бауцен (1813 г.), Лейпциг (1813 г.), Лаон (1814 г.), Париж (1814 г.). Ранений и контузий

не имел. Был награждён орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом (В-4) за битву под Лейпцигом. В 1814 г. за участие в боевых действиях под Лаоном возведён в чин поручика. В плену не был.

В 1837 году в «Земледельческой газете» от 15 января, в статье «Возделывание льна для тончайших тканей» Тимофей Иванович Голенищев-Кутузов пишет: «Во время прохождения мною военной службы, я находился в корпусе графа Михайла Семёновича Воронцова, который, после второй Французской кампании в 1815 году, оставался во Франции в числе союзной обсервационной армии и пробыл там до исхода 1818 года. Артиллерийская рота, в которой я служил, квартировала в Северном Департаменте, в деревне Гек, между крепостями Ландреси и Кенуа». Из статьи мы узнаём, что Тимофей Иванович в течение 3-х лет квартировал у хозяина, который занимался возделыванием льна для производства батиста. А поскольку технология эта в России не была ещё известна, наш 24-х летний поручик «как из любопытства, так и по склонности к хозяйственной части» внимательно вникал во все тонкости дела и написал прекрасное руководство для российского производителя, которым можно пользоваться и поныне. Заканчивается статья так: «Географическое положение Северного Департамента даёт мне право думать, что в Южной полосе России лён для батиста удобно произрастать будет, а может быть и в средней полосе можно иметь успех, получая льняное семя на посев из Риги ежегодно». Подпись такая: «Леовский Полицмейстер, отставной Артиллерии Штабс-Капитан Тимофей Голенищев-Кутузов. Бессарабия. Ноябрь 1836 г. Это ли не пример патриотического служения своему Отечеству?»

После возвращения из Франции в 1819 году Т.И. Голенищев-Кутузов был назначен обер-полицмейстером «всея Бессарабии» и в 1820 г. произведён в чин штабс-капитана, о чём свидетельствует чудом уцелевшая в нашей семье грамота. Владел имением в Холмском уезде Псковской губернии. Был женат на дочери подполковника Аделаиде Васильевне Полтавцевой. Умер в 1844 г. Имя Т.И. Голенищева-Кутузова увековечено на одной из памятных досок Храма Христа Спасителя в Москве. Тимофей Иванович Голенищев-Кутузов имел четырёх дочерей и единственного сына Ивана, который родился в 1839 г. в Измаиле. Он пошёл по стопам отца – избрал карьеру военного.

В 1850–54 гг. воспитывался в Аракчеевском Кадетском корпусе в Новгороде, продолжил образование в Санкт-Петербургском Константиновском военном училище. В 1857 г. в звании подпоручика был направлен для прохождения службы в Стрелковый батальон, а в 1859 г. – в стрелковую командную школу. Окончил её с отличием, возвратился в батальон, был командиром роты и зам. командира по вооружению. В 22 года имел звание капитана, однако оборвал свою военную карьеру и в 1862 г. вышел в отставку.

После покупки имения Наградное под Хорошевым Иван Тимофеевич связал свою дальнейшую судьбу с Харьковской губернией. Благодаря таким чертам характера, как решительность и практичность, а также выдающимся организаторским способностям, он быстро снискал себе авторитет в предпринимательских кругах Харькова.

В 1866 г. Иван Тимофеевич был одним из основателей Первого Харьковского общества взаимного кредита и вошёл в состав его правления.

В 1891–92 гг. был членом учётного комитета по выдаче ссуд Харьковской конторы Государственного банка, а также членом оценочной комиссии Харьковского земельного банка.

Иван Тимофеевич активно занимался вопросами шелководства и лесоводства. После выступления с большим докладом на Всероссийском съезде по лесоводству (Липецк, 1874 г.), где была затронута тема о климатическом значении лесов и мерах по их сохранению, многие его предложения были использованы правительством.

Иван Тимофеевич принимал деятельное участие в общественной жизни. Консервативно-монархические убеждения снискали ему авторитет в «правых» кругах. Он избирался гласным Харьковского губернского и уездного земских собраний, входил в состав ревизионной комиссии губернского земства.

В 1883 г. Иван Тимофеевич был впервые избран гласным Харьковской городской думы. Дума избрала его Председателем Попечительского совета городских богаделен. 11 марта 1893 г. 51-м голосом против 21 гласные избрали его Харьковским городским головой.

В 1896 г. Иван Тимофеевич Голенищев-Кутузов возглавил делегацию Харькова на коронации Николая II в Москве. По инициативе городского головы это событие пышно праздновалось в Харькове.

Хозяйственные дарования моего прадеда в полной мере проявились в 1893-97 гг. Под его руководством были стабилизированы городские финансы, активно выискивались новые источники доходов. По инициативе и настоянию Ивана Тимофеевича Харьковское городское самоуправление в 1894 г. выпустило первый муниципальный облигационный займ, положив, тем самым, начало успешной практике использования в интересах города долгосрочного кредита. По его инициативе в Харькове была построена первая электростанция, проведён водопровод, канализация, посажена дубовая роща. Без его участия не обошлось и возникновение в 90-х годах 19 века крупнейшего промышленного предприятия города – Харьковского паровозостроительного завода.

Расхождения мировоззренческого плана привели Ивана Тимофеевича к конфликту со значительной группой гласных после баллотировки 1897 г. Сохранив должность (41 голос «за» и 26 «против»), он так и не смог найти общего языка с Думой и в 1900 г. подал прошение об отставке.

Иван Тимофеевич Голенищев-Кутузов был также действительным членом Харьковского губернского попечительства, председателем Присутствия по воинской повинности, членом губернского училищного совета и Южнорусского общества акклиматизации.

В 1894 г. прадед был награждён медалью в память Александра III, а в мае 1896 г. – орденом Святого Станислава 2-й степени.

Вскоре после отставки Ивана Тимофеевича постиг и финансовый крах: он обанкротился. Остаток жизни провёл в имении своей жены Варвары Сергеевны Веселовской в Курской губернии.

В 1909 г., тяжело больной, Иван Тимофеевич был перевезён для лечения в Харьков, где и скончался 8 августа того же года, в возрасте 70-ти лет. Его портрет был помещён в конторе городской электростанции, а именем его была названа стипендия в начальном училище и аллея в городском парке.

Иван Тимофеевич имел двух дочерей – Софью 1879 г.р., Евгению 1880 г.р. и единственного сына Дмитрия.

Мой дедушка, Дмитрий Иванович Голенищев-Кутузов, родился 14 декабря 1885 г. в Харькове. Учился на юридическом факультете Харьковского императорского Университета с 1903 по 1906 г. По окончании Университета включился в революционное движение, захватившее тогда буржуазную молодёжь, вступил в эсеровскую организацию, находился под негласным наблюдением полиции. В 1908 г. организация была разогнана, а весь комитет арестован, в том числе и мой дедушка. После 2-х летнего тюремного заключения он был лишён всех прав состояния и сослан в Сибирь. В ссылке занимался вопросами широко развивавшегося кооперативного движения сельскохозяйственной кооперации в сибирской деревне. Под псевдонимом «Дмитрий Илимский» издал несколько книг по этому вопросу.

В 1918 г. Дмитрий Иванович вернулся в Москву, порвал с партией эсеров и вступил в ВКП(б). Сразу же был направлен партией на Донбасс в качестве председателя Союза Рабочих кооперативов. Проработав там год, был избран членом правления Московского Центросоюза. Затем в 1921 г. он подготовил организацию Всекобанка (Всероссийский кооперативный банк) и был его председателем в течение 3-х лет. За это время банк вырос в крупнейшую финансовую организацию, имевшую 40 отделений, и сыгравшую видную роль в восстановлении кооперативной торговли. В эти годы дедушка, владевший пятью иностранными языками, неоднократно посылался партией на международные конгрессы по банковскому делу и конференции в Италию, Чехословакию, Бельгию, Эстонию.

В 1925 году был направлен в Англию на постоянную работу в качестве Председателя советского банка в этой стране и члена совета Полпредства. На него было возложено руководство финансово-торговыми операциями в Англии.

В 1926 г. Дмитрий Иванович был направлен Торговым представителем в Италию, где при его участии было подписано 3 крупных соглашения – о поставках туда нефти и угля и вывозе в Россию шёлкового сырья.

В 1927 г. дедушка вернулся в Москву и был назначен председателем крупной австрийской концессии, которую нужно было ликвидировать без конфликтов с австрийскими деловыми кругами. После успешного завершения этой операции он был назначен Председателем «Интуриста». Здесь им была организована и лично проведена первая крупная экскурсионная поездка по Союзу большой группы иностранных журналистов, которые представляли интересы около двухсот газет. Результатом этой экспедиции было появление во всей американской и европейской прессе огромного количества статей, положительно расценивающих факты советского строительства. Кроме того, было заключено много новых экономических соглашений.

В 1931 г. Дмитрий Иванович был послан партией на Дальний Восток в качестве Председателя Краевого планового комитета. А затем он работал начальником строительства Уссурийской железной дороги.

Работая в Крайплане, дедушка стремился активно участвовать в дальнейшем развитии экономики Дальнего Востока. Будучи человеком честным, бескомпромиссным, непримиримым к фальши и лицемерию, он не мог замалчивать ошибки, которые допускало руководство Союза по освоению Дальнего Востока. В 1933 году он написал серьёзную работу «Проблемы сельского хозяйства ДВК во 2-ой пятилетке», где убедительно, с цифрами доказывал, что ориентация на зерновое хозяйство в этом суровом крае ошибочна, что должен быть сделан решительный поворот в сторону животноводства и развития промышленности по переработке мяса.

Однако эта позиция Дмитрия Ивановича противоречила линии партии и привела в результате к нескольким партийным «чисткам» и даже исключению из партии.

Через некоторое время в партии он был восстановлен, однако в 1934 г. был отозван в Москву и назначен заведующим экономическим отделом и спецкорреспондентом газеты «Известия». Это было последним местом работы Дмитрия Ивановича. В декабре 1937 г. он был арестован по доносу органами НКВД, а 25 апреля 1938 г. приговорён Военной коллегией Верховного суда СССР за «государственные преступления» к высшей мере наказания. Приговор приведён в исполнение в тот же день.

В 1957 г. дело моего дедушки было пересмотрено той же Военной коллегией Верховного суда, и был реабилитирован «за отсутствием состава преступления», а партийная реабилитация состоялась в октябре 1970 г. Таким образом, честное имя Дмитрия Ивановича Голенищева-Кутузова было восстановлено.

Дедушка был женат первым браком (1907 г.) на дворянке М.И.Вишневецкой и имел от неё сына Алексея 1909 г.р., которого постигла та же участь, что и отца. Работая на строительстве комбината «Майкин золото» техником-смотрителем, он был арестован 7 июня 1938 г. (через месяц после гибели отца), и осуждён «тройкой» НКВД «за вредительскую деятельность».

Дальнейшая его судьба неизвестна. Реабилитация состоялась в 1957 году. Имел двух дочерей, семьи которых здравствуют и поныне.

Вторым браком Дмитрий Иванович был женат на моей бабушке, дворянке Нине Александровне, дочери военного врача А.И.Кузьмина (Костромской дворянский род). По женской линии Нина Александровна приходилась правнучкой декабриста князя А.И.Одоевского.

В 1921 г. у них родился сын Вадим, мой отец, жизнь которого была абсолютно исковеркана клеймом «сына врага народа».

Не успев до войны закончить радиофакультет Московского института инженеров связи, в связи с его эвакуацией, Вадим Дмитриевич в 1945 г. получил специальность инженера-синоптика на Московских гидрометеорологических курсах. Был направлен по распределению в Архангельскую область, в Гидрометслужбу ВМФ. В это время отец уже был женат на моей матери, Татьяне Дмитриевне. И вот, 24-х летнего инженера-синоптика, инвалида 2-3 группы (с детства страдал ревматизмом), с беременной женой отправляют работать на Кольский полуостров, за Полярный круг, в ненецкое стойбище, где была расположена метеостанция. Там я и родилась в полярную ночь в начале октября

1945 г. Мама рассказывала, как они с отцом вылавливали из ледяной морской воды брёвна, чтобы растопить печурку в комнате барака...

Но это было только началом скитаний Вадима Дмитриевича. Больше года его ни на одной работе не держали. В 1946 году он уже работал в метеослужбе Калининграда, в 1947 г. – в Кронштадте. В 1949 г. был уволен из Гидрометслужбы ВМФ, хотя по многочисленным документам и характеристикам с мест работы можно судить о высокой квалификации и безупречной репутации отца.

В 1949-51 гг. он работал в гражданской Гидрометслужбе в Клайпеде. В связи с этой неустойчивостью и скитаниями по стране, меня, 9-ти месяцев отроду, оставила у себя в Москве бабушка, Нина Александровна. Надеялись – временно, а оказалось навсегда. Родителям после Клайпеды предложили работу на Магадане, мама поехала первой, а отца задержали для очередной «проверки на благонадёжность». В конце концов на Магадан его не пустили. Он был направлен в 1951 г. в Гидрометслужбу г.Кирова, а в 1952 г. родители развелись.

И только в 1953 г., после смерти Сталина, отца пригласили вернуться в Гидрометслужбу ВМФ в Севастополь, где в должности старшего инженера, а затем и начальника отдела, он проработал до 1981 года.

Здесь, в Севастополе, он получил первую свою квартиру, вторично женился, воспитал двух приёмных дочерей своей супруги.

В возрасте 48-ми лет Вадим Дмитриевич Голенищев-Кутузов заочно окончил математический факультет Одесского Государственного Университета с присвоением квалификации преподавателя математики. Получил патент на открытие новой математической методики в гидрометеорологических вычислениях, которая включена в состав библиотеки методик ВМФ директивой Главного штаба ВМФ в 1973 году.

Безупречный многолетний труд моего отца на благо Черноморского флота был отмечен множеством грамот и наград. Около 10-ти лет, несмотря на слабое здоровье и инвалидность, он работал в добровольных народных дружинах по охране правопорядка в Севастополе.

В 1970 г. награждён медалью «За доблестный труд», являлся «Ударником коммунистического труда», награждён почётным знаком «Победитель соцсоревнования».

В 1974 г. отцу присвоили звание «Ветеран Гидрографической службы Черноморского флота», а в 1981 г. он был награждён медалью «Ветеран труда». Скончался в Севастополе в 1996 году, где и похоронен.

Несколько слов о моей бабушке, которая заменила мне мать, память о которой я храню в своём сердце. Взять на себя заботу в 54-х летнем возрасте о 9-ти месячной внучке в голодном послевоенном 1945-м году, имея весьма слабое здоровье и 3-ю степень гипертонии – это ли не подвиг?

Бабушка Нина Александровна Голенищева-Кутузова вообще была патриоткой своего Отечества с юности. Во время первой мировой войны служила медсестрой в санитарном поезде Земского союза, была ранена, попала в плен и освободилась только благодаря обмену военнопленными. После Отечественной войны, в 50-х годах работала в Антифашистском комитете советских женщин, за что получила медаль «В память 800-летия Москвы». А в 1927 г. в Государственном издательстве вышла её книга «Кто такие фашисты». Скончалась бабушка 87-ми лет, успев порадоваться 2-х летней своей правнучкой...

Берега Памяти

Тамара Спицына

Тамара Григорьевна Спицына¹ в прошлом адвокат, с 1989 года помощник депутата СССР Полуэктовой Т. А. 1993–1998 г. – помощник Полномочного Представителя Президента РФ по Калининградской области, специалист-эксперт по юридическим вопросам, Советник Российской Федерации второго класса.

Кёнигсберг – Калининград

Отрывок из документальной повести «Дети войны»

Мы были, были! Нет, мы не просто были, мы ещё есть!
Мы — дети Победителей.

Кто помнит о нас, детях войны? Я не слышала, чтобы когда-нибудь за прошедшие семьдесят лет сказали, сколько нас выжило, сколько погибло за годы войны. Мы и сейчас забыты государством. Мы рядом с вами, но уже облысевшие, гнилозубые, больные, спившиеся, не найдя своего идеала, обойдённые вниманием общества. Инфаркты и инсульты косят нас. Патриотизм и самопожертвование живёт в наших сердцах как ни у кого из людей последующих поколений.

Эту войну ещё будем помнить мы, дети войны!

А дальше — останутся только главы из учебника по истории, наука побеждать — для профессионалов, легенда — для людей последующих поколений.

Все годы твердилось — фашизм уничтожен, фашизм не пройдёт. И не заметили, как в сердце Европы он пустил свои корни и сразу принёс жестокость, безжалостную расправу над людьми.

Мы склоняем головы и скорбим о невинных, заживо сожжённых людях в Одессе, об убитых и растерзанных мирных жителях, искалеченных детях Донецкой и Луганской народных республик, лишний раз убеждаясь, что это — лицо фашизма.

...Осенью 1949 года моя сестра Нина приехала в Терехово, чтобы забрать меня с собой. Нина ждала ребёнка, а нянчить его было некому. Детских садиков и яслей не было. После рождения ребёнка женщинам давали всего одну неделю отпуска.

Мне было тринадцать лет, я училась в четвёртом классе.

Нина сказала маме, что берёт меня в няньки. Мама спокойно ответила:

— Бери, если нужна.

И в октябре 1949 года мы с сестрой выехали в город Кёнигсберг. Но он уже был переименован в Калининград.

Он был закрытым городом. Чтобы привезти меня, Нина брала специальное разрешение — пропуск.

Южный вокзал не функционировал, и поезда приходили на товарную станцию. При подъезде к городу проводник поезда проверял документы, наличие пропусков.

В Калининграде мне всё было в новинку. По очень узкой улице, теперь это Ленинский проспект, ходил трамвай. Город лежал в руинах. Мы доехали на трамвае до Королевского замка, внизу стоял наш четырёхэтажный, весь чёрный от копоти дом. В стенах — дыры от пуль.

Вечерами было жутко. Нигде в соседних домах не горел свет, было ясно, что люди в них не живут. Напротив нашего дома находился разбитый дом с колоннами — немецкий телеграф. На пригорке — замок. Нина сказала, что из него под землю идут ходы. В подземелье ещё остались немцы, они стреляют по ночам.

¹ До и после войны наша семья проживала на Смоленщине в деревне Терехово. Моя старшая сестра Нина в 1946 году окончила Балашихинское ремесленное училище, была распределена на работу в г. Кёнигсберг на Автогенный завод.

Я попала в такой незнакомый мне мир... В свободное время гуляла неподалёку от дома, чтобы изучить разрушенные до основания строения, осмотреть книги на немецком языке, во множестве валяющиеся на развалках, предметы немецкого быта.

Нина рассказала, что город, который считался неприступной крепостью, бомбила не только советская авиация. Немцы сильно сопротивлялись.

Нина жила на втором этаже, в маленькой комнатке площадью девять квадратных метров. Она поставила мне небольшую кровать, в свои тринадцать лет я выглядела на десять, была очень худой и маленького роста.

Семьям приезжих выделяли по одной комнате. Люди жили в коммунальных квартирах, с общими, на несколько семей, кухней и санузелом. Все друг друга знали, общались, как в деревне. На жилищные условия никто не жаловался, с просьбами об улучшении никуда не обращался, как-то было всё просто.

Отопление было печное, в углах квартир уцелели печи, обложенные немецким кафелем. Работало электричество. Конечно, я не имела представления об электричестве. В нашей деревне, да и во всём Издешковском районе, для освещения использовались только керосиновые лампы.

Выключателя в комнате почему-то не было. Нина тянула руки вверх, к лампочке, что-то делала, включая или выключая свет. Мне она эту механику не объяснила.

Когда мне понадобилось выключить свет, я стала повторять её движения. Встала на стул и начала искать кнопку включения. Но неудачно. Меня ударило током, и я упала на пол. Обошлось без травм.

В няньках

Вечерами сестра шила будущему ребёнку шапочки, пелёнки, распашонки. Всё это, с большой любовью, мы складывали в корзинку. При этом Нина, у неё был прекрасный голос, напевала песни военных лет, а я с удовольствием ей подпевала.

В своём раннем детстве я мало общалась со старшей сестрой, в 1944 году она уехала учиться. И я так и не прочувствовала, что кроме братьев у меня есть ещё и сестра.

В свои девятнадцать лет она была очень красивой. Мне казалась самой умной. Поэтому когда Нина увозила меня из дома в Калининград, я ликовала от радости. Ещё не осознавала, что меня оторвали от учёбы. Я мечтала, что здесь, в городе, будет много книг, что в свободное время я буду не только читать книги, но и учиться самостоятельно, чтобы не отстать от сверстников. Ведь все мы, дети военного времени, были переростками.

Мне тринадцать лет, а я только пошла в четвёртый класс. Однако целый год, пока я жила у Нины, ни о какой учёбе речи быть не могло. Теперь в мои обязанности входило не только накормить родившегося в декабре 1949 года малыша, мы назвали его Геней, но и натопить печь, постирать пелёнки, сварить правильную кашку. А потом, к определённого времени, успеть дважды в день отвезти его на Нинину работу, чтобы Нина покормила его грудью. Автогенный завод находился в тридцати минутах ходьбы от нашего дома. Конечно, от такой нагрузки я здорово уставала.

Сестра работала посменно, это было очень неудобно. Трудно было спланировать заранее мой день, да и её общение с ребёнком было затруднено.

Жили мы очень скромно. Лишних денег не было, но суп с хлебом мы ели ежедневно. А это — полное преимущество перед голодной деревней.

Я помню, мы ходили на рынок. Там Нина покупала только говяжий жир, чтобы на нём поджаривать лук для щей. Мне же казалось, что всё, что мы готовили, было очень вкусно и сытно.

Калининград 1949 года... Узкие улицы, немецкие трамваи, много разваленных домов. Трамваи тряслись и гремели на ходу, от тряски с разрушенных домов сыпались кирпичи. Однажды на проходивший мимо трамвай упала стена какого-то дома, были жертвы.

Город с наступлением сумерек погружался в темноту. Островок света был в районе единственного магазина, на улице Фрунзе. Этот магазин работает и сейчас.

Когда у нас заканчивался хлеб, Нина говорила:

— Сбегай-ка, купи.

А время позднее, темно. Меня не покидал страх, что вот вылезет немец из развалин. Подгоняе-

Калининградцы, 1953 год

Возле дома, 1954 год

мая страхом, я неслась без оглядки до магазина и обратно по тропинке, проложенной мною среди разрушенных домов. Сестра видела, что я очень боюсь, но не подавала вида и не подбадривала.

Своего мужа Колю Нина ждала постоянно. Он приходил в увольнение в матросской форме. В то время о материальной выгоде никто не задумывался, но за моряками девушки гонялись, этот род войск был в почёте. Сестре всё в нём нравилось, она очень его любила.

В нашем доме было много семей. В основном молодых, с детишками. Из каждой коммунальной квартиры доносился детский плач. Мама и папа хлопотали по хозяйству.

В выходные дни мы все выходили на улицу. Никаких секретов ни у кого не было. Жили как одна семья. Малышей мужики брали с собой полазить по развалкам, по немецким подвалам. Я всегда шла с ними.

Помню, зашли в подвал, осветили его свечой, а там — кресло с мёртвым немцем в офицерской форме! Даже сопровождавшая нас в подземные путешествия собака часто рычала, что-то чувствуя, возможно, боялась.

Мужчины занимались и всякого рода раскопками, находили красивую посуду, да и мебель. При- таскивали, реставрировали, переделывали. Ведь никакой мебели в магазинах не было. Железные кровати, высокие ящики с дверцами, вместо шифоньеров. Правда, можно было купить мебель с рук, у столяров, они из досок сбивали столы и стулья.

С какими только чудесами я не сталкивалась в этом разбитом городе! Был страх, что немцы вернуться.

Однажды я выглянула в окно и онемела от увиденного: с горки, со стороны замка, мимо нашего дома на мотоциклах проезжали немцы. Они были одеты в чёрную эсэсовскую форму. Промелькнуло в мыслях: всё! Немцы захватили город! Что делать, спрятаться в подвал? Услышала голоса соседей, выскочивших на улицу. Они развеяли мой страх:

— Не бойся, это же артисты! Они переоделись в немецкую форму, снимается фильм.

После мы смотрели этот фильм. Он называется «Секретная миссия». Мы видели, как в кадрах мелькает наш разбитый город, едут на мотоциклах те «немцы», которых я испугалась.

Много кинофильмов о войне снималось в нашем городе.

Неожиданно в конце ноября от мамы из Калининграда пришло письмо, в которое был вложен пропуск. В письме мама просила продать дом, если тётя Зина надумает уехать в Москву.

Ноябрь, очень холодно. Надо ехать, а у меня поднялась температура, видимо, начинался грипп. Тётя Зина сварила в чугушке картофельные очистки и заставила меня дышать паром над чугунком, накрыв одеялом и придвинув мою голову поближе к обжигающе горячему пару. На следующий день я почувствовала себя лучше. Можно собираться в дорогу.

В школе мне выдали документы. Одежда была только та, что на мне. В холщовый мешочек тётя Зина положила варёную картошку и большой ломоть хлеба. А вода есть в каждом поезде. Налегке я побрела на станцию. Настроение хорошее, только иногда мысли в голове: как же я начну учиться в чужой школе? Шестой класс, мне пятнадцать лет. Но послевоенные дети все были переростки, не одна я. С этой мыслью я села в поезд, и он повёз меня к моей цели — обязательно закончить школу

и поступить учиться. Самая заветная мечта — стать артисткой. Эта профессия привлекала не только подростков, но даже вернувшихся с войны молодых людей. Вспоминаю, как мы в деревне бежали за пять-шесть километров смотреть кино. Экран натягивали на забор, прямо на улице. С наступлением темноты начинал работать кинодвижок, и вот они: Чапаев, броненосец Потёмкин. Наши души переполнялись гордостью за любимую Родину.

Еду в поезде, напротив — соседка. Красивая, интеллигентная женщина. Она внимательно, с улыбочкой рассматривает моё лицо, мою одежду, холщовый мешочек, спрашивает о жизни. Отвечаю ей искренне и с удовольствием. Её поразило, что мне уже шестнадцатый год, а я ещё такой ребёнок — и по рассуждению, и внешне. Она положила на столик свою еду, я — свою. Стала меня угощать настолько деликатно, что отказаться было невозможно. До Калининграда мы много говорили. Я ей рассказывала что-то о войне, которая на всю жизнь врезалась в память. Приехали. Через разбитый город несусь домой. Открываю дверь — мама дома!

— А, приехала, — говорит она безо всяких эмоций, — ну проходи.

Я плюхнулась на первый попавшийся стул, и у меня сразу возник вопрос:

— Почему вы за всё лето не выслали мне пропуск?

— Да некогда было, — ответила мама.

Впервые в моей голове промелькнуло, что все были готовы похоронить меня ещё в детстве, но я выжила. Я для них лишняя и нелюбимая. Полное безразличие к моей судьбе. А я так скучала по ним! Особенно по маме.

Но рассуждать нет времени, надо было срочно относить документы в школу.

Городская

Наш микрорайон относился к 23-й школе. Большое немецкое здание с огромными окнами.

В классе такие же подростки, как я, и старше. Безо всяких усилий я влилась в жизнь класса, быстро освоив пропущенные темы.

Жили мы в том же доме, где и Нина, только на первом этаже, в двух комнатах. Одна соседка. Так же расположена печка, но комнаты — по пятнадцать метров каждая.

Вскоре Нине дали комнату площадью шестнадцать квадратных метров в коммунальной квартире на три семьи. В центре города, в районе кинотеатра «Заря».

Город новыми домами не застраивался, восстанавливали немецкие коробки. Получить жилплощадь было очень трудно.

Многое зависело от рабочей квалификации. Гражданская профессия Николая — газосварщик, он всю жизнь так и проработал по этой специальности. А Нина — аппаратчиком на автогенном заводе.

Гена подросток. Ему уже шёл третий годик. Я очень скучала по нему. Нина была вся на нервах, Николай выпивал.

Учась в шестом классе, я участвовала в школьной самодеятельности: хор, художественное чтение. Проходила на областной смотр чтецов. Работа над собой, желание поступать в театральный вуз даром не проходили.

В то время я посещала и балетный кружок. Правда, преподавательница сразу умерила мой пыл, сказав, что балерина из меня не получится — ноги полноваты. Но я с удовольствием продолжала заниматься балетом. Мне всё нравилось. Сосед по коммунальной квартире выдавал мне аккордеон, с этим тяжеленным музыкальным инструментом я ездила на другой конец города в музыкальную школу.

Чтобы стать настоящим мастером художественного слова, хорошим чтецом, нужно было отшлифовать дикцию, научиться чувствовать текст. С нами работали опытные педагоги.

Мама с сотрудниками, 1960 год

Тамара Полякова после работы, 1954 год

Не было в те годы телевизоров, и хорошо, что их не было. Зато были патефоны. Мы слушали музыку, записывали тексты песен с пластинок и напевали песни под пластинку.

Все эти навыки мнегодились впоследствии, когда я решила, что кроме профессии артиста есть и другие, такие как учитель, адвокат, где требуются ораторские способности, умение выкладываться эмоционально.

Уже седьмой класс. Нужна какая-никакая одежда, школьное платье. Мамина зарплата мала. Мама работала разводчиком мостов. Ночью, когда по реке Преголе проходили баржи, гружённые щебён-

кой, кирпичом, мама в будке на мосту нажимала на рычаг. Мост раскрывался, створки моста поднимались, и высокие баржи беспрепятственно шли по водной глади реки.

Река Преголя была загружена всякого рода баржами со строительными материалами, буксирами, которые тянули эти баржи. Куда они направлялись? Куда вывозилось столько всего?

Отовсюду доносилась литовская речь. Кёнигсбергский кирпич, лес везли в соседнюю Литовскую Республику не только водным путём, но и наземным транспортом, железнодорожными товарными составами. Кроме того, богатство Калининградской области вывозилось в послеблокадный Ленинград, во Львов и в другие города Советского Союза.

Особенно похозяйничала Литва в Калининградской области с 1963 по ноябрь 1965 года, во время существования Литовского совнархоза, в который входила Калининградская область.

В 1987 году, когда началась перестройка и Литва старалась выйти из состава Советского Союза, некоторые хозяйственные литовские руководители, не скрывая, говорили:

— Вот дураки наши политики, мы жили в Союзе как у Христа за пазухой. Приедешь в Калининград, разопьёшь коньячок с чиновником и забирай, что хочешь и сколько хочешь. Так мы и отстроили свою Литву, уходит от нас этот лакомый кусок.

«Последним из могикан» покидал нашу область литовец, директор янтарного комбината. Загрузив машины янтарём, прихватив с собой золотишко, он уехал восвояси.

Да не оскудеет рука дающего...

Мама устроила меня на работу бакенщиком. Восемь фонарей, заправленных керосином, ставили на лодку, и я должна была подвезти их к сваям трёхметровой высоты, на которых набиты скобы. Эти сооружения из круглого леса, в форме пирамиды, были установлены ещё немцами в районе обеих рукавов реки Преголи. По четыре маяка у каждого моста. С тяжёлым фонарём в руке я взбиралась по скобам на верх каждой сваи и устанавливала фонарь на площадку. Работа очень ответственная.

Для беспрепятственного прохода судов по реке маяки должны были гореть всё тёмное время суток. Рано утром, до школы, я садилась в лодку, подплывала к маячкам и снимала фонари. Подгоняла лодку к маленькому домику мастерской, сдавала дежурному.

В любую погоду я обязана была вечером установить фонари, утром снять. Навигация заканчивалась, когда река покрывалась льдом. А так — в дождь, в снег — я на вёслах.

Какие-то деньги мне платили. Хватало на покупку одежды и обуви. Моя работа продлилась весь мой восьмой класс и немного захватила девятый, с весны до конца навигации, до середины зимы.

Помню, мы очень боялись за жизнь мамы, которая ночью одна поднимает и закрывает мосты. Мама должна была, раскрыв первый мост в районе улицы Октябрьской, где сейчас ходит трамвай № 5, бежать ко второму, который находится на Ленинском проспекте по дороге к Южному вокзалу. Машин в городе в это время суток уже не было. С двенадцати часов ночи до трёх часов утра проезд транспорта был запрещён.

Однажды после двенадцати ночи со стороны Московского района по улице Октябрьской подъехала к мосту грузовая машина. Из неё вышли двое мужчин и стали просить маму закрыть мост на несколько минут, чтобы проехать. Она заподозрила неладное и отказалась их пропустить.

Они пообещали хорошо заплатить. Мама не согласилась. Тогда они пригрозили, что убьют. Но она не испугалась. Мужчины решили вернуться назад и проехать через второй мост, но и тот мост,

на Ленинском проспекте, оказался разведённым, и снова они увидели маму. Как потом оказалось, мама не пропустила воров, обокравших магазин в Московском районе города. Они не простили ей этот поступок.

Через некоторое время, когда она закрыла мосты и пошла домой, её подстерегли двое. Схватили, стали оскорблять, бить ногами и тащить к реке. Была поздняя осень, мама была одета в тёплую шубу, смягчившую удары. Мама кричала, звала на помощь. Увидев бегущего к ней мужчину, преступники скрылись. Мама никуда на них не заявила.

В девятом классе несколько девушек, им было около двадцати лет, вышли замуж и оставили школу.

Вечерами мы с подружками иногда бегали на танцы в воинскую часть. Там служили ребята немного постарше нас. Редко, но бывало и так, что мы поздно возвращались с танцев, не успевая до двенадцати ночи перейти через разводной мост. Тогда просили маму, чтобы она немного опустила мост, и мы, перепрыгивая, перелетали на другую сторону.

Как-то с одноклассниками на спор, нас было пять человек, мы плавали летней ночью, при луне, вокруг острова. Устав, забирались на брёвна, сплавляемые по реке. Вылезли из воды чёрные, как негры, с нас стекал мазут. Было очень страшно проплывать под мостами. Больше не плавали.

Чтобы подзаработать, я решила перейти в вечернюю школу, надеясь, что легко найду себе работу и десятый класс окончу без отрыва от производства. Однако в вечернюю школу принимали только тех, кто уже работал. Мне повезло, директором школы был Иван Иванович, ранее учитель 23-й школы, он меня хорошо знал. Иван Иванович попробовал отговорить на том основании, что вряд ли смогу найти работу. Я упорствовала в своём решении.

– Тома, ну разве я могу тебя не принять? — сказал он.

И меня, в порядке исключения, приняли.

Однако в городе с работой было плохо. Я готова была работать на любой тяжёлой, малоквалифицированной работе, но ничего не нашла.

Девятый класс и до поздней осени в десятом классе я ходила в вечернюю школу. По Московскому проспекту на Литовский вал, по разрушенному городу.

Был такой случай, поздним вечером, когда я возвращалась из школы, меня остановили на улице двое нерусских солдат, по виду стройбатовские, внезапно выскочившие из развалок. Они схватили меня за руки и потащили. Не знаю, как у меня хватило смекалки засмеяться и воскликнуть:

– Ребята, да я ж вас знаю! Я же Мишкина сестра!

Они испуганно глянули на меня, разжали руки и бросились бежать.

Дело в том, что в Калининграде после войны базировалось много воинских частей, в том числе строительных батальонов. Михаил работал вместе с ними на разборке зданий. Большим трактором, похожим на танк, он разрушал стены разбитых зданий. Зацепив тросом за стену, он дёргал её, и стена падала с сильным грохотом, поднимая облако пыли. Приходил домой уставший, весь в пыли, но всегда счастливый.

В стройбате в основном служили ребята из южных республик СССР: азербайджанцы, грузины, дагестанцы, люди многих других национальностей.

По субботам все предприятия выходили на разборку разрушенных зданий и уборку мусора или ездили в сельскую местность на посадку-прополку растений либо уборку урожая.

Город начинал жить полной жизнью. Рыбаки уходили в море ловить рыбу. На полках магазинов начали появляться рыбные деликатесы. Но с промтоварами было плохо, не было ни ткани, ни обуви, ни пальто. Шли годы, а лёгкая промышленность так и не заработала. И это продолжалось до девяностых годов двадцатого века.

Вечернюю школу я решила пока оставить. В то время разрешалось экзамены сдавать экстерном. Дело в том, что по пути в школу я заходила в кинотеатр «Баррикады», куда устроилась работать сторожем моя подружка Лидка. Она пообещала договориться с директором, чтобы меня приняли на работу уборщицей. Но этот номер не прошёл. Её старшая сестра опередила меня. Зато я уже беспрепятственно, без билета, могла посещать все вечерние сеансы.

Мама, 1954 год

*Тамара Полякова,
учительница
начальных классов
Баевской школы
Гурьевского
района,
1961 год*

Тамара Полякова с братом Мишей, 1956 год

Мне повезло. Я пересмотрела все кинофильмы. Они были по большей части трофейные. С ума сойти, какая любовь! Какие красивые девушки, наряды, города! Такое разнообразие заграничной жизни!

Чтобы Лидке ночью было нескучно сторожить, я оставалась с ней в кинотеатре, а утром бежала домой.

Вернулась я в школу только весной, когда потеплело и удлинился световой день. По предметам образовались хвосты. Преподаватели меня отругали. Но полученные в дневной школе хорошие знания, а также моя настырность при самостоятельной работе над учебниками дали свой результат. Я успешно ликвидировала задолженности, после чего меня допустили к сдаче выпускных экзаменов. Экзамены я сдала, мне выдали аттестат о среднем образовании. И что же дальше?

Двадцать лет. Работы нет. Наконец — объявление в газете: «Десятиклассники — на производство!»

Моя первая с 1956 года работа — рабочая «Фабрики орудий лова». Закончилось затянувшееся детство. Школа за плечами. Нужно начинать самостоятельную жизнь.

Только б не было войны

До сего времени не знаю, как, ведь колхозникам не выдавали паспорта, но они ухитрились со справками уезжать в город и устраиваться в нём.

В сталинские времена было необязательно иметь среднее и высшее образование, хотя призыв В. И. Ленина: «Учиться, учиться и ещё раз учиться!» — висел на всех стенах.

Народ умел читать, писать, ставить свою подпись. А дальше — работай на благо страны и социалистического общества до победы коммунизма.

Газеты пестрели передовицами о подвигах трудового народа, об успехах страны. Люди работали день и ночь, с верой в победу светлого будущего. Частная собственность презиралась. Критиковали мещан. «Прежде думай о Родине, а потом о себе» — было главным жизненным принципом граждан Союза Советских Социалистических Республик, граждан СССР.

В деревне звучало оскорбительное:

— Ой, городская!

Не дай бог, береточка на бочок одета или какие-нибудь ботинки на ногах. Пропагандировались такие фильмы, как «Свинарка и пастух», с весёлой деревенской жизнью, с работой с утра до вечера, с песнями и гармошкой. И не думай о городе, об интеллигенции. Формировалось презрение к мужчине в шляпе и с портфелем. Подобный персонаж в фильмах выставлялся несерьёзным, осмеивался простыми людьми.

Когда наши узнали, что Томка хочет куда-то поступать учиться, то у них возник вопрос: зачем?

А кто её будет содержать? Ну ладно, пусть закончит свои десять классов и идёт на завод вкалывать. Нам в семье интеллигенция ни к чему. Интеллигенты живут хуже, чем рабочий класс.

Когда, окончив педучилище, я стала учительницей начальных классов, то, собравшись за праздничным столом, мои близкие, рабочий класс, подшучивали:

— Ну как там живёте, интеллигенция?

У них была зарплата сто пятьдесят — двести рублей в месяц, а оклад учителя начальных классов составлял пятьдесят восемь рублей в месяц. И никаких перспектив на скорое получение жилья. Тридцать лет в общей городской очереди. А на хороших заводах строилось своё жильё, и рабочие могли улучшить жилищные условия. Но все думали: «Только б не было войны!»

На этой ноте и поддерживался полуголодный, полуничий режим в стране.

Начиная с 1950 года и до 1956 года в калининградских магазинах было всё. В рыбном магазине «Дары моря», на проспекте Мира, стояли бочки с красной и чёрной икрой. Её доставали из бочек большими деревянными лопатками. В магазинах продавалось мясо. В промышленных магазинах мехами были завешаны стены. В музыкальном — духовые инструменты, гитары, скрипки. Всё красиво. Под стеклом в ювелирных магазинах — золотые украшения, броши. Но мало кто из простых людей мог приобрести подобное.

О Нине

Никогда за всю свою жизнь я не слышала, чтобы моя сестра критиковала руководителей Коммунистической партии. Таким авторитетом с молодых лет для неё была Ленинская партия. Менялись руководители, члены Политбюро КПСС, умирали, уходили в прошлое их дела, не улучшающие жизнь простого народа. Но в её сознании Партия всегда была на высоте.

Иногда до нас доходила оценка нашей жизни со стороны. Говорили:

— Как хорошо, что вы не знаете, как вы плохо живёте!

Это говорили заграничные туристы.

Отгороженные от цивилизованного мира, мы и не знали, что колбаса разных сортов может свободно лежать на прилавках магазинов, как и сыры, и разнообразные продукты. Одежду, обувь, всё можно купить.

Нас поставили к станкам, посадили на самосвалы и сказали: «Любите свой коммунистический труд, гордитесь им, работайте на благо Родины» — и все работали, любя своё Отечество, лишь бы не было войны. Страх генетически был заложен в поколении детей, переживших ужасы голода и войны.

Нина бежала на работу. С работы — в свою коммунальную квартирку, где в комнате на шестнадцати квадратных метрах ютились двое подросших сыновей и она с мужем. Но так как рядом жили так же и такие же, как она, и на соседних улицах — не лучше, то, значит, так устроена жизнь в стране. И где искать другую жизнь? Она наша, советская.

Нет на прилавках магазинов мяса, колбасы — не беда. Будет в следующей пятилетке, а сейчас просто надо лучше трудиться, немного поднажать, и всё будет хорошо. Рядом муж Коля, который начал потихоньку заглядывать в рюмку. Ничего, все мужики пьют. Дети плоховато учатся, ладно. Пойдут в рабочие, научатся вкалывать, как отец и мать. Да вот и участок земли дали, теперь есть шанс заготовить на зиму всё своё. Можно развести кроликов, кур, поросёнка, чтобы обеспечить себя мясом.

Наконец, очередь на получение двухкомнатной квартиры подошла. Какое счастье! Правда, нет мебели в магазинах. И не надо, будем пользоваться старой, железные кровати прочны, да и шифоньер из досок ещё послужит.

Сын Гена женился, дали комнату в общежитии, одиннадцать квадратных метров. Всё хорошо.

Второй сын, Витя, женился, привёл невесту к родителям, не беда, места всем хватит. Внук Сережа родился, боже, какая радость! Только отдохнуть после работы невозможно, много шума.

А годы-то пенсионные. Наконец! О радость! Дали однокомнатную квартиру. Нина с мужем переехали в неё на постоянное место жительства. Теперь можно уйти на пенсию.

Государство их награждало орденами, медалями. Николая — как участника Великой Отечественной войны, юнгой на кораблях воевал. Нину — за безупречный доблестный труд на благо Родины.

*Нина на автогенном заводе,
1965 год*

*Нина с мужем Николаем на даче,
1974 год*

Ветеран труда, ветеран Калининградской области, она постоянно участвовала во всех субботниках, восстанавливая город из руин, убирала колхозные урожаи, твёрдым шагом шла к победе коммунизма, зная, что этот проклятый капитализм, этот прогнивший строй эксплуататоров человечества никогда не догонит нас. Она внимательно следила за политикой. Очень переживала в девяностые годы, когда стал меняться государственный строй. Для неё это было личной трагедией.

Чтобы как-то вписаться в новые условия жизни, их с Николаем накопленные рубли Нина решила вложить под большие проценты в финансовую компанию «Русский дом Селенга». Но эта структура рухнула, похоронив всё, им не дали ни копейки. Николай заболел, Нина плакала горькими слезами.

Но в магазинах стали появляться продукты, и даже недорогие, на две пенсии можно прожить безбедно.

Я объясняла им, что Коммунистическая партия теряет свою актуальность, не может руководить, общество её отвергает, как не оправдавшую надежд.

Нина возмущалась, надеясь на КПСС. Когда страна распалась на отдельные государства, я успокаивала её и Николая, говоря, что хуже не будет, чтобы жили спокойно.

Наконец, Нина откровенно признала:

— А в магазинах-то продукты всякие, хорошо стало жить, лучше, чем при социализме.

На её глазах полки магазинов стали заполняться товарами, и сестра успокоилась.

В 2004 году умер Николай. Нина очень горевала о своём единственном в жизни мужчине.

Я часто её навещала, она смирилась с изменениями, произошедшими в стране. У неё появилась надежда, что, может, дети и внуки будут жить лучше нас.

Но пришла беда, Нина стала терять память, стала беспомощной. Одну в квартире оставлять её было нельзя. Пришлось устроить в интернат, где за такими, как она, осуществляется хороший государственный уход.

Мы часто навещаем её. Безо всяких эмоций она встречает нас, не помня своего прошлого, не зная, что у неё есть сыновья и внуки. Ей идёт восемьдесят шестой год, физически здорова. Пусть ещё поживёт, хоть в таком состоянии.

Берега культуры и искусства

Оксана Карнович

Карнович Оксана Андреевна родилась в г. Алма-Ате. С 1989–1994 в Новосибирском театре оперы и балета. С 1994 – 1995 в Государственном театре Классического балета под руководством Натальи Дмитриевны Касаткиной и Владимира Юрьевича Васильева. С 1995–2000 в «Имперском русском балете» (художественный руководитель – Гедеминас Таранда, президент – Майя Михайловна Плисецкая). Сотрудничала с коллективом «Русские сезоны» под руководством Николая Андросова. В 2006 окончила Институт русского театра по специальности «Педагогика хореографии»; в 2008 – с отличием Московскую государственную академию хореографии по специальности «История и теория хореографического искусства», специализация – балетный критик, педагог истории балета. С 2008 года – педагог в Московской государственной академии хореографии на кафедре хореографии и балетоведения. В 2012 окончила аспирантуру МГАХ. В 2016 на кафедре истории театра России «Российского института театрального искусства – ГИТИС» защитила диссертацию по присуждению ученой степени кандидата искусствоведения Российского института театрального искусства – ГИТИС. Кандидат искусствоведения. Член Союза театральных деятелей Российской Федерации. Публикуется в журналах: «Балет», «Сцена», «Театр. Живопись. Кино. Музыка. Ежеквартальный альманах ГИТИС» – Москва; Альманах «Academia: Танец. Музыка. Театр» – Москва. «Новый журнал» – Нью-Йорк; «Русская мысль» – Лондон; «Берега» – Калининград; «Танец в Украине и мире» – Харьков. Один из авторов статей и интервью в книге: Рюрикович в эмиграции. Князь Никита Лобанов-Ростовский: статьи, интервью, рецензии / [сост. Н. А. Алпатова, Н. Д. Лобанов-Ростовский]. – Москва: [Полиграф-Плюс], 2015. – 656 с.

Майя Плисецкая и Большой театр

В своей книге «Я, Майя Плисецкая» балерина писала: «...Дам вам совет, будущие поколения. Меня послушайте. Не смиряйтесь, до самого края не смиряйтесь. Даже тогда — воюйте, отстреливайтесь, в трубы трубите, в барабаны бейте, в телефоны звоните, телеграммы с почтамтов шлите, не сдавайтесь, до последнего мига боритесь, воюйте. Даже тоталитарные режимы отступали, случалось, перед одержимостью, убежденностью, настырностью. Мои победы только на том и держались. Характер — это и есть судьба...».

«И второй раз родиться не выйдет, как ни старайся. Своё живи!»

Она жила ярко, надрывно, страстно, пренебрегая авторитетами, запретами, режимами, ломая барьеры, утверждая свою собственную правду в жизни и в искусстве. Весь её облик – руки, прыжок, поворот шеи, стать и грациозность, жгучий темперамент несли печать свободомыслия и воли. Недаром партия Кармен стала эмблемой её творчества. Даже «Лебедь» на музыку Камилля Сен-Санса, с легкой руки (или ноги) Анны Павловой став «умирающим», в исполнении Плисецкой оставался непокоренным. Планета по имени Майя, величественная, блистательная, единственная и неповторимая. Многочисленные эпитеты не достаточны, чтобы выразить всю силу и мощь уникальной личности и таланта балерины. В ней было нечто масштабное, не поддающееся анализу, но бесконечно восхищающее, притягивающее и будоражащее. Плисецкой достаточно было появиться на сцене, в аудитории, сделать жест, чтобы публика восторженно взрывалась аплодисментами. Взмах рук Плисецкой либо наполнял пространство поэтичностью и одухотворенностью, либо электризовал, статическими волнами проникая в каждого сидящего в театре. Всякое ее присутствие создавало особое настроение чего-то настоящего и значимого.

*М. М. Плисецкая подписывает свою книгу.
Москва, 2007 год.*

*М. М. Плисецкая и О. А. Карнович,
Миккелли (Финляндия), 1995 г.*

*М. М. Плисецкая (костюм А. В. Коженковой) и труппа «Русского имперского балета»,
Миккелли (Финляндия), 1996 г.*

За тридцать лет службы в Большом театре сколько раз она выходила в партии Одетты-Одиллии Майя Михайловна не помнила сама – восемьсот, а может тысячу раз. Бунтарка во всем, всегда прямолинейная она делала то, что считала нужным. Наталья Седых, балерина Большого и всеми любимая Настенька из фильма «Морозко» Александра Роу, случайно став свидетельницей разговора заведующего труппы с Майей Михайловной, вспоминала как Плисецкая отказывалась танцевать очередное «Лебединое озеро», которым традиционно встречали иностранную делегацию в Большом театре. Заглянув на репетицию, он долго упрашивал Плисецкую исполнить бессмертный шедевр Иванова-Петипа, но из-за её плохого самочувствия получил категорический отказ. Тогда, тяжело вздохнув, он сказал: «Ах, как жаль». Плисецкая лаконично ответила: «Это Никсона жаль», повернулась и грациозно вышла из зала. На этот раз «не повезло» Ричарду Никсону, тогда ещё вице-президенту США, приехавшему в 1959 году на открытие первой в истории СССР выставки промышленной продукции Америки.

Майи Плисецкой не стало 2 мая 2015 года за шесть месяцев до своего 90-летнего юбилея. Являясь воплощением свободы, воли, силы, красоты и жизнелюбия, многие были убеждены, что она должна отметить не только столетний юбилей, но и последующие. Гала-концерт «AVE МАЙЯ» в Большом театре 20 ноября 2015 года прошел без неё...

Плисецкая сама составляла программу юбилейного вечера. В первом отделении «из станцованных» ею балетов, партии и вариации исполнили артисты Большого, Мариинского и Михайловского театров. Во втором, с балетом Мориса Бежара, Диана Вишнева станцевала любимое Плисецкой «Болеро» на музыку Мориса Равеля. «Гибель Розы» (хореография Ролана Пети) на музыку «Адажиетто» Гюстава Малера воплотила Ульяна Лопаткина. Третье отделение завершала прима-балерина Большого театра Светлана Захарова непревзойденной «Кармен-сюитой» Родиона Щедрина (на основе музыки Жоржа Бизе). Программу концерта Майя Михайловна венчала таким образом: «Кода вечера 5-6 минут последних тактов «Болеро» с моим изображением, и мой выход вживую из центра сцены под музыку «Болеро». Она не вышла...

Отгремели аплодисменты. Публика, уверенная, что концерт окончен, стала подниматься с кресел. Но неожиданно занавес открылся, и на большом экране появилась танцующая на столе «Болеро» Майя Плисецкая в черных лосинах и светлом обтягивающем купальнике – страстная и обжигающая. Вдруг, подобно вспышке молнии, появилось какое-то мистическое ощущение ее присутствия. Весь звездный состав участников концерта как-то померк и растворился в гипнотически завораживающей бьющей энергетике гениальной балерины, в её соблазняющем, архетипически-диком и необузданном женском начале, доводя зал практически до состояния транса, эмоционального и ритуального. На сцене царила только Майя, непревзойденная Майя, её дух, её образ. Сколько было ещё запланировано и не исполнено... Но, у Бога свои планы...

Режиссёром и художественным руководителем вечера выступил Андрис Лиепа. С его отцом, Марисом Лиепой, (1936—1989) Плисецкую связывали не только вместе исполненные партии, короткое время он был её первым мужем. Сохранилась запись балета «Дон-Кихот» 1957 года, танец которых подобен вулканическому взрыву – интригующий, бравурный, ослепительный. Но любовью всей жизни был её Родя, величайший композитор современности – Родион Константинович Щедрин. Ей было двадцать девять, ему двадцать два года, когда они познакомились, пронеся через всю жизнь любовь, уважение и восхищение друг другом. Она советовалась с ним по любому вопросу, даже на какую сторону прикрепить цветок, танцуя любимую Кармен. Он называл себя «Майяманом», балетоманом единственной балерины, которой посвятил все свои балеты. «Щедрин был одной из причин, почему я не осталась на Западе. <...> Жизни без Щедрина я представить себе не могла. Даже в хрустальном замке на каких-нибудь Канарских островах», – писала Майя Михайловна.

Несмотря на огромный пантеон талантливейших балерин, Плисецкая останется непревзойденным символом балерины века XX. Одна из одиннадцати *prima ballerina assoluta* (титул учреждённый мастерами романтической сцены XIX века), Майя Михайловна стала провозвестником новой эстетики танца, манеру которой невозможно перенять, скопировать.

Не многие знали её лично, но Плисецкую знали все. Недостигаемая с одной стороны, с другой – она принадлежала всем и не принадлежала никому.

Каждому хотелось прикоснуться к её имени, как минимум, взять автограф. Нам выпало счастье не только общаться, но и танцевать с ней на мировых балетных сценах.

Моя мама (ребенком сосланная в Казахстан), восхищаясь балериной, показывала мне, как Плисецкая запястьями рук рисовала узоры в пляске персидок из оперы «Хованщина» Модеста Мусоргского. Проживая в живописных алма-атинских предгорьях Заилийский Алатау, мне сложно было вообразить, что судьба подарит шанс встречи с величайшей балериной современности.

Впервые «вживую» я увидела Плисецкую в балетном зале, поразившись её элегантности, молодости, открытости и доброжелательности. Мы готовились к гастрольной поездке в Вену, организованной танцовщиком Большого театра Гедиминасом Тарандой, ангажировавшим артистов из разных хореографических коллективов участвовать в Гала-концерте с Майей Плисецкой.

Для кого-то это событие стало определяющим моментом в балетной карьере. Кому-то, в частности мне, решение поехать на эти гастроли стоило потери места в замечательной труппе «Классического балета» под руководством Натальи Касаткиной и Владимира Васильева. Но о своем решении я ни разу не пожалела.

Это была изумительная поездка по атмосфере общения, творческого рвения и душевности! Многие из балетных ребят даже не могли предположить, что им выпадет счастье выходить на сцену вместе с Майей Михайловной, заниматься классическим уроком, стоя бок о бок рядом с ней. А впоследствии на протяжении долгих, но мимолетных шести лет работать в «Имперском русском балете» Гедиминаса Таранды, где Плисецкая была президентом компании.

В те гастроли, организованные Петром Худяковым, руководителем «Bolshoi Don Kosaken» в Австрии («Большого Хора Донских казаков»), мы выступали на сцене Венской филармонии. Действие начиналось полонезом на музыку из оперы «Евгений Онегин» Петра Ильича Чайковского. Выстраивая длинную диагональ из белых пачек с обращенными руками в верхнюю кулису, стоя в положении *arabesque*, мы встречали величественно выходящую Майю в роскошном платье от Пьера Кардена. Концерт завершался бессмертным в её исполнении «Лебедем», который она бисировала дважды. На тот момент ей было 69 лет! Успех был ошеломляющим! Потом был банкет, где присутствовала вдова Имре Кальмана Вера, весь цвет дипломатического и венского общества, что для двадцатилетних неоперившихся артистов, вырвавшихся из перестроечной и голодной Москвы, являлось сродни полёту в космос!

При жизни став легендой, недосягаемая Плисецкая неожиданно стала «нашей Майей», а нас она считала «своими». Соблюдая дистанцию, мы относились к ней как к божеству, испытывая гордость от того, что совместно могли обсуждать наше гастрольное ежедневие, репетиции, выступления, походы по магазинам, покупки и другие мелочи. Понимая планетарный масштаб таланта и личности балерины, общение с ней, тем не менее, вводило нас в оцепенение. Несмотря на невероятную для нас её скромность и абсолютную «не звездность», (что никак не соответствовало её статусу в противовес поведению иных именитых персон), мы поражались её абсолютной некапризности. Гастролируя по Германии, чередуя дешевые и дорогие гостиницы, в Берлине мы остановились в небольшом уютном отеле, радуясь комфорту номеров. Каково же было удивление, когда я зашла в номер к Майе Михайловне и увидела, что кроме маленькой тумбочки и одноместной кровати не было другой мебели, а с трудом втиснутый чемодан занимал половину комнаты. Несомненно, это была самая дешевая комната. На робкое предложение переселиться в более комфортные условия, она ответила, что совершенно не стоит беспокоиться, тем более беспокоить других.

В 2007 году, она представила книгу своих воспоминаний «Тринадцать лет спустя»¹. (Майя Михайловна уже не сотрудничала с «Имперским балетом»). Презентация проходила в Москве в книжном магазине «Буква» на Зубовском бульваре. Выстояв в длинной очереди желающих получить автограф, я попросила подписать книгу для себя и дочери Ксении, которая, будучи ребенком, часто ездила со мной на гастроли, и Майя Плисецкая всегда интересовалась: «Как наша Ксюшенька?». Несмотря на то, что прошло много времени, узнав меня и улыбнувшись, она радостно воскликнула: «Здесь про тебя написано! Ты же у меня Карнович! Бери еще одну книгу: одна будет для дочери, другая для тебя!» (Следует уточнить, что в книге «про меня», конечно же, ничего не было «написано», но отдельная глава посвящена «Имперскому русскому балету» Гедиминаса Таранды). В память о Плисецкой у меня остались элегантные туфли-лодочки от Pierre Valmain, подаренные ею в Париже в 1998 году.

¹ Плисецкая М. Тринадцать лет спустя. М.: АСТ, 2007

Вспоминая моменты работы с ней, то время предстает удивительным и поразительным, нереальным, хотя тогда все казалось таким естественным и даже обычным. Вместе с Майей Михайловной и «Имперским русским балетом» мы исколесили полмира, побывав на пяти континентах. Потом был балетный конкурс «Майя», её юбилей в Нью-Йорке, в Мариинском, в Большом...

Каждый, знавший её, мог бы наговорить свою историю: «Майя и Я». Таким образом, прикоснуться к чему-то великому и действительно бессмертному. Но для Плисецкой всегда была важна другая категория: Майя и Большой театр – её любовь и боль, взлеты и падения, борьба и победы.

Ольга Васильевна Лепешинская, легенда советского балета, в одном из последних интервью Владимиру Васильеву подвела итог словами своей подруги Фаины Георгиевны Раневской: «Я проشمыгнула» свою жизнь, но самое главное в моей жизни был Большой театр».

Большой театр... Чем был для Плисецкой Большой? Ответить может только сама Майя...

Предлагаю выдержки из её воспоминаний.

М. М. Плисецкая:

«Итак, в 1943 году я окончила хореографическое училище, была принята в Большой театр, станцевала несколько заметных партий и получила свою первую награду. Мне дали десятиметровую комнату в коммунальной квартире, в доме Большого театра в Щепкинском проезде, 8. Название «Щепкинский» не от слова «щепка», а по фамилии знаменитого в прошлом актёра Малого театра Михаила Щепкина. На Театральной площади в самом центре Москвы стоят три театра – Большой, Малый и Центральный детский.

Я не знаю, где ещё в мире есть три театра на одной площади. Так она и называлась, Театральная, пока не стала имени Свердлова, так же нелепо, как Кировский балет.

С обратной стороны знаменитой квадриги коней с колесницей Аполлона и располагался тот достопамятный дом. Ночами, после спектаклей, в этот тесный проезд выносились и вносились громоздкие, пыльные, зловонные декорации с гулким грохотом, помноженным ночной тишиной. Урчали грузовики. Летели, швырялись кресла, столы, деревья, двери, стены, окна, лестницы, вазы, люстры, балконы, сфинксы... Сочно звенел непрерывный мат. Так было каждоночно до трёх-четырёх утра. Вот когда меня отучили спать!

<...> Я прожила в этой квартире до 1955 года, пока мне не отдали двухкомнатную квартиру номер двадцать четыре дирижёра Файера на той же лестничной площадке.

<...> Когда меня приняли в труппу, театр только вернулся из эвакуации из Куйбышева, теперь уже обратно переименованного в Самару, – на сцене царствовали Марина Семёнова и Ольга Лепешинская. Великими княгинями были Суламифь Мессерер, Софья Головкина, Ирина Тихомирнова. Между ними и делился балетный репертуар. На закате своих карьер уже дотанцовывали Викторина Кригер, Любовь Банк, Анастасия Абрамова, Любовь Подгорецкая. Им премьеры не доставались.

Ведущими танцовщиками были Алексей Ермолаев, Асаф Мессерер, Михаил Габович, Александр Руденко, Юрий Кондратов.

Репертуар составляли обычные для всего мира названия. Вам перечислить? «Лебединое озеро», «Щелкунчик», «Спящая красавица», «Дон Кихот», «Коппелия»...

Знаменитый российский писатель прошлого столетия заметил однажды в сердцах – вот за что я люблю балет, так за постоянство (вспоминаю по памяти). Скоро я без малого пятьдесят лет на сцене, а репертуар тот же: «Щелкунчик», «Дон Кихот», «Лебединое озеро», «Спящая красавица»...

Зарплату мне положили самую низкую: 600 рублей. Что после первой послевоенной девальвации потеряла ноль и превратилась в 60.

Приход новой балерины всегда дело тревожное. Потесниться никто не хочет. К тому же художественным руководителем балета в военное время был мой дядя Асаф Мессерер, совмещавший трон руководителя с танцем. Он человек щепетильный и выдвигать племянницу считал недостойным. Щепетильный, щепетильный, но жену свою Ирину Тихомирнову двигал энергично – дома его ожидали «штурмы Измаила». Так я сразу попала в родственный переплёт. В последнем классе хореографического училища, когда каждый артист был на счету – напомним, что главная часть труппы была в эвакуации, – меня ставили на сцене филиала в сольные партии. Я танцевала па-де-труа и невест в «Лебедином озере», три фрески в старом «Коньке-Горбунке» А. Горского, двух подруг Китри в «Дон Кихоте»...

Первый раз – уже как артистка Большого театра – я увидела свою фамилию «Плисецкая», перечисленную в числе других, синими чернилами на замусоленной всяческими объявлениями доске расписаний возле балетной канцелярии, где мне надлежало исполнить одну из восьми нимф в польском акте оперы «Иван Сусанин». Доска эта оповещала артистов не только о занятости в репертуаре, но и о делах более внушительных: политическом часе, куда явка была обязательна, выдаче талонов на обувь и съестные продукты, распределении подарков от Рузвельта, времени сбора на ноябрьскую демонстрацию, примерке костюмов в мастерских Большого театра, заседаниях месткома... Я огорчилась. Мой разговор с Асафом был краток.

– Я раньше не танцевала в кордебалете...

– А теперь будешь.

Так началась моя театральная жизнь.

Ослушаться я не могла, но протестовать – протестовала. Вставала вместо пальцев на полупальцы, танцевала без грима, пред началом не грелась. Сам Асаф танцевал с Лепешинской сатира. Наша восьмёрка прямо на спектакле не громко, но слышно, ритмично подпевала на мотив глинкинского вальса: «Асафчик мой, красавчик мой». Я не одна творила акт мщения.

<...> Но вернусь к театру. На моём небосклоне блеснул лучик света. К какому-то очередному юбилею комсомола (кажется, ему стукнуло двадцать пять) – от этих цифр тогда в голове была каша – по всей стране развернули шумную кампанию «по выдвижению молодёжи». Трещали, пустозвонили во всю ивановскую. Разве театр мог остаться в стороне? Выдвинули и меня.

С репетитором А. Монаховым, бывшим танцовщиком из Ленинграда, строгим густобровым господином (он набил себе осанку на балетных королях и влиятельных вассалах), я за две репетиции слёта выучила прыжковую мазурку в «Шопениане» и станцевала её с громовым успехом. Прыжком меня природа не обделила, и я перелетала сцену за три жете. Так поставлено у Фокина, и это делают все балерины. Но я намеренно старалась в пике каждого прыжка на мгновение задержаться в воздухе, что вызывало у аудитории энтузиазм. Каждый прыжок сопровождался крещендо аплодисментов. Я и сама не предполагала, что этот маленький трюк придётся так по душе зрительному залу. Успех был взаправду большой. На следующие «Шопенианы» кое-кто из балетоманов уж шёл на «Плисецкую». Можно было и нос задрать...

<...> Лавровский ставил «Жизель» на Уланову, пришедшую с ним в театр <...> почти одновременно. Я впервые увидела Уланову в 1939 году.

<...> Меня поразили её линии. Тут ей равных не было. Её арабески словно прочерчены тонко очинённым карандашом. У неё была замечательно воспитанная ступня. Это бросилось мне в глаза. Она ею словно негромко говорила. Руки хорошо вписывались в идеально выверенные, отточенные позы. Меня не покидало ощущение, что она непрерывно видит себя со стороны. Во всём была законченность и тщательная продуманность. Резко бросилось в глаза различие ленинградской и московской школы. За весь спектакль она ни разу ничего не «наваляла», что постоянно разрешали себе делать москвички, – это было, по правде говоря, в порядке вещей.

<...> Второе впечатление от Улановой пришло в 1940 году, на декаде ленинградского искусства в Москве.

<...> «Ромео» смотрела вся Москва. Уланова танцевала Джульетту. Этот вечер стал для москвичей настоящей сенсацией. Весь ансамбль действующих лиц был на подбор. Но Уланова выделялась.

Идя на спектакль, я ждала увидеть ещё один Балет Балетович, хотя молва донесла до моих ушей несметные похвалы постановке. Но, увиденное затронуло меня сильно.

Многое было ново и непривычно. И партия балерины в первую очередь. Уланова нигде не переходила с поверхностного рассказа сюжета на вереницу знакомых каждому балетному классу движений – плие, пасса, алясекон, перевести в арабеск... Все эти движения, конечно, были, но я их не замечала. Драма шекспировской пьесы рассказывалась её вне связи с балетной классикой. Чья это была заслуга? Постановщиков, Прокофьева, замечательной выучки вагановской школы или самой Галины Сергеевны? Всё помогло, но дар неба, думаю, был решающим.

<...> Теперь вернусь к «Жизели». Лавровский устроил смотрины труппе. Прилежно ходил в наши утренние классы, перебирал каждого маленькими сверлящими глазками. Он всегда был подтянут, аккуратен, свежевыбрит, одет с иголочки. Сидя спиной к широченному балетному зеркалу, вре-

ментами гневно косился на пианиста, мазавшего не по тем клавишам от присутствия нового босса. И мы видели в зеркальном отражении аккуратно подстриженный затылок Лавровского.

С самой Жизелью вопросов у него не было, как не было их и с Альбертом. Придя в театр, партнёром своим избрала Михаила Габовича – элегантного танцовщика, красавца, отзывчивого и счастливого в жизни человека. (<...> В первые дни войны, когда безо всякого разбору военкоматы призывали и отправляли на фронт каждого, что лишь увеличивало статистику убиенных, Габович смело отстоял многих танцовщиков. Мне рассказывал Юрий Гофман, впоследствии один из премьеров Большого, как потрясло его появление Габовича на бруствере окопа, в драповом штатском пальто, приехавшего на линию фронта, чтобы его вызволить. Габович в первые военные годы нёс на себе бремя руководителя балета филиала. Мы не должны забывать о таких подвижных благородством поступках.)

Лавровский назначил меня и Лялю Ванке на роли двух виллис. Мы были чем-то схожи, овалом лиц, вытянутостью фигур. Позже наши пути разошлись, и она играла Капулетти-мать во всех спектаклях, когда я танцевал Джульетту. Нам обоим причиталось по небольшой вариации. Свою вариацию я готовила с Вагановой. Та показала мне такой приём исполнения ранверсе, что я сорвала аплодисменты. Если правильно скоординировать тело, то получится буквально всё: мы невежественны и делаем многое по наитию.

Лавровский остался нами доволен. Так, по крайней мере, мы обе порешили. А для меня виллиса была своеобразным эскизом, наброском к Мирте, о которой мечталось.<...>

На Мирте произошла моя артистическая встреча с Улановой. Я увидела её теперь в сценическом пространстве. Могу судить с близкого расстояния, не с кресла зрителя.

Во втором акте Г.С. сумела стать тенью. И выражение глаз, и мимика, и жесты были бестелесны. Временами, в увлечённости действием, мне начинало казаться, что это не Уланова вовсе, а ожившее по магии волшебства мёртвое, парящее женское тело. Пола она вроде бы и не касалась.

<...> Быть на сцене лёгкой – редкий дар. Всегда и слышишь «бряцание» балетных туфель об пол. Уланова, как я заметила, всегда танцевала второй акт «Жизели» в мягких туфлях, чтобы исключить малейшую отвлечённость от образа. На репетиции она через оркестровую яму обратилась своим тихим голосом к дирижёру Файеру: «Уберите в конце моей вариации барабан. Мне это мешает». Но дело – для меня – вовсе не в туфлях, не в барабане. Весь спектакль не покидало ощущение, что она касается пола реже, чем предписано смертным законам земного тяготения Ньютона.

Лавровский, уж не знаю из каких соображений, ставил меня Миртой только на спектакли с Улановой. С другими Жизелями я дела не имела. Это мне нравилось. А роль самой Жизели мне танцевать так и не довелось. Может быть, единственную из генеральных ролей классического репертуара.

<...> Следующей была «Раймонда». Но это было не сразу, не тотчас. Были будни, классы, репетиции, спектакли, обиды, была театральная жизнь. Хочу припомнить, да, может, это и интересно будет с вершин дня сегодняшнего, как я постигала азбуку Большого театра.

В середине второго сезона мне прибавили зарплату. Первоначально было 600, теперь стала целая тысяча (опять напоминаю, что в девальвацию один ноль убрали – значит 100!). Я и впрямь была много занята в репертуаре. Кроме упомянутого, были ещё фея сирени и Виолант, повелительница дриад в «Дон Кихоте», танец с колокольчиками в «Бахчисарайском», который балетмейстер Захаров поставил на меня. И была прокофьевская «Золушка», где я танцевала «Осень», тоже первой и тоже Захарова.

<...> Подступаю к «Лебединому». В жизни моей этот балет Чайковского сыграл решающую роль. Я станцевала его более восьмисот раз. И танцевала тридцать лет: 1947–1977. Это как годы рождения и смерти на гробовом обелиске. Тридцать лет – целая жизнь...

<...> В Большом театре я танцевала три версии, три постановки «Лебединого озера». Редакцию Бурмейстера в театре Станиславского. Вариант Берёзова в Миланской «Ла Скала», тбилисскую постановку Вахтанга Чабукиани...

<...> Я считала и считаю поныне, что «Лебединое» – пробный камень для всякой балерины. В этом балете ни за что не спрячешься, ничего не утаишь. Всё на ладони: два образа – кстати, когда-то «чёрный» и «белый» акты танцевали две разные балерины, – вся палитра красок и технических испытаний, искусство перевоплощения, драматизм финала. Балет требует выкладки всех душевных и физических сил. Вполноги «Лебединое» не станцуешь. Каждый раз после этого балета я чувствовала себя опустошённой, вывернутой наизнанку. Силы возвращались лишь на второй, третий день.

<...> Новым стал «Дон Кихот». После Уличной танцовщицы учу Китри. Эта партия, как и «Лебединое», прошла через всю мою жизнь. И ещё Персидку в «Хованщине» с Николаем Семёновичем Головановым за пультом.

<...> Время несётся метеоритом. В дни меняются, крушатся эпохи. Мир сегодня уже совсем иной. Какой-то будет завтра?..

Нет теперь ни одного интервью, где перво-наперво не спросили бы – почему Вы не остались на Западе?

Постараюсь ответить всем, самой себе в том числе, почему я всё ж не убежала...

<...> И Щедрин был одной из причин, почему я не осталась на Западе.

<...> Если я легко приспособлялась к «перемене мест», к гостиничному житию, к переездам, то Щедрин, напротив, был домоседом. Каждая поездка, даже самая завлекательная, была ему в тягость. К России, к русской культуре, истории, обычаям он был накрепко прикован чугунными, хоть и невидимыми нитями. Оторвать Россию от него было непросто.

<...> Но жизни без Щедрина я представить себе не могла. Даже в хрустальном замке на каких-нибудь Канарских островах.

<...> И совесть была одной из причин, почему я не осталась на Западе.

<...> И ещё сцена Большого, нечеловечески прекрасная сцена Большого тоже была одной из причин, почему я не осталась на Западе.

Перетанцевала я во всех престижных театрах мира. Но такой удобной, самой удобной во всей Солнечной системе, во всём мироздании сцены, как в Большом, не было нигде!...

Когда перед выходом, стоя в кулисе, я каждый раз с ознобом радости ожидала свою музыку, своё антре, чувство ни с чем не сравнимого счастья разливалось по всему моему телу. Ещё три такта. Ещё два. Ещё один. Вот. Моя музыка. Ступаю на свою сцену...

Она была для меня родным существом. Одушевлённым партнёром. Я разговаривала с ней. Благодарилась ей. Каждая дощечка, каждая щербинка была мной освоена, обтанцована. Сцена Большого вселяла в меня чувство защищённости, домашнего очага.

Я, словно футболист, лучше играла и любила играть на своём поле...

<...> Меня не оставляет в безразличии судьба Большого балета. Большой – это вся моя жизнь. Вся без остатка. <...> Моему родному театру за всё спасибо».

(По книгам М. М. Плисецкой: Я, Майя Плисецкая... М., 2005; Тринадцать лет спустя: Сердитые заметки в тринадцати главах. М., 2007.)

Русский мир без границ

Берега Франции

Елена Лебедева

Русский очаг в восточных пригородах Парижа

Многочисленная русская эмиграция, попавшая во Францию после Октябрьской революции 1917 года и Гражданской войны, последовавшей за ней, не всегда выбирала места селения в крупных городах. Многим беженцам из провинциальной России, оказавшимся на чужбине, было удобнее селиться в пригороде и сельской местности.

Среди парижских пригородов, находящихся на востоке, в двух городках Ганьи и Шелль, расположенных сейчас в 20 минутах езды на региональной скоростной электричке (RER), в 20-30-е годы прошлого века осели многочисленные беженцы из России. Они жили семьями в небольших арендованных или купленных домах с земельными участками. Среди них было много казаков с регионов Дона и Кубани (около 60 %), которые могли иметь свое хозяйство и заниматься им так же, как это было в России. Русские, православного вероисповедования, объединились и построили церковь Святого Серафима Саровского. Первая служба в ней состоялась на пасху в 1933 году. Спустя 6 лет – в 1939 году из-за увеличения арендной платы на землю – ее перенесли через 3 улицы, приобретя другой участок земли. С тех пор она находится на улице Золотой Звезды – у границы между двумя городками. Русский очаг, который объединяет теперь в основном детей и внуков этих русских эмигрантов I волны, а также потомков русских, поселившихся там в послевоенное время в 1945-1950-е годы, существует до сих пор. Староста прихода Александр Сергеевич Никольский проводит организационную работу и занимается исследованиями, связанными с историей поселения русских в квартале.

В Ганьи мне удалось познакомиться с ним и его супругой Лидией Павловной Никольской (урожденной Богачевой) и узнать историю жизни их родителей.

Лидия Павловна рассказала, что ее родители встретились и поженились в Париже в июне 1934 года. Они приехали в Ганьи после ее рождения в марте 1936 года, и вначале арендовали домик на улице Поль-де-Кок. Ее отец Павел (Поль, как его звали во Франции) Богачев (1893—1971) был уроженцем Майкопа – столицы республики Адыгея на Кавказе, и происходил из семьи мелкой буржуазии. В связи с началом Первой Мировой войны он в 1915 году должен был оставить занятия, где обучался на землемера, и участвовать в конфликте на турецком фронте. Бои велись в Турции до границ Ирака (Персии). Молодой человек был очарован этим регионом и, несмотря на военные действия и полученное ранение, сделал много фотографий пейзажей и представителей местного населения. После революции он вступил в Белую армию и участвовал в военных действиях на Кавказе. В боях он был еще два раза ранен – в ноябре 1919 года и в марте 1920 года. В конце 1920 года он эвакуировался с Кавказа с армией генерала Врангеля. За три дня из портов Черного моря на 126 кораблях было вывезено около 146000 человек, среди которых было 70000 солдат.

Павел оказался интернированным в лагере греческого острова Лемнос и в ожидании потенциального возобновления конфликта с большевиками остался там на 2 года. Условия для жизни были тяжелые. Остров был очень сухой и на него привозили воду на кораблях. В лагерях острова солдаты спали в палатках и проводили военные учения. Охрана велась Сенегальскими стрелками. Разоружение военных при ликвидации таких лагерей было сложной задачей. Поняв бессмысленность нахождения в лагере, Павел покинул остров в конце 1922 года и поехал в Афины. Свою военную карьеру он окончил в чине капитана.

Он заключил трудовое соглашение о работе во Франции, где была нехватка после войны рабочих рук. При этом Павел изменил дату рождения в своих документах с 1893 на 1898 год, чтобы его взяли во Францию. Много позднее, когда он вступал в пенсионный возраст, он ощутил все последствия этой подделки. Его привезли в Марсель, и он начал работать в угольных шахтах, а затем

*Выход прихожан из Русской церкви
Серафима Саровского во время визита епископа
(1934 г.)*

Париж вместе с семьей консула Эстонии господина Постельникова, и работала в качестве компаньонки и экономки.

Молодая семья переехала в Ганьи, где Павел смог легко устроиться на работу электриком. Православный священник церкви Святого Серафима Саровского отец Серж Пфефферман уступил приехавшим молодоженам свой домик на улице Золотой Звезды. Будучи евреем, священник носил желтую звезду во время войны и ускользнул от депортации, уехав из поселка и укрывшись в одном из православных монастырей Франции. Лидия Павловна вспоминала о своем молодом и мало словоохотливом отце, с которым она была близка. Она была хорошей ученицей в школе и каждую субботу по вечерам показывала отцу свой журнал с блестящими отметками. По воскресеньям для ее поощрения отец сажал девочку на велосипед, и они ехали к книготорговцу на вокзал в Шелль, где она выбирала себе книгу. Отец любил ездить с ней на велосипеде. А, во время Второй Мировой войны велосипед пригодился ему для езды в соседний поселок, где можно было купить хорошие продукты у верных друзей.

*Анна Богачева
(урожденная Емельянова). 1932 г.
Мать Лидии Павловны*

на сталелитейном и металлургическом заводах. Однако, несмотря на тяжелый физический труд, у него было одно большое увлечение. Павел был превосходным музыкантом и принимал участие в многочисленных оркестрах. Он играл на гитаре в 10 струн, которая обладала четырьмя дополнительными струнами контрабаса. Молодой человек хотел получить какую-нибудь специальность, и спустя некоторое время Павел смог уехать в Париж, где он окончил курсы на русском языке, чтобы приобрести квалификацию монтажника-электрика. Именно в Париже он встретил свою невесту Анну Емельянову (1901-1956), которая происходила из русскоговорящей православной семьи региона Нарва на берегу Балтийского моря. В 1932 году она приехала в

На довоенном плане городков у Александра Никольского указаны фамилии проживавших русских. В 1930 году было около 40 домов с русскими семьями, а в 1935 году уже 52 дома, среди которых одно кафе «Абасис» и два русских магазина. Русские, жившие в квартале, работали на заводах, в гаражах, шоферами такси. Одним из первых поселившихся в 1926 году русских был Дмитрий Плешаков. Среди бывших военных был один генерал, а также полковник Дмитрий С. Чистяков и некий служащий Петр С. Бадовский, который сыграл существенную роль в конституции организованного церковного прихода и создании архива документов. После строительства церкви барачного типа в квартале в 1934 году открылась четверговая школа с 15 учениками, где изучали катехизис (краткое изложение христианского вероучения), русский язык, историю и географию России. Дороги на окраинах поселков застраивались домами и превращались в улицы. В 1938 году колодцы на перекрестках были заменены водопроводом.

У Лидии Павловны сохранилось множество фотографий 50-х годов, где запечатлены компании местной молодежи, имевшей русские корни, а также фотографии групп русских прихожан около церкви. Среди жителей, запечатленных на них, встречаются фамилии Павлюк (водитель такси в Париже), Скулов, Подкопаев, Громов (владелец кафе в квартале, где русские собирались на православные праздники).

*Русская церковь
Серафима Саровского. 2010 г.*

*Дом Никольских в Ганьи.
2010 г.*

*Павел Богачев
(крайний справа).
Квартет
в Булонь-Биянкур.
1931 г.*

*Лидия Павловна Никольская
(урожденная Богачева) в 18 лет*

*Павел Богачев с дочерью Лидой
1936 год*

Родители Александра Никольского попали из России во Францию, как большинство русских эмигрантов, после Гражданской войны.

Отец Сергей Николаевич Никольский (1885–1963) был из семьи артиллерийского офицера, который женился на дочери контр-адмирала Карла Васильевича Фрейганга. В начале Сергей Никольский был гвардейским офицером, затем после окончания в Гатчине в июне 1914 года авиационной школы стал военным летчиком. В гражданскую войну он был военным комендантом Ялты. В эмиграции один год работал таксистом в Афинах, а затем перебрался на юг Франции в Ментону, где тоже был шофером такси. В Ментоне жил и его родной брат Алексей Николаевич Никольский, который тоже был эмигрантом. В России Алексей был инженером-механиком Черноморского флота, а в Ментоне стал владельцем гаража. После окончания войны он, в отличие от брата, решил вернуться и уехал из Франции в СССР. Жил в Ульяновске, начал болеть и вскоре умер.

Мать Александра Никольского – Наталья Александровна (1902-1993), дочь врача Александра Федоровича Малинина. Ее родительская семья жила в Москве в Воротниковском переулке. В 17 лет Наталья Александровна вместе с братьями оказалась в Белой армии. Она была сестрой милосердия. С армией Врангеля попала в Константинополь. А затем перебралась в Париж. Один ее брат Владимир Малинин был убит в Гражданскую войну, другой – Кирилл, также как и она, приехал во Францию. Их мать Елена Николаевна Малинина (1878–1960) оказалась в эмиграции в Берлине, где успешно занималась изготовлением шляп. В конце войны она уехала в Париж и в 50-е годы жила в Русском старческом доме в Ганьи.

В Париже Наталья Александровна училась на курсах для русских женщин в Американском госпитале в Нейи. Летом поехала отдыхать на юг Франции, и там познакомилась с таксистом Сергеем Никольским, за которого вышла замуж. В начале семья жила в Ментоне, и Наталья Александровна работала медсестрой. Во время войны Ментона была оккупирована итальянцами. Семья переехала в горы под Ниццу и жила почти всю войну у семьи Жестковых – знакомых русских Натальи Александровны еще по Москве, у которых в горах была куриная ферма. А в 1944 году, когда еще шла война, семья Никольских уехала оттуда и вместе с Еленой Николаевной (матерью Наталии Александровны), приехавшей из Берлина, устроилась в Париже.

Наталья Александровна пережила мужа на 30 лет. Она и ее муж похоронены на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Богачевы похоронены на Центральном кладбище в Ганьи, где русские могилы разбросаны по всему кладбищу, но имеется и небольшой участок только с русскими могилами. Кроме того, там стоит монумент, связанный с захоронениями русских из Русского дома в Ганьи, существовавшего около 35 лет с 1954 по 1989 год.

Александр Сергеевич Никольский является старостой церкви уже более 30 лет. Эта общественная должность у него появилась, когда он уже был на пенсии, а до этого он был так же, как и его отец, летчиком. Его жена Лидия Павловна работала химиком в Ветеринарном институте под Парижем. В семье взрослые сын и дочь, которые неплохо разговаривают по-русски, но уже не живут в Ганьи. Сын имеет потомственную профессию летчика, а дочь стала врачом-реаниматором. Количество прихожан в церкви за семь десятков лет уменьшилось. Сами послереволюционные эмигранты уже все, конечно, умерли. Кто-то из потомков переехал, но после войны появилось и новое пополнение из русских. Церковь всегда имела юрисдикцию Константинопольского патриархата. С 1981 года до начала 90-х годов службы проходили уже только на французском языке, так как священник не знал русского. А сейчас они ведутся на двух языках: русском и французском. Но, главное, что прихожане почитают свои русские корни. Они стараются, используя компьютер, собрать фотоархив, который может познакомить с жизнью их русских предков, благодаря своему трудолюбию адаптировавшихся во Франции, где выросло уже не одно поколение их потомков.

Р.С. Хотелось бы поблагодарить супругов Никольских за большое содействие в получении материалов и теплый прием, оказанный в Ганьи.

Русский мир без границ

Берега Литвы

Владимир Вахрамеев

Член Союза журналистов России, Международной Ассоциации писателей и публицистов, ветеран Вооружённых Сил СССР и Войск ПВО страны. Является автором сотен статей, очерков, рассказов, обзоров в периодических СМИ России и зарубежья, трилогии «Опалённые ложью» и ряда других книг. Одну из них в соавторстве с известной русской поэтессой Литвы Эльвирой Поздней, посвятил своему другу актёру и поэту, режиссёру и сценаристу Валерию Петровскому. По материалам сборника «Я не хотел бы всех печалить ...» актёрами Калининградского областного музыкального театра и Вильнюсского русского театра драмы был поставлен спектакль «Письма, рифмованные любовью». Имеет свыше двух десятков государственных и правительственных наград СССР, РФ и ЧССР, Кавалер Нагрудного Знака главных редакторов «Четвёртая власть. За заслуги перед прессой», лауреат премии «Журналист-2014»

Верный рыцарь русского романа

(К 75-летию со дня рождения Валерия Агафонова)

Он такой молодой в свои семьдесят пять! –
Рядом жарко гореть двум свечам...
А глаза-то какие с портрета глядят!..
И Елена не спит по ночам...

Эльвира Поздняя

Сумерки уже проникали в узкие улочки старого Вильнюса, по которым мы направлялись с моей спутницей, известной в Литве русской поэтессой, Эльвирой Поздней в Дом учителей. В завершение этого, насыщенного встречами и общением с творческой интеллигенцией, первого весеннего дня нам предстояло принять участие в литературно-музыкальном вечере, посвящённом памяти «рыцаря русского романа» Валерия Агафонова. Это памятное мероприятие, на которое мы были приглашены, подготовила и организовала руководитель Ассоциации любителей русского романа в Литве «МЕЛОС», учёная, общественный деятель и писатель Елена Петровна Бахметьева. Каждая встреча с этой милой, невысокого росточка и очень уважаемого возраста женщиной всегда была интересна, привлекала своей новизной, а также возможностью на её вечерах встретить и пообщаться с интересными людьми. Несколько раз за последние два года, во время приездов в древнюю столицу Литвы, мне посчастливилось принимать участие в мероприятиях Ассоциации «МЕЛОС» и на себе прочувствовать их сердечную теплоту, дружескую и творческую атмосферу. Доктор гуманитарных наук Е.П. Бахметьева является автором многочисленных книг и научных публикаций, радио- и телепередач. Она активный член-корреспондент Академии Российской словесности, член Международной ассоциации писателей и публицистов. Ранее долгие годы преподавала в ВУЗах Ленинграда и Вильнюса. Её разносторонняя научная и культурная деятельность широко известна не только в Литве и за её пределами, но и высоко оценена международными властными и общественными структурами. Только за последние годы Указом Президента России доктор гуманитарных наук Елена Бахметьева была награждена медалями А.С. Пушкина и «Ф.М. Достоевского. За красоту, гуманизм и справедливость», орденом «За вклад в культуру», Почётным знаком Росзарубежцентра «За вклад в дело дружбы»... Однако, несмотря на

высокие награды и звания, Елена Бахметьева по-прежнему остаётся интеллигентным, общительным и добрым человеком, обязательной и скромной женщиной.

Не спеша, идя по узким улочкам старого Вильнюса вслед за своей талантливой спутницей и, подчас, невпопад поддакивая её монологу, невольно с интересом наблюдал, как загорались окна-светлячки на зданиях, переживших не одно столетие. Мысленно невольно восхищался прелестью архитектуры, которая, бесспорно, стала «свидетельством человеческого величия». Люблю я этот чудесный город, как и Ригу, Таллин. С каждой из этих столиц связана часть моей жизни. Рига – это моё детство и отрочество, Вильнюс – курсантская юность, первые профессиональные пробы пера и стихи, очерки, рассказы. Свыше двух десятилетий, после свадьбы, мы с супругой обязательно ежегодно посещали столицу Эстонии и любили бродить по Вышгороду или по дорожкам Бастионного

парка, а с высоты башни «Длинный Герман» любоваться старым Таллином. Потом, сидя в кафе «Таллин» или «Палас», неспешно попивали ароматный кофе вместе с дамами, уже давно или недавно пережившими Бальзаковский возраст, и одинокими, но ещё молодящимися, старичками. В эти минуты и часы, слушая, как слегка хрипловатым голосом супруга читала стихи своего любимого Игоря Северянина, казалось, эта жизнь, как и эти старинные здания столицы Эстонии, будут с нами и после нас ещё столетия... Однако «Чужд нам город – исчадь азарта – / Узаконенный переполох. / С колокольни святого Ленарта / Хрипловатый разносится вздох». О! Как неподражаемо красив каждый из этих городов, и как схожи их судьбы... и всё же, как они различны! Каждая встреча со столицами Прибалтийских государств, прогулки по средневековым улочкам невероятно напоминают встречи с друзьями детства, юности, зрелости и... (увы!) неизбежно наступающей старости!..

Вот мы и подошли к очередному шедевру архитектуры – зданию, которое жители столицы знают, как Вильнюсский Дом учителей. Открыв массивные двери и пропустив вперёд свою спутницу, входим в вестибюль, где нас встречает администратор. Она тут же нас предупреждает, что здание плохо отапливается и рекомендует либо снять верхнюю одежду наверху, либо остаться одетыми. Поднявшись по широкой лестнице на третий этаж, мы с Эльвирой Поздней входим в просторное фойе, из которого двое широких дверей ведут в Большой зал Дома учителей. Из распахнутых дверей слышен негромкий шум, свидетельствующий о том, что в зрительном зале уже собралось немалое количество зрителей. Небольшими группами зрители, разместившиеся у стендов с картинами художников республики и у столов мастеров прикладного искусства, непринуждённо и негромко беседовали на русском и литовском языках. Между ними энергично перемещалась наша милая хозяйка вечера Елена Бахметьева. Не успели мы обменяться репликами и раскланяться со знакомыми, как она быстрым шагом подошла к нам. Несмотря на царившую в помещении прохладу, Елена Петровна была одета в длинное вечернее платье и, словно тонкий стебелёк, вытянулась в обуви на высоких каблуках. Сердечно поздоровавшись с нами, она напомнила моей спутнице программу вечера, очерёдность её выступления и предложила проходить в зрительный зал. Поразило не только то, что Большой зрительный зал был уже практически заполнен, но и большинство присутствующих, несмотря на царившую в нём прохладу, сняли пальто, куртки и плащи. Направляясь на свои места в первый ряд, мы встретили по пути немало друзей и добрых приятелей и коллег – литераторов. Среди них были вице-президент МАПП Лев Месенгисер, издатель и программист Сергей Шеремет, его супруга поэт и редактор издания Ассоциации русских писателей Литвы Елена Шеремет, председатель ЛО «ЛОГОС» и поэт Ева Ахтаева, председатель СРЛХ «РАРОГ» магистр истории Валерий Иванов и другие. Оживлённый разговор с кем-то из давних знакомых неожиданно прервала своим вопросом подошедшая к нам прелестная ведущая: «Я слышала, что Вы когда-то встречались с Валерием Агафоновым?». Едва я успел кратко и несколько сумбурно поведать ей о нашей короткой встрече с певцом, как хозяйку вечера пригласили на сцену...

Увы, но память не сохранила точную дату моей единственной встречи с певцом, музыкантом и актёром Валерием Борисовичем Агафоновым. Произошла она незадолго до смерти моего учителя музыки по классу фортепиано Оскара Строк (1893-1975). Да-да, – это был именно тот легендарный

«король», который «сочинял танго» и о котором поёт популярная певица из Латвии Лайма Вайкуле. В конце 40-ых годов прошлого столетия, когда Оскара Давыдовича Строка, написавшего несколько сотен замечательных песен, исключили из Союза композиторов СССР за сочинение произведений, «способствующих воспитанию в советском обществе низкого музыкального вкуса», мой отец Сергей Вахрамеев, возглавлявший Дом работников искусств Латвии, предложил ему работу в ДРИ. Моё обучение длилось года полтора-два, ибо вскоре известный музыкант и композитор ушёл на другую работу, а через пару-тройку лет и наша семья покинула пределы Латвии. Моя же последняя встреча с гениальным «королём танго» произошла спустя почти два десятка лет в Рижском Окружном Доме офицеров. Здесь, в некогда очень популярном Голубом зале исторического здания ОДО Прибалтийского военного округа, проходил семинар военных журналистов, начальников Домов офицеров и солдатских клубов, среди участников которого довелось присутствовать и мне. «Изюминкой», завершавшей это сугубо деловое мероприятие, стала творческая встреча с Оскаром Строком и Валерием Агафоновым. Во время небольшого перерыва, который предшествовал встрече, я, с трудно скрываемым волнением, подошёл к бывшему учителю музыки и... он, пристально посмотрев на меня, сказал: «Вы, товарищ капитан, очень похожи на своего отца, который, как я слышал, уже ушёл из этой жизни». Нашу непродолжительную беседу прервал подошедший улыбающийся, среднего роста молодой человек, которого Оскар Давыдович представил, как своего коллегу – музыканта и исполнителя своих песен. Затем, улыбнувшись, сказал: «Он, не только музыкант и, кажется, Ваш ровесник, но, в отличие от меня, ещё и талантливый, оригинальный певец. Рекомендую внимательно прислушаться к его своеобразному исполнению танго и романсов». Вскоре со сцены, во время рассказа – воспоминания известного музыканта и «великого гения танго», Валерий Агафонов дважды или трижды иллюстрировал его своим потрясающим пением. После Оскара Строка состоялось выступление Валерия Агафонова. Свой небольшой рассказ о себе и истории романса обладатель уникального бархатного голоса постоянно сопровождал игрой на гитаре или пением под аккомпанемент известного пианиста и композитора. Не менее получаса не отпускали Оскара Строка и Валерия Агафонова, обступившие их после завершения встречи, благодарные слушатели-офицеры. Затем руководство ОДО пригласило своих гостей и нескольких офицеров в кафе, расположенное на первом этаже Дома офицеров. Слушая профессиональный разговор двух музыкантов, я неоднократно ловил себя на мысли понять, что же объединяет этих двух совершенно разных людей? «Король танго» почти на полвека старше будущего «рыцаря русского романса»... Известны и любимы миллионами людей в СССР, а также за пределами страны песни – танго Оскара Строка, исполнителями которых были самые известные солисты, такие как: Анастасия Вяльцева и Надежда Плевицкая, Клавдия Шульженко и Вадим Козин, Пётр Лещенко и... только начинающий завоевывать популярность Валерий Агафонов... Пройдёт более трёх десятков лет после той памятной для меня встречи, когда актёр и режиссёр Русского драмтеатра Литвы, поэт Юрий Щуцкий в своём «Венке сонетов», посвящённом Валерию Агафонову, напишет: «Романса незатейливая суть / Таит в себе негданную силу. / Как больно ключевой воды хлебнуть, / Так слушать голос твой невыносимо». Вот так, волей-неволей, ответ на свой мысленный вопрос нашёлся спустя ещё несколько десятков лет, после прочтения этих поэтических строк. Таким образом, оба эти талантливых человека были не только страстно преданны избранной стезе, но и стали хранителями и пропагандистами таких замечательных жанров, как танго и романс, которые всегда были, есть и будут любимы десятками миллионов людей! Однако партийная и государственная номенклатура тех лет считала танго и романс образцом пошлости и буржуазности. Исходя из этого постулата, получается, что композиторы, музыканты и певцы, работающие в жанрах танго и романса, выступали против политики власть предержащих!..

Примолкнувший на несколько минут зрительный зал после того, как на скромно убранную сцену вышла Елена Бахметьева, взорвался аплодисментами, едва она объявила о начале вечера, и... прервал мои размышления. Большой портрет Валерия Агафонова, перед которым стояли вазы с цветами, и небольшой журнальный столик с тремя креслами, разместившимися в правом углу большой сцены, а также несколько микрофонных стоек на белом фоне экрана – вот и весь скромный интерьер сцены. Этот антураж как бы оттенял в ярком свете софитов тонкую фигуру ведущей в длинном вечернем платье. Негромким голосом с плохо скрываемым волнением Елена Бахметьева приступила к своему рассказу о том, как познакомилась с будущим «рыцарем русского ро-

манса», как прожила с ним совместно несколько импульсивных лет. Своими воспоминаниями она представила нам судьбу незаурядного человека, опровергла некоторые мифы и легенды, которые при жизни и после ухода в мир иной сопровождали его. Несомненно, в своём вступительном слове эта замечательная женщина, многие годы бывшая верным спутником и самым близким человеком Валерию Агафонову, не могла остановиться на всех нюансах жизненного пути талантливого певца и музыканта. Вот как поэт и режиссёр Юрий Щуцкий в своей оде, посвящённой другу – певцу, прелестно заметит: «У каждого есть личный Млечный Путь, / И собственная мука – Хиросима. / И стоит только пристальней взглянуть, / Как за улыбкой горе различимо». Одним из первых мифов, с которым я столкнулся при изучении жизни и творчества будущего «рыцаря русского романса», был рассказ о том, как известный петербургский дворянин и меценат Агафонов, следуя в своё загородное поместье, замечает на обочине дороги оборванца-цыганёнка и привозит его в поместье, а позднее усыновляет, воспитывает и даёт разностороннее образование. Этим, ставшим в будущем учёным был, якобы, отец героя нашего повествования Борис Агафонов. В реалии всё было намного проще, но не менее занимательно. Деда Валерия Агафонова именовали Лука Кузьмич, и был он кучером в сибирском городе Чите. После революции 1917 года и последующих невзгод гражданской войны вместе со своей огромной семьёй он бежит в Монголию, где и оседает на несколько лет. Из всех членов этой неграмотной либо, точнее, полуграмотной семьи лишь сын Борис освоил монгольский, китайский и японский языки. Прекрасное знание и свободное владение иностранными языками станет своеобразным пропуском в русские научные круги. Вслед за Борисом в СССР возвращаются его родители, братья и сёстры. В 1936 году Борис женится, но семейная жизнь длится недолго, ибо «молодая» сбегает с любовником. Так Борис Агафонов становится соломенным вдовцом с малюткой Нинель на руках. Спустя три года молодой учёный и преподаватель влюбляется в свою коллегу и через год женится на представительнице научной интеллигенции северной столицы Марине Леонидовне Коноплиной. Однако счастливая семейная жизнь длится недолго. В 1941 году отец Валерия Агафонова уходит на фронт и вскоре пропадает без вести после кровопролитных боёв в районе Смоленска... Исполнилось Борису Лукичу Агафонову в том памятном 1941 году 34 года. Так и останется его вдова проживать в легендарной ленинградской коммунальной квартире на улице Моховой, дом 43, состоящей из 13-ти комнат и с 35-тью соседями. В одной из больших комнат и размещалась семья Агафоновых, в которую входили Марина Леонидовна с беспомощной, парализованной свекровью и двумя малолетними детьми – приёмной дочерью Нинель и сыном Валерием. Спустя годы Нинель Ширвинская вспоминала, что именно в просторном коридоре этой квартиры, где собрались многочисленные соседи, она в 1956 году услышала в несколько непривычном исполнении братом Валерием знаменитого романса «Я встретил Вас». Их двоюродный брат подполковник в отставке Алексей Коноплин, вспоминая свои наблюдения того времени за музыкальными репетициями своего юного родственника, в воспоминаниях упоминает такой факт, как «пение с камешками во рту», а также об увлечении брата рисованием. Рисунки 50-ых годов прошлого столетия даровитый юноша – художник, посещавший вольнослушателем занятия в Ленинградской Академии художеств, как отмечал в своих повествованиях друг детства Валерия, член Союза художников Санкт-Петербурга Валерий Климов, подписывал сказочным псевдонимом «Агабабыч». Своё мастерство игры на гитаре будущий известный певец и музыкант совершенствует в художественной самодеятельности Ленинградского ремесленного училища №63, где обучался профессии шлифовальщика, а затем на производстве и в прославленном театральном институте имени Островского. В ЛГИТМиКа Валерий Агафонов непродолжительное время обучался на курсе великого актёра тех лет Народного артиста СССР Василия Васильевича Меркурьева. С этим периодом связаны и первые, пока ещё робкие, но довольно успешные попытки по сочинению музыки. Немалой популярностью среди почитателей таланта певца и композитора пользуются его песни на стихи друга со времён обучения в училище Юрия Борисова. Стоит заметить, что поэт и известный питерский бард, который ушёл из жизни в 90-ых годах прошлого столетия, напишет на смерть своего друга и собрата по творчеству Валерия Агафонова стихотворение, в котором будут такие строки: «Внемлет минорным созвучиям / всё повидавший Парнас, / слушают ивы плакучие / твой недопетый романс...».

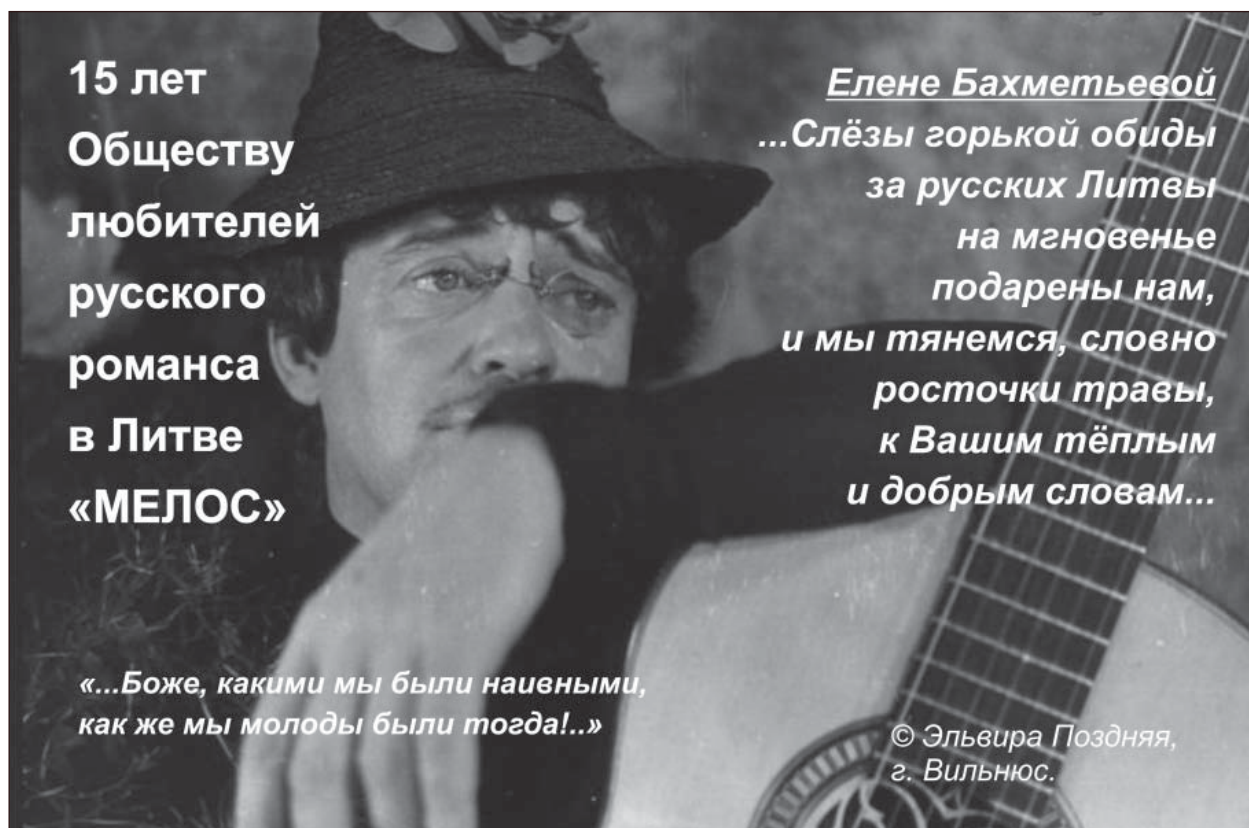
Свою учёбу в тот период Валерий Агафонов совмещает с работой в легендарном ресторане «Астория». Знавшие его друзья и приятели того периода отмечали невероятно щепетильный под-

ход музыканта и певца к подбору репертуара, за основу которого берутся стихи А. Пушкина и С. Есенина, романсы А. Вертинского и классические цыганские песни. Друг певца тех лет кандидат исторических наук Георгий Минин вспоминал одну трогательную встречу, невольным свидетелем которой стал. Как-то один иностранец, посетивший ресторан, на хорошем русском языке, но с плохо скрываемым французским прононсом, попросил певца исполнить романс «Гори, гори моя звезда». Едва В. Агафонов завершил своё пение, как уважаемый иностранец попросил ещё раз повторить исполнение, а потом ... и в третий раз. После завершения пения посетитель долго благодарил певца за мастерство и невероятно исторически точное исполнение романса. Затем он поведал исполнителю, что был адъютантом адмирала Колчака. По его рассказу этот романс был любимым произведением адмирала. За несколько минут до расстрела Верховный Главнокомандующий попросил командира красноармейцев,

руководившего расстрелом, исполнить его последнюю просьбу. Ею оказалось желание принести гитару. Под аккомпанемент которой он, спустя несколько минут, исполнил свой любимый романс. Далее, как вспоминал адъютант, солдаты отказались расстреливать адмирала, и для приведения в исполнение приговора военного трибунала срочно была вызвана расстрельная команда Красных латышских стрелков. Другой приятель певца тех лет вспоминал, что на выступлении в «Астории» цыганского ансамбля, руководитель его обратил внимание на обладателя прекрасного голоса, внешне очень похожего на соотечественника, и пригласил талантливого юношу в свой творческий коллектив. Так, Валерий Агафонов, под псевдонимом Ковач, стал солистом цыганского ансамбля. Вскоре в его репертуаре появляется, ставшая на многие последующие годы визитной карточкой певца, песня на стихи Сергея Есенина «Ты поила коня». В эти годы стала формироваться большая картотека романсов мастера этого прекрасного песенного жанра. «Без надрыва, спокойная манера исполнения песен, внешняя сдержанность при духовной и эмоциональной наполненности», как отмечали почитатели таланта, – становятся важной составляющей творчества музыканта и исполнителя. В этот «цыганский период» на одном из выступлений присутствовал Президент Франции Шарль де Голь, который с уважением отметил великолепную дикцию и тончайшую интонационную филигрань пения Валерия Агафопова. Быть может, эта встреча и легла строками в «Венок сонетов» Юрия Щуцкого, посвящённых «рыцарю романса»: «Закрыв глаза и полонив гитару, / Ты замирал. На ощупь, не дыша, / Пять странников, по робким струнам шаря, / Плели рыданье ветра в камышах. // Как молния гнездо свивает в шаре, / Пять коршунов сгибали, не спеша, / Из струн спираль любви, тоски и жара, / Внутри которой страдала душа».

«Это было в 1965 году в Ленинграде», – с этой фразы начинается свой рассказ «Первая встреча» о Валерии Агафонове доктор гуманитарных наук, автор статей в научных и популярных изданиях Литвы и России Елена Петровна Бахметьева. Свои воспоминания она опубликовала спустя почти полвека после смерти певца в литературном альманахе «МАПП: 5 лет в Литве». В 60-ые годы предыдущего столетия она жила в общежитии ЛГИТМиКа и работала научным сотрудником этого прославленного ВУЗа. Как-то у молодой сотрудницы сломался торшер, и комендант общежития прислала ей монтера, которым оказался бледный, худой юноша с огромнейшей копной рыжих волос. Через день-два этот, как оказалось, настойчивый и разговорчивый молодой человек уже пришёл к ней с гитарой и прелестно исполнил для неё романс «Снился мне сад». Как вспоминала Елена Бахметьева, её невероятно тронула вдохновенно исполненная певцом строка: «В этом саду мы с тобою вдвоём». А вскоре, как вспоминает эта замечательная женщина, она увидит «его очень красивым,

талантливым, остроумным кавалером, поклонником, рыцарем, но прежде всего – рыцарем романсов». Пройдёт несколько лет, прежде чем Генриетта Каземировна Пранцкене-Докальская, «которая в Вильнюсе его понимала, как никто», поведает короткий монолог певца: «Я Леночку знал на год раньше, чем она меня узнала. Она жила в институте, где я работал монтером, и я год смотрел на неё, боясь подойти, пока случай не привёл меня в её комнату – починить торшер». Быть может, после этого рассказа и родились у публициста и поэта Елены Бахметьевой строки: «Не всё сбылось ... / Я ж – у порога уже иного бытия, / И потому молю я Бога, / Чтоб он мне Там отдал Тебя».

Немало интересного и даже трогательного узнали некогда читатели и поклонники творчества Валерия Агафонова из другого повествования, названного писателем и публицистом Еленой Бахметьевой «Рыцарь романса». Статья была опубликованная осенью 1992 году в журнале СПЛ «Вильнюс». Безусловно, некоторые моменты, особенно связанные с детством певца могут вызвать и нежно-грустные чувства. Вот такая литературная зарисовка, в которой ещё ребёнок Валерик, как звали его близкие, недавно переживший Ленинградскую блокаду и считавшийся в детском саду не поющим, «вышел на середину комнаты и необыкновенно жалостливо запел грустную песню-романс о тяжкой судьбе Льва Николаевича Толстого, песню, которую ещё можно было слышать после войны в холодных вагонах от искалеченных на фронтах мужчин... Так впервые ему пришлось отстаивать свой талант и свой репертуар. Потом это будет ещё не раз». Многим детям войны, вероятно, памятли эти холодные послевоенные общие вагоны пассажирских поездов, инвалиды войны, просящие подаяния и поющие с надрывом эту песню, повествующую о том, как Л.Н. Толстой бежал из Ясной Поляны и умер на небольшой станции... Родные и друзья вспоминают, что со школьной скамьи верным спутником В. Агафонова стала гитара. «Уже тогда, в начале 60-ых годов, гитара казалась чем-то от него неотторжимым – продолжением его рук, голоса, души» – приводит Елена Бахметьева строки из статьи, опубликованной Борисом Алмазовым в газете «Невское время». Здесь же она перечисляет все этапы творческого пути своего супруга-певца. Так, после работы в ресторане «Астория», он станет солистом концертной бригады Интуриста, а далее солистом ансамбля братьев Вингелевских, актёром Русского драматического театра Литовской ССР, солистом цыганского ансамбля Ленконцерта, потом вновь актёром Русского театра в Литве и вокалистом Ленконцерта. Растёт его профессиональное мастерство и популярность. Как отмечали многие критики тех лет, что «слушая голос Валерия Агафонова, воспринимаешь романс как конкретную жизненную ситуацию

– счастливую или трагичную, но всегда очень значительную. Стало уже бесспорным мнение об эталонной трактовке Валерием Агафоновым русского романса». Из перечисления творческих коллективов, с которыми связана судьба певца, музыканта и актёра видно, что представляют они два города – Ленинград и Вильнюс.

Безусловно, что любимый певцом град Петра своим величием вдохновлял и воспитывал Валерия Агафонова. Одна из почитательниц творчества певца и музыканта писала, что «строгий, глубокий, но страстный изнутри, интеллигентный и чувственный одновременно, он сочетает в себе и глубину Невы, и пасмурность неба с редкими просветами голубизны, и линии улиц, и лепнину невысоких домов с античными сюжетами на фасадах. Агафонов звучит так, как Петербург смотрится». На меня всегда производило лирико-ностальгическое впечатление исполнение Валерием Агафоновым известного романса «Отцвели уж давно хризантемы в саду». Как известно, его автором и первым исполнителем был Николай Харито, погибший на дуэли, а потом его исполняли такие замечательные певцы как Пётр Лещенко и Алла Баянова, Изабелла Юрьева и Клавдия Шульженко, Вадим Козин и Валерий Агафонов... Оба последних имени широко известны в нашей стране поклонникам романса. Знакомясь с их творчеством, неожиданно нашёл упоминание об их встречах. Однако, увы, никаких деталей и подробностей не удалось выяснить. Ещё до Октябрьской революции друг семьи известного петербургского купца Алексея Козина, уже популярный певец Юрий Марфесси, прослушав пение Димочки, как звали близкие Вадима Козина, сказал: «Вот растёт моя смена». Пройдёт чуть более полувека и на гастролях в Магадане Валерий Агафонов услышит слова великого В.А. Козина: «Не ожидал, что у меня есть продолжатель в этой стране, которая меня решила уничтожить». Первая же встреча этих гениальных исполнителей русского романса произойдёт в 70-ых годах в Ленинградской пивнушке «Жигули» вблизи Владимирской площади. Через несколько лет Валерий Агафонов выполнит просьбу своего обожаемого старшего коллеги и приедет на гастроли в Магадан. Вряд ли в тот момент, когда Вадим Алексеевич произнёс известные слова о таланте своего молодого коллеги, он предполагал, что переживёт его на десять лет...

Древняя столица Литвы – это второй город, внёсший немалый вклад в творческую судьбу певца. Вильнюс – это не только роли в Русском драматическом театре, но и занятия по вокалу с преподавателем консерватории В. Фокеевайте, новые музыкальные программы «Лев Толстой в музыке», и «Сергей Есенин», рождение чудных и популярных циклов «Гори, гори, моя звезда» и... прелестной дочурки Лады. Однако и годы жизни и творчества в Вильнюсе не обошлись без мифов и легенд. Одна из них связана с тем, что цыгане, проживавшие на окраине столицы, долго не признавали талант певца Агафонова, хотя несколько недель он посещал табор, пел в гордом одиночестве цыганские песни и романсы. Завершилось сидение тем, что на один из спектаклей, в котором играл певец и актёр, весь табор во главе с бароном ввалился в зрительный зал. Одна из поклонниц творчества певца Валентина Пазылова вспоминала позднее, что Валерий Борисович как-то на Вильнюсском базаре встретил цыган и устроил им импровизированный концерт, который привёл их в восторг. Четыре дня Валерий Агафонов у костра в небольшом дворике, куда они перебрались с базара, исполнял для табора цыганские песни и романсы. Кстати, нужно заметить, что о способности актёра и певца исполнять романсы при самых невероятных обстоятельствах и в самых неподходящих местах вспоминали многие его поклонники и друзья. Он был способен в вагоне пассажирского поезда, трамвае или автобусе расчехлить гитару и на радость пассажиров и друзей спеть романс или песню, которые соответствовали его настроению. Его сокурсники вспоминали об импровизированных концертах, которые устраивал их сокурсник на знаменитой центральной лестнице ЛГИТМиКа либо на лестничной площадке дома №32 на Моховой. Несколько лет после смерти великого исполнителя русского романса поклонники певца устраивали «Концерт на лестнице», либо концерт памяти Валерия Агафонова в сквере на Маховой в Ленинграде (Санкт-Петербурге). Об этих импровизированных концертах поэт Сэр Хрюкин (Михаил Резницкий) позднее скажет: «Чтоб описать талант без-

мерный?! / Простите менторский искус, / Но, новый музыкальный термин / Введу я: «Абсолютный вкус». В другом стихотворении он с восторгом скажет: «В ночной тиши, на звёздном фоне, / Среди озёр, долин и гор, / Поёт Валерий Агафонов / Под семиструнный перебор».

«FORTE»!!! Этим известным музыкальным термином мой стародавний приятель – музыкант и страстный поклонник романса как-то в разговоре обозначил последние годы творчества Валерия Агафопова, выпавшие на годы жизни в Вильнюсе и Ленинграде. Действительно, невероятно громко, сильно, в полную силу звука (т.е. «f») и сердца он живёт с середины 70-ых годов прошлого столетия. И это несмотря на врождённый порок сердца ещё со времён блокадного детства – диагноз, который, как приговор, поставили ему врачи. Именно об этом «надрывном периоде творчества певца» писала кандидат философских наук и поклонница творчества певца Лилия Щербакова-Кастя. В своих воспоминаниях она приводит замечательные слова музыканта Эдуарда Щербакова о том, что «не рука играет и не голос поёт, а душа великой личности». Но, измученный гонениями на любимый романс, желание иметь более широкую признательность, тоска по любимому Ленинграду и актёрская кочевая жизнь всё больше подталкивали Валерия Борисовича к извечной беде многих талантливых людей. Валерий Агафонов оставляет семью, возвращается в Ленинград, становится артистом «Ленконцерта», вновь женится и в этом втором браке с Татьяной рождается дочь Дарья, такая же рыжая, как отец, который продолжает гастролировать и петь...

Скончался известный певец прямо на улице вблизи Московского вокзала, когда поехал на свой очередной концерт. Его друг-художник Пётр Карустин, – автор необычного по форме крестанадгробия на могиле Валерия Агафопова на Северном кладбище, вспоминал позднее о последних часах жизни друга. Вечером накануне последнего концерта Валерий Агафонов встретился и посидел за столом между двумя Александрями (один – инженер из Алма-Аты, а второй – сотрудник «Ленфильма»), много пел и шутил... Расстались поздно... чтобы для самого знаменитого из них на другой день прозвучал другой музыкальный термин – CODA... А поэт Михаил Мазель в стихотво-

Э. Поздня, В. Вахрамеев, Е. Бахметьева

рени «Памяти Валерия Агафонова» скажет: «Не надо больше плакать, / не надо, я прошу. / Сегодня я уеду / и Вам не напишу. / Поверьте мне, не ходят / оттуда поезда. / Горит прощальной искрой / вчерашняя звезда»...

Однако пора вернуться к программе вечера памяти Валерия Агафонова, организованного и проведённого с большим мастерством его бывшей супругой доктором гуманитарных наук Еленой Бахметьевой. Едва завершился её рассказ, с которого начался музыкально-поэтический вечер, посвящённый певцу и музыканту, как на большом экране зрительного зала появились кадры фотохроники, подготовленной поэтом и руководителем ЛИТО «Логос» Евой Ахтаевой. Многочисленные кадры фотохроники строго соответствовали строкам «Венка сонетов», написанного поэтом, режиссёром и другом «рыцаря русского ромansa» Юрием Щуцким. В тишине Большого зала Дома учителей, заполненного зрителями, чётко и вдохновенно звучали стихотворные строки: «Твой голос растревоженною раной / До глубины, до самого конца / Меня потряс, разрушил, протаранил, / Скатил слезою со Щеки Творца. // То вёл вперёд – сквозь муку – капитаном, / То умолял не торопить гребца... / Как берег, притаившийся в тумане, / Судьба мерцала в голосе певца». Вдохновенный, с хорошей дикцией голос профессионального актёра, казалось, проникал во все уголки притихшего зала, в каждое сердце и душу, а на этом фоне проникновенно и тихо звучали романсы в исполнении истинного пропагандиста и знаменитого певца столь прекрасного жанра. «Я был с утра в делах, бедах, заботах, / В ошмётках дня, в зыбучей маете / И вдруг застыл, очнулся от полёта: // Куда, зачем и от кого летел? / Ты песней выводил нас из цейтнота, / Сорвав стоп-кран в гремучей суете»!.. Замечательной иллюстрацией приведённых поэтических строк стало за ними последовавшее исполнение известных русских романсов из богатого репертуара Валерия Агафонова. Из более чем 700 песен и романсов, которые входили в репертуар известного певца, были исполнены не только такие популярные и прекрасные произведения, как «Дорогой длиною», «Не уходи, побудь со мной», «Гори, гори, моя звезда», «Очи чёрные», «Москва золотоголовая», «Забыли Вы ...», «Изумруд», но и менее известные такие, как «Капризная, упрямая», «Погадай-ка мне, цыганка», «Тихо, всё тихо», «У камина», «Замело тебя снегом», «Всё теперь против нас» и другие. Исполнителями их были Светлана Сирота, Алиса Гладышева, Валерий Опарин, Виктор Пустовой, Анна Самокина, Юрий Сапрыгин, Марк Подолинский, Леонид Майоров и Михаил Масловский. Несомненно, каждый из этих вокалистов индивидуальны, обладали различным опытом и профессионализмом, манерами пения и диапазоном, тембром и экспрессивностью. Однако было нечто объединяющее певцов и тех, кто пришёл на это прекрасное действие. Это, прежде всего, любовь к «важнейшему жанру камерной вокальной музыки» и к одному из её наиболее талантливых, верных и преданных до конца жизни рыцарей – Валерию Борисовичу Агафонову. После смерти «рыцаря русского ромansa» фирма «Мелодия» выпустила пять больших грампластинок «Память сердца», которые сохранились благодаря коллекционеру Михаилу Крыжановскому. В 2000 году в Санкт-Петербурге на доме №32 по улице Моховой была установлена мемориальная доска с текстом: «В этом доме с 1941 по 1984 год жил выдающийся исполнитель русских романсов Валерий Борисович Агафонов». Кроме многочисленных дисков с записями романсов будут созданы и два документальных фильма «Петербургский романс» (1993 г.) – режиссёр Александр Сидельников и «Порог сердца» (2006 г.) – режиссёр Сергей Зайцев. Одна из многочисленных почитательниц таланта певца о последнем из них скажет: «Порог сердца» – фильм о человеке, служение искусству которого стало сутью служения отвергнувшего его, но бесконечно любимому им Отечеству». Как замечательно эти слова перекликаются со строками стихотворения талантливого русского поэта Литвы Эльвиры Поздней, которые вынесены эпитафией и которыми завершается очерк, посвящённый памяти Валерия Борисовича Агафонова: «А глаза-то какие с портрета глядят!.. / Так и хочется в них утонуть ... / Струны рвутся, как будто бессмертья хотят, / Сердце трепетное – отдохнуть»!

Берега любомудрия

Сергей Корнилов

Сергей Владимирович Корнилов – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград)

Тема Родины в творчестве русских мыслителей XX века

Крупнейшие события второго десятилетия XX века — Первая мировая война, две революции 1917 г. в России — сыграли огромную роль в становлении русского национального самосознания. Существенный вклад в осмысление уроков Великой войны и последовавших за ней социо-культурных и цивилизационных катаклизмов внесли такие выдающиеся отечественные мыслители, как Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Вяч. Иванов, И.А. Ильин, В.В. Розанов, Е.Н. Трубецкой, В.Ф. Эрн. Под влиянием военных и революционных событий качественно изменилась сама философская проблематика: на первый план выдвинулись тесно взаимосвязанные вопросы — войны и мира, жизни, смерти, Родины («Только там родина, где есть смерть. И потому последнее слово о родине — о смерти» [Булгаков 2003, с. 77]) — все эти проблемы оказались сфокусированными в концепции патриотизма.

Изменения философской проблематики отражали качественные сдвиги русского общественно-го сознания — и элитарного, и массового. Так, В.В. Розанов отмечал, что в 1914 г. Россия стала неузнаваема: всё наносное, суетное, мелкое было смыто очистительной бурей войны. Вместо столь характерного для обывателей заискивания и преклонения перед чужим появилось осознание самодостаточности. «Как в лучшие времена истории, Россия стоит одна нераздельна, — потому что на границе встал враг, угрожающий нам всем “без разделений”, угрожающий нам *в с е м*», — констатировал мыслитель [Розанов 1915, с. 33].

Немецкий милитаризм возник не на пустом месте, не внезапно, как «Deus ex machina» — но кто же возвращал его в Германии? Одним из значительных достижений русских мыслителей начала XX века стал анализ связи отвлеченных категорий западной философии с военно-политическими реалиями [Корнилов 2001, с. 433]. В своей речи «Кант и Крупп», произнесенной 6 октября 1914 г. на заседании Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, В.Ф. Эрн предельно точно сформулировал суть вопроса: «Но вот налетает война. Под мягкой шкуркой немецкой культуры вдруг обнаружились хищные, кровожадные когти. И лик «народа философов» исказился звериной жестокостью. Малин и Лувен, Калиш и Реймс вызвали бурю негодования, и все разом, дружно решили, что немецкая культура — одно, а зверства — другое, что Кант и Фихте столько же повинны в милитаристических затеях прусского юнкерства, сколько Шекспир и Толстой, и потому: да здравствуют Кант и Гегель, и да погибнут тевтонские звери! Моя речь — самый страстный протест против этого упрощенного понимания всемирной истории. Я сразу скажу свои тезисы и затем перейду к доказательствам. Я убеждён, во-первых, что бурное восстание германизма предрешено *А н а л и т и к о й* Канта; я убеждён, во-вторых, что орудия Круппа полны глубочайшей философичности; я убеждён, в-третьих, что внутренняя транскрипция германского духа в философии Канта закономерно и фатально сходится с внешней транскрипцией того же германского духа в орудиях Круппа» [Эрн 1991, с. 308—309].

Сегодня связи подобного рода стремятся стыдливо замолчать. Раньше данной «транскрипции» не стеснялись: в 1914 г. философский факультет Боннского университета присудил и самому Круппу, и директору его заводов Аусенбергу звание почётного доктора.

Европейскому обществу начала XX в., возникшему в результате развития буржуазных общественных отношений, в целом была присуща глубокая духовная и нравственная разъединённость. Личное благосостояние рассматривалось как главная цель жизни; единственной реальной почвой всех оценок, единственным обоснованием нравственного выбора стал частный интерес. Удовлетворение его отдельными лицами и государствами предполагало понимание таких категорий, как «сочувствие» и «солидарность», лишь в качестве временных инструментов при реализации

утилитарных индивидуалистических целей. Но всё изменилось поразительным образом в 1914 г. «...Война вторглась неожиданно в нашу жизнь и заставила нас гореть не о себе и работать не для себя, — отмечал И. А. Ильин. — Она создала возможность взаимного понимания и доверия, она вызвала нас на щедрость и пробудила в нас даже доброту. Война насильственно вдвинула в наши души один *о б щ и й* предмет; она противопоставила нашему мелкому повседневному “здесь” — некое великое “там” и потрясла нас этим “там” до корня» [Ильин 1915, с. 7—8].

Что же это был за «общий предмет»? Рано или поздно человек открывает для себя существование важнейшего экзистенциального вопроса — о Родине. В переломные моменты жизни ощущается вся значимость того места, где человек родился; лишь на первый взгляд могущее казаться случайным, именно это место делает нас сопричастным бытию. Развивая свои идеи в последующих трудах, И.А. Ильин возражал тем, кто объявлял патриотическую идею несостоятельной в современных условиях. Ошибка оппонентов, отмечал философ, состоит в том, что в основе их представлений лежит подмена «родины» её «суррогатом», который ошибочно принимают за родину, а именно: эмпирические условия жизни (природные или исторические) рассматриваются как нечто самостоятельное. Однако ни территория, ни климат, ни привычный быт и язык, ни хозяйственный уклад или гражданство не составляют родины, ибо «родина есть *нечто от духа и для духа*». Природные, исторические, кровные связи, только приобретая духовое значение, становятся предметом патриотической любви.

При таком условии человек воспринимает их как материал для духа — не только своего собственного, но также духа предков и духа народа.

Анализируя природу патриотизма, И.А. Ильин характеризует его как определенную ступень духовного опыта и духовного развития. «Тот, кто говорит о родине, — утверждал мыслитель, — понимает (сознательно или бессознательно) *духовное единство своего народа*... Это единство вырабатывается исторически, в борьбе с *природой*, в создании единой *духовной культуры* и в *самообороне* от вторгающихся нарушителей. Это единство закрепляется *своеобразием национально-культурного акта* и системой навязывающихся исторически-культурных и государственно-хозяйственных задач. Каждый народ призван к тому, чтобы принять свою природную и историческую «данность» и духовно проработать её, одолеть её, *о духотворить её по-своему, пребывая в своём, своеобразном национально-творческом акте*» [Ильин 1993, с. 232].

Вывод Ильина о том, что родина есть духовная реальность, позволяет ему сформулировать ещё одно принципиальное положение: её обретение связано с личной духовностью человека, следовательно, тот, кто лишён духовного опыта, не будет способен и к патриотизму. Вместе с тем, если любовь к родине, как и всякое настоящее чувство, коренится в глубинах человеческой души, то подлинное обретение родины каждым из людей переживается самостоятельно и самобытно. Это значит, что «казённый» патриотизм, т.е. навязываемый извне, принудительно, может на самом деле и не способствовать развитию чувства родины. «Патриотизм есть чувство любви к родине, как и всякое чувство, а особенно чувство любви, уходит корнями в глубину человеческого бессознательного. Обретение Родины должно быть пережито каждым из людей самостоятельно и самобытно. Никто не может предписать другому человеку его родину — ни воспитатели, ни друзья, ни общественное мнение, ни государственная власть, ибо любить, и радоваться, и творить по предписанию вообще невозможно» [Ильин 2011, с. 178].

Задача воспитания здесь заключается в том, чтобы пробудить у подрастающего поколения настоящий патриотизм, то есть способность и потребность исповедовать его и доказывать реальными делами.

Акт духовного самоопределения личности состоит в приобщении её к нации и родине. А внутренняя и внешняя эмпирическая данность, проработанная духом, подчёркивает мыслитель, представляет собой национально-духовный уклад, связующий людей. У каждого народа он своеобразен и проявляется специфически в различных областях человеческой жизни — в искусстве, верованиях, нравственности, познании, хозяйственной деятельности.

Последовавшие за Первой мировой две революции и крушение Российской империи знаменовали принципиально новое социально-философское и всемирно-историческое звучание темы патриотизма для русского человека и русского общества: «...Русский народ должен сделать сейчас величайшее напряжение духа, чтобы доказать миру, что в России есть патриотизм, есть национальное сознание, есть

гражданское достоинство... Зрелость России для мировой жизни и мировой роли будет прямо пропорциональна проявленному ей сознательному гражданскому патриотизму» [Бердяев 1918, с. 93, 95].

Историческим парадоксом стало то, что русские мыслители, с именами которых связано обоснование патриотизма в русской философии, были высланы из России или вынуждены были уехать за границу в послереволюционный период. Там, в изгнании, даже для тех, кому удалось обустроить свою жизнь и занять достойное место в обществе, оказалось, что «...дом на чужбине случайной, / где мирен изгнанника сон, / как ветром, как морем, как тайной, / Россией всегда окружен» [Набоков 1991, с. 133]. Сам факт эмиграции делал вопрос о родине и патриотизме особенно драматичным.

«Р о д и н а! — размышлял кн. С.М. Волконский. — Какое сложное понятие и, не смотря на сложность свою, какое сейчас неуловимое. Мы любим родину, — кто же не любит родины своей? Но что мы любим? Что? То, что было? То, что есть? Нет. То, что будет? Мы не знаем. Страну нашу? Где она? Клочки одни. Народ наш? Где его лицо? За темнотой лица не видать. Думы нашей земли? В чем они выражаются? Голос нашей земли? Где он звучит?» [Волконский 1992, с. 5].

Для заброшенного на чужбину русского человека, чьи с детства сформированные представления о родине и всё то, что было связано с ней в его сознании, оказалось разрушено, осквернено и поправно, с особой остротой встали эти вопросы. Можно ли, утратив Отечество, оказавшись в эмиграции, действительно признать ложным служение родине, отречься от неё, навсегда изгнать её образ из мыслей и сердца?

Князь С.М. Волконский выбирает иной путь: физическая утрата родины — путь к её духовному обретению: «Она будет не реальна, но она будет сильна в своей метафизичности; она не будет вне нас. Но тем сильнее будет в нас; она лишится узости земных границ и получит беспредельность личного сознания. И если, отрешаясь от земных условий, от привязанности к месту, мы в творческой памяти воссоздадим то, чего нет; если в тех горних высях, куда укрылся наш дух, сознание наше подёрнется влагой бесполезных сожалений, мы скажем вместе с поэтом:

«Нет у нас родины, нет нам изгнания», —

и на ровной поверхности когда-то возмущённо клокочущей души ощутим великое равновесие опрокинутого отражения» [Волконский 1992, с. 5].

Его размышления созвучны идеям, развиваемым другим выдающимся представителем русского зарубежья. «То, что я любил и чтил больше всего в жизни своей, — будет вспоминать в изгнании С.Н. Булгаков, — некричащую,

благородную скромность и правду, высшую красоту и благородство целомудрия, — всё это мне было дано в восприятии родины. И ей свойственна также такая *тихость и ласковость*, как матери. Она задушевна, как русская песня, и, как она, исполнена поэзии музыки. Только её надо слышать самому, внутренним слухом, потому что она не насилует и не потрясает, не гремит и не кричит, но тихим шепотом нашёптывает свои небесные сны. Она *робко напоминает* лишь о потерянном рае, о той надмирной обители, откуда мы пришли сюда. И теперь, когда я пишу эти строки и собираю свои чувства и свою любовь к ней, в душе моей звенит этот голос вечности. И поистине родину можно — и должно — любить *вечною* любовью. Это не только страна, где мы «впервые вкусили сладость бытия», это — гораздо большее и высшее: это страна, где нам открылось небо, где нам виделось видение лестницы Иаковой, соединяющей небо и землю. Но для этого надо изжить свою родину, воспринять и услышать её. Не всем это дано, иные, гонимые ветром жизни, оставляют или меняют родину, прежде чем она войдет в их душу» [Булгаков 2003, с. 64].

Путь обретения метафизической родины, таким образом, становится и способом самопознания, формой обретения подлинного «Я», а с ним — и того живительного начала духовности, с которым — как это отмечал ранее И.А. Ильин, — сопряжена самая идея родины.

Не менее важен патриотизм и для общества в целом — как высший социально-философский смысл национального самосознания, как инстинкт национального самосохранения: «Народ с колеблющимся инстинктом национального самосохранения и помраченным духовным самосознанием — не может отстаивать свою жизнь на земле; а заменить этот инстинкт и это самосознание нельзя ничем. Народ должен чувствовать в поддонных глубинах своей души — своё единство, свою неразрывную связь и сопринадлежность, свою самобытность и духовную драгоценность своего своеобразия перед лицом Божиим; он должен чутя своё «мы» и его величие; он должен верить в свои силы, в свою правду и в свою богоблагословенность» [Ильин 1999, с. 320].

Содержательное раскрытие особенностей русского патриотизма мы находим у Н.А. Бердяева. Отечественная мысль, русские искания, отмечал мыслитель, со всей очевидностью свидетельствуют о существовании русской идеи, наиболее полно выражающей характер и призвание русского народа. Национальный тип, народная индивидуальность с трудом поддаются строгим научным определениям. Можно согласиться с Бердяевым в том, что тайна всякой индивидуальности постигается лишь любовью, и в ней остаётся нечто непостижимое до конца, невыразимое в системе расчужденных дефиниций [Корнилов 1998].

При этом патриотизм вовсе не заключается в идеализации народной жизни. Природа русского человека, по мнению Бердяева, очень противоречива. Ему присущи и смирение, отречение, но также и протест против несправедливости жизни, бунт. Сострадательность, жалостливость соседствуют с возможной жестокостью, любовь к свободе — со склонностью к рабству. Отечественная история дает впечатляющие примеры как деспотизма и невиданной гипертрофии государства, так и анархии. Обостренное сознание личной индивидуальности сочетается с безличным коллективизмом, воинствующее безбожие — с исканиями Бога. «Противоречивость и сложность русской души, — заключает мыслитель, — может быть, связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Восток-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» [Бердяев 1990, с. 44].

История России проникнута глубоким драматизмом и даже трагизмом, когда цели и средства исторического процесса не совпадали, а добро не всегда побеждало зло. Анализируя развитие отечественной культуры, Е.В. Спекторский выделял три основных её фазы: святая Русь, великая Россия и свободная Россия. Христианство с конца X в. вошло в существо русской жизни. «В русском сознании, — отмечал мыслитель, — очень глубоко укоренился первохристианский идеал святости, который на Западе был заменён сначала этикой рыцарской чести, а потом буржуазной честностью, изрядно расшатанную принципиальным аморализмом Нового времени» [Спекторский 1970, с. 169–170].

Государственность, оттеснившая церковность на втором из выделяемых Спекторским этапов, введённая и последовательно реализуемая Петром I формула «великая России» — формула великодержавности — была воспринята Западом как призыв к экспансии против него, Европа усматривала в ней «русскую опасность». Между тем сам Е.В. Спекторский справедливо напоминал, что истинный смысл «обеспокоенности» западных держав и выдвигаемых ими обвинений был вскрыт ещё И.С. Аксаковым, писавшим: «Если поднимается свист и гам по поводу властолюбия и завоевательной похоти России, знайте, что какая-либо западноевропейская держава готовит бессовестный захват чьей-либо чужой земли» [Аксаков 1886].

Процитированная выше работа Спекторского «Эпохи русской культуры» содержит завет умудрённого жизнью человека, который при всех невзгодах жизненного пути всегда оставался русским патриотом: «На нас устремлены внимательные, редко дружелюбные, по большей части недоверчивые, а то и совсем враждебные взоры иноплеменников. И это обязывает. Мы никому не можем помешать ненавидеть нас. Но от нас зависит, чтобы нас не презирали. А для этого мы должны с полным сознанием и достоинством памятовать золотые слова Суворова: «Помилуй Бог, мы русские». Смысл этих слов — не космополитизм, не чужебесие, и не бахвальство, а, как выразился Толстой в «Севастопольских рассказах»: “чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого”, а именно, любовь к родине. Это чувство подсказывает нам, что прав был Пушкин, когда отождествлял Россию с непоколебимостью. В надежде славы и добра вперёд глядел он без боязни» [Спекторский 1970, с. 182].

Сегодня сформулированные русскими мыслителями идеи актуализируются в условиях, когда в адрес возрождающейся России раздается всё тот же, отмеченный ещё Аксаковым, «свист и гам», когда необходимость заново «отождествлять Россию с непоколебимостью» вновь обращена к гражданскому патриотическому чувству, «лежащему в глубине души каждого». Осмысление русской философией драматического опыта XX века — ценнейший вклад в философское обоснование патриотизма, и значимость этого обоснования — как и самого патриотизма — особенно велика на очередном переломе российской истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аксаков И.С.* Политическое обозрение (статья из газеты «Русь № 3, октябрь 1880 г.) [Электронный ресурс] // Сочинения И.С. Аксакова. Славянский вопрос 1860—1886. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1886. Режим доступа: http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_1880_polit_obozr_olderfo.shtml.
2. *Бердяев Н.А.* Русская идея // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 43—271.
3. *Булгаков С.Н.* Моя Родина // Булгаков С.Н.: pro et contra. Т. 1. СПб.: РХГИ, 2003. С. 63—77.
4. *Волконский С.М.* Мои воспоминания: В 2 т. Т. 2. М.: Искусство, 1992.
5. *Ильин И.А.* Духовный смысл войны. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915.
6. *Ильин И.А.* Основы борьбы за национальную Россию // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 9—10. М.: Русская книга, 1999. С. 317—396.
7. *Ильин И.А.* Путь духовного обновления / Сост., авт. предисл., отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011.
8. *Ильин И.А.* Путь к очевидности. М.: Республика, 1993.
9. *Корнилов С.В.* Русские философы. СПб.: Лань, 2001.
10. *Корнилов С.В.* Обоснование патриотизма в русской философии: уроки Первой мировой войны и эмиграции [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2016. — Т. 12.—Вып. 2.
Режим доступа: http://j-spacetime.com/actual%20content/t12v2/2227-9490e-aprovr_e-ast12-2.2016.61.php
11. *Корнилов С.В.* Философия самосознания и творчества: Портреты русских мыслителей. СПб.: СПбГУ, 1998.
12. *Набоков В.В.* Стихотворения. М.: Молодая гвардия, 1991.
13. *Розанов В.В.* Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1915.
14. *Спекторский Е.В.* Эпохи русской культуры // Записки русской академической группы в США. 1970. Т. 4. С. 163—182.
15. *Эрих В.Ф.* От Канта к Круппу // Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 308—319.

Берега любомудрия

Алина Чадаева

«В поисках Вечной Истины»

Отрывок из книги «Нет ни еллина, ни иудея»

Многим, наверное, покажется странным название книги «Нет ни еллина, ни иудея». Но откройте «Послание к римлянам» апостола Павла, и вы прочтёте: «Писание говорит: всякий верующий в Него не постыдится. Здесь нет различия между Иудеем и Еллином, потому что один Господь у всех, богатый для всех, призывающих Его». В словах этих – утверждение: все – дети Божьи. Мне могут возразить: а как же, мол, язычники? Или античные, например, философы, жившие в эпохи до Рождества Христова?

Среди так называемых «язычников» – коренных народов Сахалина, Приамурья, Чукотки – я прожила двадцать лет – 70-е – 80-е годы прошлого века. Всё это время вела записи неисчислимых поездок, встреч, бытований в национальных селениях. Не хотелось бы называть эти записи «этнографическими». Скорее это была великая школа, в которой я постигала азы древнего, традиционного мировоззрения нанайцев, удэгейцев, чукчей, эскимосов, нивхов, эвенков. Осмысление их обычаев, их сказки и сказания, своеобразие поэтических ритмов в их произведениях, обряды, которые совершались в тайге, тундре, на берегах Ледовитого океана, позволили мне сделать главный вывод.

ДРЕВНИЕ (коренные) НАРОДЫ ИСПОВЕДУЮТ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О МИРЕ КАК О ПЕРВОРОДНОМ ХРАМЕ, ЗАПОВЕДАННОМ ЛЮДЯМ БОГОМ. Смею утверждать, что народы эти имеют понятие О ЕДИНОМ БОГЕ, называя Его каждый на своём языке. Нанайцы, например, называют Его БОА-ЭНДУРНИ – Бог Вселенной. Знания эти сакральны и оберегаются от чужих, досужих глаз, особенно после тотального истребления религиозных представлений «малых народов» в советское время. Да, они признают, что мир невидимый населён «духами», которые вовсе не суть «боги», но именно «духи», добрые и злые. Но не о том же ли говорят «ангелология» и «демонология» в христианском учении.

Восприятие Природы как храма определяет у коренных народов их бережное почитание Воды, Земли, Огня, Воздуха, Растения, Животного... То есть всего того, что человечество мира в основном разрушает своей эгоистической или агрессивной деятельностью.

Этот главный постулат стал для меня основанием и правом сравнивать, хотя бы в общих чертах, развитие античной и более поздних философских систем с мировоззрением и традициями ныне живущих дальневосточных и северных народов.

Иногда мне кажется, что не я писала эту книгу, а КНИГА ПИСАЛА МЕНЯ – так много открытий состоялось в процессе работы, так углубилось и расширилось моё миропонимание. «Диалоги» Платона, «О природе» Гераклита, «Монадология» Лейбница, пьеса Метерлинка «Синяя птица», рассказы и пьесы А. П. Чехова... не перечислить имён людей, которые вышли мне навстречу, помогая осмыслить труднейшие задачи.

В послесловии я пишу: «Эта книга – вольные размышления на метафизические, то есть сверхчувственные, темы. «Что такое – Душа? В чём тайна «Непорочного Зачатия»? Разумна ли Природа? Что за существо «ребёнок»? Книга не претендует на ответы в означенных темах .

Да человеку они и непосильны. Моя же задача была собрать и представить рассуждения мыслителей разных времён и разных народов.

Сравнение их, по замыслу, позволяет читателю глубже понять Первозамысел Творца о Божественной сущности созданного Им Мира.

Каждая глава книги оснащена цветными иллюстрациями. «Умозрения в красках» на поднятые темы свидетельствуют о своеобразии религиозного мышления народов мира.

У каждой книги – своя судьба, сравнимая с судьбой рождённого ребёнка. Первые шаги книга «Нет ни еллина, ни иудея» сделала за океан. Её приняли в Русском отделе Библиотеки Конгресса

в Вашингтоне, а также в Публичной Библиотеке Бостона, третьей по значимости в Соединённых Штатах Америки. Большая честь для меня этот, пусть небольшой, шаг в культурном диалоге России и Америки.

Дальнейшую судьбу книги определит время. Об этом – моё стихотворение

ТОПОЛИНЫЙ ПУХ

Летят	ткала родившимся
слова мои,	словам-младенцам.
как тополиный	И кованую
пух,	рифмами
по воле ветра,	броню
воле ветра...	вверяла
И падают,	закалить
теряя речь	огню.
и слух,	Где ратники мои – слова?
в земные недра,	В каких краях
земные недра...	травы забвенья
Я каждому	проросла
давала имена,	сквозь дух
вынашивая	и имена ...
пóдолгу под сердцем,	Бесшумно кружит
крестильные рубашки	тополиный пух,
изо льна	земле вверяя семена...

...Перебросим мост от древнейших времён – к новейшим, к поэзии Александра Блока, который идею Премудрости Божией понял как идеал Вечной Женственности, символ Красоты и Добра. Поэт воплощает его в образе «Прекрасной Дамы», Мировой Души, мировой гармонии:

Все виденья так мгновенны –
 Буду ль верить им?
 Но Владычицей Вселенной,
 Я, случайный, бедный, тленный,
 Может быть, любим.

Или:

Вхожу я в тёмные храмы,
 Совершаю бедный обряд.
 Там жду я Прекрасной Дамы
 В мерцаньи красных лампад.
 ... О, я привык к этим ризам
 Величавой Вечной Жены!
 Высоко бегут по карнизам
 Улыбки, сказки и сны...

(1902 г.)

И до сих пор «бегут» и – не престанут. Я намеренно развернула спектр представлений о Софии Премудрости Божией в мистическом понимании людей, живших в разных географических пространствах и временных эпохах. Пусть и читатель примерит «на свой рост» наиболее соответствующие ему «одежды» понятий в поисках Вечной Истины. Я же отправлюсь в свой излюбленный дальневосточный ареал, чтобы и там найти аналоги планетарным понятиям о «детях света» и о «материнском лоне изначальности».

«Верхняя мать» удэгейских девочек

Листаю страницы своих полевых дневников на сорок лет назад. Июль 1974 года. Из записей возникает «национальный пейзаж» удэгейского села Гвасюги.

Домики, рубленные на русский лад, не образуют улиц. Вольно, кубиками – разбросаны по ближней тайге. Амбары-джялли возвышаются на бревенчатых «ножках», обутых наверху в перевёрнутые кастрюли, тазы без донца, просто в металлические обручи, будто наряжены в короткие штанишки, чтобы крысы и мыши не испортили добро в чреве амбаров. В посёлке – школа-интернат – восьмилетка, медпункт, клуб. Жителей – 280 человек, много русских. Председатель сельсовета – Валентина Кялундзюга. Тогда, в 74-м году, ей было 38 лет.

Была ещё жива Нэдыга – первая жена знаменитого Джанси Кимонко, первого удэгейского писателя, автора книги «Там, где бежит Сукпай». Нэдыга поминала мужа недобрым словом. Столько было в ней горечи и незаживающей обиды, словно не годы прошли, а «вчера», после тридцати лет совместной жизни, Джанси бросил верную подругу ради «молодой девки». Сегодня биографы тщательно обходят «неудобные» факты биографии «зачинателя удэгейской литературы». Нэдыга вспоминала, как вместе с Джанси училась в Ленинграде, в Институте народов Севера, и как ждала его из тюрьмы, куда он попал в 1937-м году. «Два года отсидел ни за что, ни про что». В 1949-м Джанси Кимонко на охоте «задрал медведь».

В 70-х в Гвасюгах ещё помнили, как это произошло, будто события не тускнеют от времени. Так, наверное, и версталась веками изузстная история бесписьменного народа. Ещё был жив шаман Энгэли, друг Джанси и напарник по охоте. На мой вопрос о гибели Д. Кимонко пьяненький Энгэли торопливо твердил: «Я не виноват, я не виноват...» Валентина Кялундзюга потом пояснила мне, что Энгэли «терзает совесть». Что он как шаман должен был предугадать опасность и предотвратить гибель Джанси. Ведь «медведь», погубивший Кимонко, был шаманом чужого рода, принявшим облик медведя. И Энгэли тоже нужно было перевоплотиться в медведя и выйти чужаку навстречу раньше Джанси. Однако он этого не сделал, значит, он и виноват в гибели друга, хотя и старается в этом себе не признаваться.

Истеричные выкрики Энгэли, серьёзные интонации Валентины Кялундзюга, убеждённой в истинности своих доводов, были моей первой ступенью в таинственной школе древнего мировоззрения тунгусо-маньчжурских народов.

Может быть, благодаря тому, что в 70-е годы Валентина Тунсяновна была председателем сельсовета в Гвасюгах, под её негласным покровительством шаманы не скрывали своего статуса. Тот же Энгэли считался первым целителем на селе. Сама Валентина, когда стало невмоготу от спазмов в горле и груди, обратилась к «дедушке Энгэли». Он прощупал больные места, потом прожарил обычную иголку на зажжённой спичке и уколол пациентку в определённые, точно известные ему центры грудной клетки. Затем выдавил из ранки чёрную кровь, стал раскатывать валиком кусок теста на ранке, пока, наконец, не вытащил болевший нерв. Валя видела, как он вытаскивал коричнево-грязную нить нерва из теста.

В селе помнили, как он вылечил парализованную ногу больной женщины.

Под статью Энгэли была и его жена – Кянду Кимонко. Тогда ей было 74 года. Маленькая, полуслепая, с короткой стрижкой – «ёжиком». Волевое лицо. О ней говорили, что Кянду – самая сильная шаманка в селении. Даже может провозжать душу умершего в буну – на тот свет. Обряд сложный. Предварительно шаману нужно поймать эту душу, а для этого отгадать, в каком образе она пребывает. Несмотря на плохое зрение, Кянду слыла одной из лучших вышивальщиц. Охотно в тот день фотографировалась вместе с мужем на фоне вышитых ею одежд, приготовленных «на смертный час». Раскованная, живая, Кянду тем не менее останавливает мужа, когда он в мой микрофон начинает петь на удэгейском языке бравую советскую песню. Забежавшая «на огонёк» соседка Забини переводит смысл: «Советская власть дала мне этот дом, эту землю ... Мне здесь хорошо».

– Они боятся, боятся, – шепчет мне Забини. – Вдруг русские кто узнают, что они шаманят...

Убираю микрофон и блокнот: сеанс окончен, и я больше не хочу смущать своими вопросами стариков.

Путешествуя по 74-му году, не могу миновать дом Валентины Кялундзюга, ибо это был не просто «дом», а центр притяжения всего удэгейского мира. Тогда он ещё только обустроивался, но «внешнее» уже свидетельствовало о «внутреннем».

Перед фасадом красовался палисадник. «Дом с палисадником» был единственный в Гвасюгах. Ирисы и сараны – пришельцы, перенесённые хозяйкой Дома с сопок. Рядом – на манер русских садов – золотые шары, флоксы, мальвы, кусты смородины. Аура гармонии земли и души.

Муж Валентины Дима был на покосе. В прихожей отметила символическую деталь: рядом с форменной фуражкой лесника – удэгейская шапочка с мехом и орнаментом. В сумочке из выделанной рыбьей кожи – рыболовные снасти. В комнатах – привычный современный набор: приёмник, телевизор, аккордеон сына Юры. В те поры он учился на подготовительном отделении музыкального училища в Хабаровске по классу баяна. «Выучусь, – обещал матери, – вернусь работать в наш клуб».

Всё как у всех. Ничего неординарного. Но сама древняя удэгейская земля и старые люди, привыкшие к старинному быту, казалось, требовали притормозить нашествие нового времени, оглянуться назад. Не знак ли? – копала Валентина грядку в огороде – помидоры сажать, а «сняла урожай»

древних предметов: несколько медных блях, возможно, от пояса, который женщины носили под халатом. «Раскопки» предъявили и бусины – разноцветные, китайского стекла. Здесь, на этом месте, Валя помнила, – стоял когда-то амбар-дзялли, да завалился от ветхости.

Находки утвердили планы Валентины о создании музея в селе. Гены её древнего рода, опыт библиотечной и клубной работы, которой Валентина занималась до избрания председателем, диктовали направления её творческих поисков. Уже были сданы в том году в Хабаровское издательство удэгейские сказки, записанные Валентиной от старого Иргу Кялундзюга. Сборник под названием «Два солнца» вышел в свет, а фольклорные записи в тетрадах Вали неумолимо множились. Она вела их на удэгейском и русском языках.

И вот тогда-то, в мои «удэгейские дни», дочь охотника и сказочника Тунсяны, впитавшая с детства родной язык и обычаи своего народа, спутница отца в его таёжных походах, поведала мне о том, как удэгейские девочки, среди них была и сама Валя, ИГРАЛИ «В МАТЕРИНСТВО». Сейчас, по прошествии сорока лет, я понимаю, что именно ради этого эпизода, счастливо оставшегося в путевых записках, Судьба и привела меня тогда в Гвасюги.

Вот описание игры, вернее, мистического спектакля. Все роли – женские. Несколько девочек изображают обыкновенных «земных матерей». А одну избирают на роль «ВЕРХНЕЙ МАТЕРИ». «Земные матери» кричат «Верхней», подняв лица к небу: «Я хочу детей! Я хочу детей! Дай мне ребёночка!» Просят у неё. Та держит в руках куклы-прутики. Спрашивает: «Будешь о ребёнке заботиться? Кормить, поить, от болезней беречь – будешь?» – «Да, да», – с нетерпением отвечают «земные матери». Тогда «Верхняя Мать» раздаёт им куклы-прутики: «детей».

Какая-то нерадивая «земная мать» нарочно шлёпает «новорожденного ребёнка», и он тотчас же снова оказывается у «Верхней Матери». Чтобы вернуть его обиженную душу, нужно опять выклянчивать её у «Верхней Матери». И игра начинается снова.

Магия игры накликала магию чадородия у будущих матерей. Но «плодородием», то бишь «чадородием», распоряжается некое Верховное Божество – Верховная Мать. Не слышится ли в этих древних представлениях удэгейцев эхо размышлений о «материнском лоне изначальности», не названная ими, по понятным причинам, София Премудрость Божия? Не близко ли к этим представлениям предположение о Павла Флоренского: София – предвечно сущее в Боге собрание идеальных первообразов всего сущего? И другое – о Сергия Булгакова, который считал, что София Божия, положенная вне Себя творческим актом Божиим, становится Софией тварной и проявлена в потенциях бытия.

Сложно, но попробую хотя бы приблизительно разобраться. А если ещё сличить детскую игру с шаманским ритуалом, то при желании можно увидеть общее в заклинательных действиях удэгейских девочек с метафизическими понятиями почтенных философов и камланиями шамана.

Валентина Кялундзюга описала смысл этого камлания в параллель с рассказом об игре девочек. «Игра, по её словам, – копия шаманского ритуала. Итак, женщина, у которой болен ребёнок, обращается к шаману с просьбой о исцелении. Шаман, камлая, приходит к Верхней Матери – боже-ству. Считалось: если ребёнок заболел, значит, душа его покинула и вернулась к Верхней Матери. На просьбу посредника – шамана Верхняя Мать строго вопрошает: Почему плохо обращались с ребёнком, не смотрели за ним, бранили, били? Шаман обещает, что мать ребёнка исправится. Если Верхняя Мать поверит просителю, то передаёт ему душу дитя, и он с ней возвращается на землю. Душу вернули в тело больного, и он таким образом исцелился.

Верхняя Мать распоряжается и зачатием ребёнка. К ней обращаются и бездетные женщины.

Удивительная сказка есть у удэгейцев. Называется «Солнечный свет». Герои: богатырь Егда и красавица – дочь старика и старухи. Сватается к девушке Егда, но старик – отец ставит странное условие: «Сходи, Егда, на небо и добудь СВЕТ СОЛНЦА». Отправился Егда. В земной тайге помог медведю и изюбру, а потом – и они ему. По рогам изюбра поднялся богатырь на небо «и сразу попал в небесную тайгу». Там, на вершину сопки, пришёл «седой старичок – месяц». Он-то и достал свёрток, в который был завернут «солнечный свет». Передал свёрток богатырю и посоветовал: «Как придёшь, отдай свёрток будущему тестю, хватай девицу и бегом из дома». Егда так и сделал. А дальше вот что произошло.

«Старик со старухой надели чистые одежды, положили на стол свёрток и стали разворачивать его. Много было обёрток, а когда развернули последнюю, вылетел из неё яркий огонь и опалил жилище стариков».

Каждая фраза текста – сакрально многозначна. Есть смысл соотнести «красавицу – солнечный свет» и «яркий огонь», который, возможно, символизирует родовой огонь невесты как залог продолжения рода в доме мужа. «Солнечный свет» – не владения ли «женского Духа», где росли на небесных нивах родовые деревья тунгусо-маньчжуров? У каждого рода были свои, земные его модули – виды. У кур-урмийских нанайцев, например, избранное «дерево душ» – ива – фотоха. Как объясняла мне Дачи Удинкан, «у ивы веток много, на каждой ветке, в пазухах листьев, – как бы «гнезда». В них незримые глазу птенцы – чока». Само же мистическое древо детских душ – омиа-мони можно созерцать лишь на матерчатых иконах – духу или на амири – свадебных халатах из рыбьей кожи.

На небесном «Древе» возникали души в облике птенцов, которые ждали своего часа, когда, по велению Верхней Матери, они внедряются в чрево объятой жаждой материнства женщины.

Понятия Верхней Матери и Софии Премудрости Божией произносились на разных языках народами, географически и исторически отдалёнными друг от друга. Но вряд ли и сегодня, в XXI –м веке, эти наименования сакральных явлений нужно упрятать в терминологические словари или этнографические музеи. Люди, чутко экранирующие духовный космос, чувствуют их мистический реализм, иногда и не осознавая этого.

Критика

Сэда Вермишева

Послание Блока

Одним из самых значительных произведений, написанных Александром Блоком, справедливо считается цикл, состоящий из пяти стихотворений под общим названием «На поле Куликовом» и стихотворение «Скифы», которое можно рассматривать как логическое продолжение темы, обозначенной в цикле «На поле Куликовом».

И цикл «На поле Куликовом», и стихотворение «Скифы» на сегодняшний день представляются весьма актуальными, позволяющими рассматривать современные политические процессы в исторической ретроспективе и перспективе. Фактически в названных стихах А. Блока в безупречной художественной форме проведен широкий геополитический, цивилизационный и этнопсихологический анализ отношений как противостояния и противоборства, так и возможного сотрудничества, консенсуса и союзов на всём Евразийском пространстве. В частности отношений между Россией и её восточными соседями (цикл «На поле Куликовом»), а также России с Европой, а также значения России, как важнейшего элемента евразийской политической архитектуры и гаранта её устойчивости (стихотворение «Скифы»).

Кроме того, А. Блок строит гипотезу возможного развития исторических событий, в случае, если из этой архитектуры будет устранён или повреждён один из её важнейших элементов – Россия.

Общим для цикла «На поле Куликовом» и стихотворения «Скифы», написанном на 10 лет позже, является подход к выбранным темам. Сегодня его назвали бы историческим, психологическим, геополитическим анализом имевших место и просматривающихся на перспективу возможных столкновений между основными акторами евразийского пространства, со всеми, неизбежно вытекающими из этого, последствиями. При том, что геополитический анализ в рассматриваемых произведениях Александра Блока подан в идеальной художественной форме, он безупречен и с точки зрения чистоты методологии подхода. В этих произведениях напрочь отсутствует идеологическая компонента как выражение классовых, сословных, социальных интересов. И в этом смысле рассматриваемые стихотворения А. Блока стоят особняком во всей русской поэзии, не считая литературы Древней Руси, от которой, очевидно, и отталкивался ведомый национальным сознанием и поэтической интуицией Александр Блок.

Придерживается этого подхода Александр Блок не только в цикле «На поле Куликовом», отсылающем нас к событиям XIV века, но и в стихотворении «Скифы», хотя написано оно после революции 1917 года, после окончания Первой мировой войны. Тем не менее, рассматривая противостояние Европы и России, А. Блок ведом духом истории, где исконным объектом интереса противостоящих сторон являются территории, борьба за господство над ними и населяющими их народами, демонстрирует геополитический подход к проблеме, видя в ней борьбу за сферы влияния, продвижение своих интересов на больших пространствах, которая ещё недавно называлась территориальным экспансионизмом или противостоянием ему. Именно в этом ключе написан и цикл «На поле Куликовом» и стихотворение «Скифы». Прочтение их непростых, далеко не линейных, смыслов особенно актуально в свете событий, переживаемых нами на нынешнем временном отрезке, всё в тех же пространственных координатах Евразии, на котором разворачивались события поэзии А. Блока. Упомянутые произведения А. Блока роднит методология, историзм подхода в описании событий, но рознятся они эмоционально. И это – принципиальная разница, за которой кроется нечто сакральное, едва уловимое, но пренебрежение, чем чревато трагедиями мирового масштаба.

Тревожные интонации цикла «На поле Куликовом».

Парадокс цикла «На поле Куликовом» в том, что написан он в трагической, горестной тональности, хотя говорится в нём о величайшей исторической победе русских над восточными завоевателями. Такова же и лексика этого цикла: слова «кровь», «плачь», «пыль», «тоска», «мгла», «беда», «тучи» неизменно присутствуют в стихах цикла, настойчиво повторяются, создавая ощущение тревожных предчувствий. Приведу две последние строфы из первого же стихотворения цикла «На поле Куликовом»:

«И нет конца! Мелькают версты, кручи...// Останови!// Идут, идут испуганные тучи,// Закат в крови!// Закат в крови! Из сердца кровь струится!// Плач, сердце, плачь...// Покоя нет! Степная кобылица// Несется вскачь!»

Повторы «Идут, идут», «Закат в крови! Закат в крови!» «Плачь, сердце, плачь...» нагнетают трагизм повествования, фатальность, неизбежность горестного развития событий. Цикл «На поле Куликовом» не пассивное отображение событий далекого 1380 года, а некая возможность, оттолкнувшись от них, явить нам своё предвидение, своё предчувствие грядущего в историческом времени на конкретном евразийском пространстве, где проходила Куликовская битва, и где сегодня мы стоим лицом к лицу с вызовами нашего времени, тревожной неопределённостью в видении развития событий и пророчеством А. Блока: «Наш путь – степной, наш путь – в тоске безбрежной,// В твоей тоске, о, Русь!// И даже мглы – ночной и зарубежной –// Я не боюсь.»

Победа на Куликовом поле описана А. Блоком не победной лексикой и не в победных ритмах. Здесь даже нет сюжета победы. А некое осмысление столкновения, во всей его взаимообратной связи и непредсказуемости последствий. Здесь некая метафизика столкновения, порождающая новые ситуации, новые коллизии и новую проблематику.

Некий сверхсмысл заключён в словах А. Блока из второй строфы цикла «На поле Куликовом»:

«О, Русь моя! Жена моя! До боли// Нам ясен долгий путь!// Наш путь – стрелой татарской древней воли// Пронзил нам грудь.» Здесь утверждается, что «Наш путь <...> пронзил (нам же. – С.В.) грудь» «стрелой татарской древней воли». То есть наш путь не столь уж и наш, добровольный, а навязанный извне? Или это утверждает взаимосвязанность судеб России с судьбами своих восточных соседей, общностью этого пути? То есть фиксируется историческая неизбежность сращения судеб и, одновременно, как минимум, сложность и трагичность взаимоотношений сторон, – ведь грудь всё-таки пронзена. И, повторю цитату, «Из сердца кровь струится!// Плач, сердце, плачь». И именно из этого стихотворения крылатые строки А. Блока: «И вечный бой! Покой нам только снится// Сквозь кровь и пыль...// Летит, летит степная кобылица// И мнет ковыль...» И повтор этой мысли в последней строфе того же стихотворения: «Покоя нет! Степная кобылица// Несется вскачь!» У А. Блока не бывает случайных слов, тем более они не случайны, если настойчиво повторяются на всем пространстве небольшого стихотворения: пронзённому сердцу – плакать. Покою – не бывать.

И как не вспомнить здесь гоголевскую Русь-тройку, которая за 56 лет до блоковских «степных кобылиц» и «заката в крови», неслась, дерзко и бесшабашно «и, косясь и постораниваясь, давали ей дорогу другие народы и государства?» Насколько отличается тональность этой захватывающей дух езды в неизвестность, выброшенного в мировое пространство вопроса: «Русь, куда несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром...», от горестной обречённости и драматизма блоковских строк из цикла «На поле Куликовом»: «И я с вековой тоскою,// Как волк под ущербной луной,// Не знаю, что делать с собою,// Куда мне лететь за тобой!»

Во втором стихотворении цикла, из которого приведены эти строки, ещё отчётливее звучит трагическая, а не мажорная нота победы на поле Куликовом: «На пути – горячий белый камень.// За рекой – поганая орда.// Светлый стяг над нашими полками// Не взиграет больше никогда». Что стоит за этими строками? Восприятия победы как пролога к поражению? Или возможности такого, по обстоятельствам, остающимся за скобками? Представляется, что эти строки не есть философское обобщение в духе пастернаковских строк: «Но поражение от победы ты сам не должен отличать». Перед нами другой поэт, с другой исторической памятью, историзмом мышления. В следующем стихотворении цикла река Дон, на берегах которого произошла историческая битва, принеся победу русским, назван «темным и зловещим». И ещё: «Вздымаются светлые мысли//

В растерзанном сердце моем, // И падают светлые мысли // Сожженные темным огнем...», «Явись, мое дивное диво! // Быть светлым меня научи!», // Вздывается конская грива... // За ветром зывают мечи...» В литературе существует мнение, что трагическая сложность «Куликова поля» в том, что Россия здесь оказывается не по одну сторону реки Непрядвы, а по обе: здесь вышли друг против друга не орда и Русь, а две России. Вместе с тем это Куликово поле являет собою как бы символическую картину души героя... ибо в самом себе он чувствует нечто темное, родственное той «татарской стихии», на бой с которой он вышел. (Тархов А. Об Александре Блоке. Вступительная статья к изданию: Александр Блок. Стихотворения. Поэмы. «Роза и крест». М.: Худ. лит. 1974.) Высказывается мнение, «что историческое Куликово поле было переосмыслено поэтом и стало у него символом некоего рокового рубежа внутри самой России – рубежа, на котором сходятся для битвы «русское» и «татарское», «светлое» и «тёмное» начала. В статье «Народ и интеллигенция» в качестве сторон противостояния А. Блок называл русский народ и русскую интеллигенцию, где под татарским станом подразумевалась интеллигенция, а спящие полки Донского – не пробужденный русский народ. Но особенностью великих художественных произведений является в том числе и то, что каждое время прочитывает их по-новому. Кроме того, они многомерны и не укладываются в прокрустово ложе какого-либо алгоритма. «И хотя сам Блок был склонен подставлять разные смыслы под символику Куликова поля, но основная его мысль в отношении этого цикла заключена в словах: «Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событием суждено возвращение. Разгадка их еще впереди», – так писал А. Блок в 1912 году» (там же). Об этом «возвращении» две последние строфы заключительного стихотворения из цикла «На поле Куликовом»:

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьим станом, как бывало,
И плеск, и трубы лебедей.
Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. – Молись!

Разные периоды исторического времени актуализируют и по разному прочитывают и оценивают смыслы, заключенные в великих художественных произведениях. Эта многомерность и вводит эти произведения в ранг великих достояний человечества. Основной тезис цикла «На поле Куликовом», подчеркнутый самим Александром Блоком, – это неизбежность возвращения России к ситуации Куликова поля: «Недаром тучи собрались!» И слова: «Теперь твой час настал. – Молись!», – возможно, обращены к нам.

Дерзкая и угрожающая тональность стихотворения А. Блока «Скифы»

Как мы уже отметили, тему стихотворения А. Блока «Скифы» можно рассматривать как логическое продолжение цикла «На поле Куликовом», хотя оно и написано 10 лет спустя. И если цикл «На поле Куликовом» горестен и трагичен, хотя в основе его лежит победа русских полков над Ордою, а стихотворение «Скифы», датированное 29–30 января 1918 года, когда Россия за 7 месяцев 1917 года пережила две революции и ко времени написания «Скифов» потеряла в результате гражданской войны и иностранной интервенции большую половину своей территории, стихотворение это написано в упругих ритмах, дерзкой тональности с использованием вызывающей лексики. Как отмечают исследователи, в дневниках А. Блока незадолго до написания «Скифов» (11 января 1918 года) имеется запись: «Тычь, тычь в карту, рвань немецкая, подлый буржуй. Артачься Англия и Франция. Мы свою историческую миссию выполним. Если вы хоть «демократическим миром» не смоете позор вашего военного патриотизма, если нашу революцию погубите, значит вы не арийцы больше. И мы широко откроем ворота на Восток. Мы смотрели на вас

глазами арийцев, пока у вас было лицо. А на морду вашу мы взглянем нашим косящим, лукавым, быстрым взглядом: мы скинемся азиатами, и на Вас прольется Восток.

Ваши шкуры пойдут на китайские тамбурины. Опозоривший себя, так изолгавшийся – уже не ариец.

Мы – варвары? Хорошо же. Мы и покажем вам, что такое варвары...»

Вскоре Советской Россией был подписан на тяжелейших условиях Брестский мир. Дневниковая запись А. Блока предвосхищает его же позицию в «Скифах».

Цикл «На поле Куликовом» выяснял соотношение физических и духовных сил России с восточной частью Евразийского континента, и даже через 600 лет, прошедших после победы и не колебавших её, полон ожидания новых драматических событий («Опять над полем Куликовым// Взошла и расточилась мгла,// И, словно облаком суровым, грядущий день заволокла»), в «Скифах» аналогично, выясняются отношения России с западной частью Евразийского континента. При этом подчеркивается роль и значение России на этом пространстве чётким, как математическая формула, определением её роли «щита меж двух враждебных рас// Монголов и Европы». Острое национальное чувство, историзм мышления, геополитическое чутьё А. Блока мы уже отмечали. Добавим и такой штрих, который очень важен для понимания истории взаимоотношений России с Западом. А именно – психологию взаимоотношений. Россия – Сфинкс, пишет А. Блок. «Ликуя и скорбя,// И обливаясь черной кровью, Она глядит, глядит в тебя,// И с ненавистью, и с любовью!..» О Западе же сказано: «Вы сотни лет глядели на Восток,// Копя и плавя наши перлы,// И вы, глумясь, считали только срок,// Когда наставить пушек жерла!» Вся история отношений России и Запада, особенно перестроечного и постсоветского времени – это история безответной любви, переходящей в подобострастие, России к Западу. И А. Блок выразил это в вышеприведенных строках. А. Блок же угрожает Западу, как ни один, самый радикальный политик России: «Вот – срок настал. Крылами бьет беда,// И каждый день обиды множит,// И день придет – не будет и следа// От ваших Пестумов, быть может!»

И Запад отвратен А. Блоку, прежде всего, своей буржуазностью. Той буржуазностью, в которую ввергла себя Россия, и из которой выбраться труднее, чем из самого сложного лабиринта. Не может выбраться и не может его освоить, обжиться в нём. Отсюда эта западня раздвоенности «ненависть – любовь» гораздо более опасная, чем позиция: вражда – любовь. Но Запад – это не только буржуазность. Это и античность Греции и Рима, это и эпоха Возрождения, воспринятые Россией через западную культуру. Плоть от плоти России, А. Блок и сам несёт в себе эту раздвоенность, когда призывает, обращаясь к Западу: «Придите к нам! От ужасов войны// Придите в мирные объятия!// Пока не поздно – старый меч в ножны,// Товарищи! Мы станем – братья!» И грозит: «А если нет, – нам нечего терять,// И нам доступно вероломство!..// Мы обернемся к вам// Своею азиатской рожей!» Перебор в цитатах не украшает анализ произведения. Но никуда не деться от резких, как ветер, бьющих наотмашь фраз: «Идите все, идите на Урал!// Мы очищаем место бою// Стальных машин, где дышит интеграл,// С монгольской дикою ордою!», той, которая так тревожила душу и так горестно звучала у А. Блока в цикле «На поле Куликовом». Он прозревает возможность замены русского начала, соприродного западноевропейскому, азиатским, (Мы обернемся к вам своею азиатской рожей!) и тогда «Мы поглядим, как смертный бой кипит,// Своими узкими глазами.» И опять – переход от только что явленной ненависти и угрозы к любви, к надежде на взаимность: «В этом можно заметить некую метаморфозу, преобразование, трансформацию России, олицетворяющей в цикле «На поле Куликовом» светлое начало, в тёмное начало в стихотворении «Скифы». Вражда Запада к России актуализирует здесь тёмное начало, вполне конкретно называемое в цикле «На поле Куликовом», исторически достоверно, татарским. В «Скифах» же это уже условное обозначение тёмных, затаённых свойств, таящихся на евразийском пространстве. А то, что относится к началу светлому, русскому, широко разбредётся по дёбрам и лесам, расступится перед пригожей Европой. Но, разбредясь и уступив место для схватки с Европой монгольской дикой орде, Россия сама сходит с исторической сцены. Такова перспектива этого произведения Александра Блока.

И, наверное, потому, преодолевая трагизм противоборства и противостояния, последняя строфа стихотворения «Скифы» от лица России сзывает старый мир на братский пир. И здесь не подвело А. Блока историческое чутьё, дух истории увёл его с тропы испепеляющей ненависти и вражды.

Восток же и в последних строках цикла на поле Куликовом назван «Вражьим станом», откуда он слышит «рокоты сечи» и «трубные крики татар». Понятная земная «любовь-ненависть» для А. Блока менее опасна, чем закрытый, мистический, затаённый Восток. Хотя только в XX веке Запад, включая Россию, истекал кровью в двух Мировых войнах. Излишне говорить, сколь описанная А. Блоком ситуация сегодня актуальна. Противостояние России и Запада нарастает. Восток – в выжидательной позиции, в позиции замедленного прыжка. И время неумолимо ведет нас по предначертанным А. Блоком историческим путям. Суметь прочесть и осмыслить высокие смыслы и мистические пророчества А. Блока, его послания нам, современникам, и, соответственно, откорректировать внешнюю и внутреннюю политику России и Запада – вот достойная задача, от решения которой зависит будущее мира.

Критика

Наталья Шунина

О чём молчат петроглифы.

Отзыв на книгу Алины Чадаевой «Нет ни еллина, ни иудея»

Новый труд Алины Чадаевой по сути своей утверждает единственную аксиому «Чем шире эрудиция, тоньше интуиция, тем яснее, что жизнь – тайна за семью печатями». Автор не срывает эти печати, не предлагает готовые ответы читателю, скорее, позволяет их нащупать, кладёт в руки и делает их как можно более «рельефными», осязаемыми. Всё остальное за читателем: либо откинуть, как миф, либо принять как малопознанное. Таким образом, перед нами не книга ответов, а петляющая дорожка подсказок, или, пользуясь художественным стилем автора, лодочка «предошущений», плывущая по реке Мангбо, мимо Дерева Душ Омиа-мони, змеек-муйки и мистической птицы Хуми.

По тематике затронутых вопросов – представления о Воде и Стихиях в различных философских системах, теории партеногенеза (непорочного зачатия) в науке и религиях, тайне Софии Премудрости Божией, тотемизме как планетарном диалоге с животным миром – книга, несомненно, перекликается с трудами Елены Блавацкой.

Цель также представляется сходной – расшевелить людей, вытащить их из коконов узкого религиозного догматизма или материалистического скепсиса, однако авторы выполняют миссию разными методами. В фолиантах Елены Блавацкой сложно не услышать горн осуждения в адрес многочисленных представителей науки и догматиков, в некотором смысле – её труды воинственны, предельно мужественны. В книге Алины Чадаевой, напротив, ни шороха, который напоминал бы о кровавом столкновении систем, систем. Дальневосточный колорит обволакивает читателя и делает сравнительный анализ культур и систем – медитацией, в которой и еллин, и иудей познают своё древнее, изначальное родство.

В книге немало открытий и совершенно неожиданных ракурсов. Прежде всего, это авторское прочтение Евангелия. Одним из них является необычное видение эпизода со смоковницей из Евангелия от Марка. «Заметил ли читатель, что Иисус обращается к смоковнице как к одушевлённому существу. «И сказал Ей ... Да никто не вкушает ОТ ТЕБЯ плода вовек», – цитирует Алина Чадаева. Также автор глубоко и метафизически раскрывает тему евангельского Отрока и как бы протягивает тонкие нити между теориями Лейбница, произведениями Метерлинка, Чехова, сказаниями и религиями.

Нельзя не упомянуть и о другом уникальном материале: сказкам и сказаниям малочисленных народов, записанных автором во время двадцатилетнего её пребывания на Дальнем Востоке из уст сказительниц и неизвестных порой даже узкому кругу специалистов.

Можно предположить, что постоянное возвращение к сказаниям и мифам для автора – крупного исследователя культур коренных народов Дальнего Востока и Русского Севера являлось более чем естественным, однако, и намеренным воздействием на читателя на другом уровне, апеллирование к другим его пластам – к его подсознательному и бессознательному.

Понять и оценить подобный подход в его целостности легко, вспомнив слова выдающегося психолога Карла Густава Юнга: «Я бы порекомендовал читателю так изучать сравнительную историю религий, чтобы он наполнил мёртвые для нас сведения эмоциональной жизнью, которая была внутренним опытом живших этими религиями. Тем самым он получит представление о том, какова жизнь на другой стороне. Древние религии с их возвышенными и смешными, добрыми и жестокими символами ведь не с неба упали, а возникли из той же человеческой души, которая живёт в нас и сейчас.

Что ж, книга, написанная А. Чадаевой, действительно наполняет мёртвые символы эмоциональной жизнью и блестяще даёт представление о том, какова жизнь «на другой стороне» истории и души – хочется добавить: «реки Мангбо» и позвать читателя в путешествие по лабиринтам мифов.

Критика

Лидия Довыденко

Экология Земли и души

Размышления над книгой Евгения Журавли «Озеро забвений» — «Берега», №4(16), 5(17), 6(18) – 2016 – <https://www.dovydenko.ru>

Не перестаю удивляться, читаю и перечитываю «Озеро забвений». Книга кажется мне невероятной, сколько неожиданных открытий, глубоких размышлений поджидает читателя. Поразительно современное произведение, в то же время оно говорит о традиции классической русской литературы – пускаться герою в дальние странствия, обретая в сравнениях и сопоставлениях с привычным, известным, понятным в жизни с тем, что увидел, кого встретил, обретая мудрость души.

«Тысяча бликов», - написал Евгений Журавли о своей книге «Озеро забвений». И действительно, как отражает волнистая поверхность воды тысячи солнечных бликов, так в книге отражаются тысячи бликов мыслей, чувств, переживаний, погружений в свои корни, в оттенки быта современности, в ночное небо и в бесчисленные земные пейзажи, в сложные взаимоотношения людей в разных точках планеты, где есть место человеческому величию и низости.

Мы вместе с автором и его десятилетним сыном Тимуром находимся в постоянном движении мысли, в постоянном пути, преодолевая огромные расстояния на восточном полушарии карты земного шара, перелетев от Калининграда до Узбекистана, а затем - в Иран, Афганистан, где, наконец, обретаем осуществление цели – оказываемся на берегу целительного для глубоко раненой души озера.

Книгу Евгения можно было бы отнести к новому и в то же время вечному варианту «Одиссеи» - человека в пути по причине невозможности оставаться там, где ты живешь, когда ощущаешь властный зов – хотя бы временно покинуть дом, чтобы отпустило то, что мучит и терзает. И когда лелеешь надежду - обрести нечто, что приводит к пониманию планеты, как родного дома человечества, с которым сродняешься, встречая неожиданную помощь и привет.

Пути Господни неисповедимы, и путь нашего героя начался по причине того, что «... в ясном летнем небе подсознания прогремела раскалывающая жизнь на «до» и «после» ослепительная молния неизбежности...» Как преодолеть-пережить то, что называется трагедией? Возникает необходимость найти Озеро забвений... «Где оно? Македонский, Чингисхан, Тимур. Перелётные птицы. Заратустра, Иисус, Моххамед, Митра и Будда. Неизвестные народы. Голубоглазые памирцы. Архаические языки. Арии. Асы. Там ли мои истоки? Что мы вообще знаем об истории? А что об истине?»

Тихая, невыраженная мольба о спасении от боли в душе выталкивает в сознании первый опыт, когда, казалось, подступает смерть от банальной причины: перепития студента-первокурсника, и в памяти встают друзья-музыканты, играющие у твоей кровати на гитарах: «Это была баллада «Скорпионз», «Holiday», без слов в 2 гитары. Я и не очень-то понимал, что происходит. Но это было красиво... Трогательно. И очень по-русски. «Умирать, так с музыкой» - это лучшее, что смог придумать мой товарищ».

Теперь герою повествования 32 года, и у него есть сын Тимур. Отец воспринимает сына как личность, как человека «... с характером, внешностью, самобытностью, с будущими взлетами и падениями. Со своей судьбой. Ничего не подозревающий, он уже обременён предъявленным ему происхождением, именем, гражданством, социальными обязательствами, местом и временем. Своим набором неизбежности». У Тимура с отцом доверительные отношения, мужская дружба, возможно, потому что, потеряв мать и жену, они еще более сблизились в горе. И воспоминания у отца о своем подростковом возрасте еще свежи: «И вот, караваны воспоминаний неспешно отправляются в далёкие 80-е, в жаркий и щедрый, в богатый и мирный тогда, Кавказ. Там, в маленьком городке - могилы дедов, возле них – норовистый Терек, над Терекон – высокий холм, а под ним – руины

древнего города Джулат, рискнувшего не покориться Великому Тимуру. Над холмом - безмятежное синее небо, а над небом, как говорят, в вечности седой Господь... И ровно через 700 лет после этих драматических событий, на огрызке башни, торчащей из холма, восседает одинокий, задумчивый и худощавый мальчишка. «Почему я не Тимур?» - думалось тогда. Что значат годы? Тысячелетия и время? Случай, шанс? Существует ли судьба? Как у каждого подростка, мысли мои были в то время глобальны. И, хотя я не открыл тогда рецепт процветания для всего человечества, но уже точно знал, что у меня будет сын, и звать его будут «Тимур». И что я привезу когда-нибудь его, родившегося уже наверняка где-то в других климатических и временных поясах, сюда, в это место, посажу рядом и расскажу эту историю. И его юная впечатлительная душа наверняка поймёт, что где-то здесь её корни. Потому что корни нужны всему живому».

Может быть, поэтому эти невидимые корни помогают, как птице, безошибочно летящей к родному гнезду из далеких теплых краев, обрести путь в сердце Евразии: «И это сердце – оно такое же, как человеческое. Хрупкое, ранимое, чуткое. И, не в пример молодой Европе, более древнее и умное. Только здесь – последнее пространство на планете, где слова «гость», «честность», «друг», «дом» и «бог» имеют совершенно не-двойкий смысл. Смысл, который не бывает искажён временными обстоятельствами и финансовым положением».

«Что самое красивое мы видели там?» – спрашивает то ли себя, то ли сына повествователь путешествия в сердце Азии. И отвечает, что это люди. «Помнишь, как в провинции Керман, куда мы так долго добирались, в этом наверняка беднейшем селении планеты, где люди живут в пещерах с наскальными рисунками, а из еды не имеют ничего, кроме орехов и грубых семян – помнишь, как нам предлагали гостеприимство и ночлег? Как каждый с интересом и улыбкой звал к себе нас – странных высоких белых людей. Бесплатно... Там, где люди близко к земле, никто никогда не думает о сиюминутной выгоде. Они ничего никогда не получали «просто так» и знают истинную цену вещей. Наверное, для них имеет ценность только то, что они могут забрать с собой, когда отправляются к своему Богу».

Дорога героев разворачивается как свиток, в котором мы читаем поиски смысла, истины. В Самарканде мы встречаемся с жителем этого города Искандером, уверенном в том, что «Бог справедливый. Справедливость - ведь это главное в мире. То, на чём держится мир...» Его искренние убеждения, основывающиеся на ясном и простом фундаменте, вызывают у меня уважение. Простота и краткость – почти всегда равны истинности. И уж точно, всегда равны силе производимого действия. Поэтому я никогда не поверю в изящные логичные умственные построения, которые многие люди считают своими жизненными правилами. Заповедями. Кодексом. Их не может быть много. Стол лучше стоит на 3-х ногах, чем на 4-х».

И если твоя мысль на что-то заточена, на обретение понимания, на открытие нового смысла, ты это рано или поздно получаешь:

«— Молодой человек, а вы знаете, что в традиции суфизма признавалось чудом? – вопрошает старый служащий музея. – Это три вещи: Шестое чувство. Способность к перемещению физического тела любой массы. Реальное и мгновенное восприятие действительности». Ого! Последнее в списке действительно является чудом. Хотя мы и редко это понимаем... Всего остального наука уже добилась... В мраке подсознания узловатой каллиграфической вязью проявляются слова великого суфия: «Тот, кто нуждается в мудрости, часто считает, что нуждается в информации, тот, кто обладает информацией, часто полагает, что обладает мудростью, тот же, кто обладает мудростью, становится свободным от необходимости в информации». Гулкая тишина подсознания. Ощущение капли, упавшей в вечность. Полёт частицы над бездной. Я всё понял. Озарение – это место плюс время, плюс понимание...»

В пути напрасно спрашивает герой об Озере забвений, цель далека, но с героем происходит внутреннее преображение, в современной русской душе человека соединяется родное и вселенское, вечное и мгновенное, любовь и жертва. В единое целое, в тесный узел связывается Божий замысел и свободная воля человека, когда преобразование души человека обретает единственно верное направление. Нравственная определенность автора приобретает высокую степень концентрации. Образное видение писателя Евгения Журавли становится целостной духовной субстанцией, пронизанной откликами его собственной души и мудрости на высокие нравственные ориентации встреченных в пути людей разных культур и цивилизаций.

В арке прохода мечети повествователь видит старика в огромном тюрбане...

«Старику интересно, что у тебя в руках... Можешь ли объяснить?» – спрашивает Искандер, имея в виду шерстяной клубок в руках нашего персонажа, сидящего на деревянной лавке напротив модельни.

«Что тут объяснять? Просто шерсть. Моток пряжи, который имеет значение только для меня. Мне его подарили. Теперь сопровождает в путешествиях. Будто по своей воле, превращаясь иногда в нечто другое. Что-то вроде личной приметы. Я давно уже отношусь к нему как к талисману. Это как в русских сказках: «..бросил клубок Иванушка, и повёл его клубок в тридевятое царство...» Слыхал, наверное?»

Выясняется, что суфи – дословно означает шерсть, но одновременно – и человека сидящего на скамье (т.е. ученика), а мудрость, называемая у христиан «софия», на Востоке и звучит как «суфи». Но «...только познав Веру, Любовь и Надежду можно прийти к мудрости. Ибо мудрость – это их мать, София» – неожиданно для себя слышит в тот же день повествователь от православного священника, приехавшего поклониться могиле святого пророка Даниила. Все эти понятия, ранее осознаваемые как воспоминания, вдруг начинают сплетаться в повествовании в нечто цельное, оказываясь в конечном итоге искомым путём.

Как отличить Путь от Бегства? Бегства от реальности, от слабости, от трусости, от сумасшествия. Путь и Бег – совершенно разные понятия. В Пути есть цель, достижимая цель:

«Из-за гор показалось открытое пространство – как будто бы воздушные провалы в непрерывной смене долин, взгорий и плато. И вдруг, в этих провалах я УВИДЕЛ ВЗГЛЯД.

Именно взгляд. Самой Земли. Сейчас, здесь, я увидел вдруг, как моя планета своими прекрасными глазами, улыбаясь, смотрит на меня. Господи, у неё есть ГЛАЗА! Господи, вот же они! Какие же мы крохотные под этим огромным безмятежным небом! Она живая! Господи! Так маленькие дети с удивлением понимают – «живое!» – когда видят у пушистого комочка котёнка живые внимательные глаза, и пытаются общаться, заглядывая в мордашки, так и я глядел в неё... Она ЖИВАЯ!»

Через призму интеллекта автора, высоту его духовных поисков, пройдя с ним дорогами стран, которых не найдешь в туристических рекламных проспектах, мы обретаем ощущение единства человечества на горьких и трудных путях к истине, справедливости, доброте, помощи и поддержке, к миру и пониманию, к тому, что мы называем священным в жизни любой культуры: «Посмотрев назад, видел, как сзади, в дымке, все они смотрят на меня – все мои личные пророки – Шараф, Андрей, Искандер, Ежи, мой дедуля, Гейн, Саня Муравей, Валера, мой отец, держащий за плечи улыбающегося Тимура, а также маленький испуганный Ариан... Они, может, меня и не видели, но я всё равно улыбнулся им и махнул рукой...» «Всё, что я видел перед собой, было священным... Я смеялся, плакал, падал, вставал, ошибался, летел, любил, искал. Жил».

Наши друзья

Советуем почитать:

<http://www.rospisatel.ru/>

Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17, кв. 65

Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru

Журнал «Великоросс»: http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_29/article_1253/

Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistitskogo-masterstva-slava-rossii>

Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>

Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>

Русский народный дом: <http://rusnardom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>

Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru

Журнал «Новая Немига литературная»

Портал Переправа <http://pereprava.org/>

Московский журнал [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)

Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org

Русская народная линия <http://www.ruskline.ru>

Журнал «Подъем» — <http://www.podiem.vsi.ru>

<http://cultinfo.ru/> Культура в Вологодской области

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья!

Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка Маэстро на счет: **63900220 9003003076**.

Стоимость одного журнала — 400 руб.

Подписка на год — 2400 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты
выслать Лидии Владимировне Довыденко:
dovidenko_L@mail.ru